Трымайся праўды

аБАЖУР

№ 5 (108) 2014

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

У дзень сусветнай акцыі «Станем за журналістыку» нашыя калегі з Віцебска вырашылі выпусціць на волю птушку — слова. Тым больш што на адным з будынкаў знайшоўся вельмі трапны малюнак: выявы клетак, з якіх вылятаюць зробленыя з газет птушкі.

Анекдот, але ў Беларусі спрацавала вядомая (анекдатычная!) фраза: слова — не верабей, вылеціць — прыцягнуць.

Да адміністрацыйнай адказнасці за «ўдзел у несанкцыянаванай акцыі» (!) прыцягнутыя тыя, хто меў дачыненне да фотасесіі.

Сітуацыя так уразіла калег з Еўрапейскай федэрацыі журналістаў, што сюжэт здымка вырашылі паўтарыць — з патрабаваннямі волі слову і беларускім журналістам (на ніжнім фота). Складаць за гэта фота пратаколы ў Еўропе не даўмеліся.

Фота з сайтаў baj.by і e-f-j.eu

Абажур
ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 5 (108) 2014 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Вадзім Заміроўскі
Сяргей Шапран

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 12.12.2014 г.
Дата выхаду 26.12.2014 г.
Фармат 60х84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Ноу-хау года

«Я пришел к вам как юридическое лицо к юридическому лицу», — заявил в «Золотом теленке» сын турецко-подданного Остап Бендер, разговаривая с подпольным миллионером Корейко. Разумеется, юридическими лицами не были ни тот, ни другой. При всех своих декларациях об уважении к уголовному кодексу товарищ Бендер в правовых понятиях путался. Что вполне объяснимо с учетом его биографии, не отягощенной службой в юридических конторах или, скажем, милиции. Куда более странно, когда в определениях закона путаются те, кто этот закон должен применять.

Андрей БАСТУНЕЦ

С начала 2014 года до середины ноября сотрудники милиции двенадцать раз инициировали преследование журналистов за работу в иностранных СМИ. Когда весной и в начале лета были составлены первые протоколы в Гродно и Гродненской области, подумалось, что это может быть местной инициативой — про «неравнодушное» отношение к журналистам на Гродненщине давно известно. Но затем подобные протоколы «появились» в Бобруйске (столь любимом великим комбинатором и прочими детьми лейтенанта Шмидта), Могилеве, Бресте… После того как бобруйская журналистка Марина Молчанова обнаружила в своем деле материалы аналогичного разбирательства с Алесем Залевским из Кареличского суда Гродненской области (присланные, вероятно, в качестве шаблона), стало ясно, что процессы координируются и направляются — неизвестно только, кем и в каких целях.

К моменту подготовки этого материала вынесено шесть судебных постановлений, по которым журналисты оштрафованы на суммы от четырех с половиной до шести миллионов рублей. Еще три административных процесса начато. Обвинение стандартное: работа без аккредитации на зарубежные медиа.

Между тем, статья 22.9 Кодекса об административных правонарушениях, по которой привлекают журналистов, ответственности за деятельность без аккредитации не предусматривает. В ней говорится о незаконном изготовлении и распространении ***продукции средства массовой информации***, но журналист-то продукцию средства массовой информации не изготавливает и не распространяет! Он занимается *«сбором, редактированием и созданием (подготовкой) информационных сообщений и (или) материалов»* для редакции (пункт 7 статьи 1 Закона о СМИ). А продукцию СМИ (тираж, часть тиража отдельного номера печатного средства массовой информации, отдельный выпуск радио-, теле-, видеопрограммы и т. д. — пункт 15 этой же статьи) изготавливает редакция. Соответственно, только она и может допустить нарушения изготовления продукции СМИ, но никак не журналист. (Проверочное действие без обращения к тексту закона: Материал чей? — Журналиста. Продукция чья? — Средства массовой информации.)

Идем дальше. Еще один аргумент для тех, кто никаких аргументов слышать не хочет. Получения мидовской аккредитации в качестве журналиста иностранных СМИ закон требует только от лиц, связанных с «внешними» редакциям трудовыми отношениями (пункт 6 статьи 1).

А другие даже не могут на нее рассчитывать — при всем желании. Ибо нахождение в штате редакции иностранного СМИ является обязательным условием для получения аккредитации. То есть журналист-фрилансер, не входящий в штат конкретного иностранного медиа, получить аккредитацию в МИДе не может ***в принципе***. И — не должен. Но ни в одном судебном процессе сотрудники милиции даже не попытались установить и доказать факт трудовых отношений журналиста, привлекавшегося к ответственности, с редакцией иностранного СМИ, — а суды на апелляции журналистов к норме закона внимания не обращали.

Впрочем, дело не только в толковании конкретных статей Закона о СМИ, который, уверен, большинство из сотрудников органов внутренних дел не то что не понимают — даже в руках не держали. Но именно они составляют протоколы о нарушении законодательства о СМИ. Дело в том, что законодательство — не подвешенная в безвоздушном пространстве одинокая норма статьи 22.9 Кодекса об административных правонарушениях («оторванная» даже от Закона о СМИ), а стройная система правовых актов, основанная на Конституции и международных договорах Республики Беларусь. Так вот, привлечение к ответственности за осуществление белорусскими журналистами деятельности без аккредитации (независимо от того, работают они с редакциями иностранных СМИ по трудовому договору или сотрудничают на иных основаниях) противоречит и Конституции, и международно-правовым обязательствам страны.

Не буду цитировать статью 34 Конституции — каждый при желании может прочитать ее текст (не уверен, правда, что такое желание было у милиционеров и судей, «занимавшихся» журналистами). Но обращаю внимание на статью 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Республикой Беларусь. В соответствии с ней каждый человек имеет право искать, получать и распространять

Александр Денисов (Гродно)

Штраф 4 500 000 рублей

Алесь Залевский (Гродно)

Штрафы 4 500 000, 6 000 000 рублей

Андрей Мелешко (Гродно)

Штрафы 4 500 000, 5 250 000, 6 000 000 рублей

Штраф 4 800 000 рублей

Марина Молчанова (Бобруйск)

всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно, или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Подчеркиваю: **независимо от государственных границ**!

Да, права на получение и распространение информации, свободное выражение своего мнения не являются абсолютными. Но по Конституции пользование информацией может быть ограничено лишь для защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав (статья 34). Другими основаниями ограничения прав и свобод личности могут быть интересы национальной безопасности, общественного порядка, здоровья населения (статья 22). При этом все эти ограничения допускаются только в исключительных случаях, должны быть необходимыми в демократическом обществе для достижения тех самых предусмотренных Конституцией целей и не отменять действие прав и свобод.

Так вот, ни в одном случае преследования журналистов за работу без аккредитации никаких претензий к содержанию их материалов не было. Журналистов штрафовали только лишь за факт сотрудничества с иностранными медиа.

Какие же предусмотренные Конституцией или, скажем, Международным пактом правовые цели это преследовало? Какая исключительная необходимость, например, заставила сотрудников милиции трижды в течение года инициировать дело против гродненского журналиста Андрея Мелешко? Или дважды в Гродненской области — против Алеся Залевского? А что принудило проводить осмотры в квартире могилевского журналиста Александра Буракова и у его родителей, изымать профессиональное оборудование (причем как раз в день визита в Беларусь Представителя ОБСЕ Дуни Миятович, обсуждавшей с представителями властей проблемы аккредитации и призывавшей к ее отмене)? Какой настоятельной общественной потребностью вызвано задействование

Александр Бураков (Могилев)

стольких милиционеров, прокуроров, судей, сотрудников других известных ведомств для мониторинга зарубежных сайтов, опросов свидетелей, санкционирования и проведения осмотров, подготовки пухлых дел (в деле Буракова оказалось около 170 страниц)?! Необходимостью «выбить» из журналистов «пошлину» в 5–6 миллионов за осуществление ими своих конституционных прав? Намерением заставить их прекратить заниматься журналистской деятельностью? Потребностью «выдавить» их из страны, запугать всех прочих, продемонстрировать свою услужливую активность и лояльность или, напротив (конспирологическая версия о «новой пятой колонне»), осложнить намечающийся диалог официального Минска с Западом?

И какое это все имеет отношение к Конституции и Закону?

До апреля 2014 года статья 22.9 КоАП в отношении журналистов, сотрудничающих с иностранными медиа, не применялась. И не из-за «халатности» или по недосмотру сотрудников милиции, а потому что никаких законных оснований для привлечения журналистов к ответственности по этой статье не было. Нет и сейчас. Но здешние «великие комбинаторы» в погонах или без придумали «ноу-хау» и с апреля 2014-го начали его обкатку. Не вдаваясь в тонкости правовых определений и терминов, зато по понятиям. «Это я говорю вам как юридическое лицо юридическому лицу». Ноу-хау года.

Нынешняя кампания «Станем за журналистику» в Беларуси — в поддержку фрилансеров, оштрафованных за контакты с иностранными СМИ. БАЖ предложил любому примерить такую «шкуру».

Проблемы журналистики и сложности работы фрилансером стали основными темами для обсуждения на прошедшем в Минске в октябре круглом столе «Роль и место журналиста в обществе. Особенности деятельности журналистов-фрилансеров в Беларуси».

Публичная профессия и глухонемая власть

В мероприятии, которое организовало ОО «Белорусская ассоциация журналистов», участвовали представители Европейской федерации журналистов и журналистских союзов из Великобритании, Норвегии, Швеции и Австрии, а также сотрудники белорусских независимых СМИ.

Татьяна **КОРОВЕНКОВА**

Новые вызовы, новые оттенки

Примечательно, что к участию в круглом столе пригласили представителей главного идеологического управления при Администрации президента Беларуси, Министерства информации, постоянной комиссии по правам человека, национальным отношениям и СМИ Палаты представителей Национального собрания, а также Белорусского союза журналистов. Никто из них на встречу не пришел. Видимо, посчитали затрагиваемые проблемы неактуальными и неинтересными.

Хотя в тот день обсуждались весьма важные для современной журналистики вопросы.

Член правления ОО «Белорусская ассоциация журналистов» Вячеслав Ходосовский особо подчеркнул, что в современном мире СМИ «уже не являются беспристрастным зеркалом, отражающим происходящие процессы… Из-за силы своего воздействия они делают мир таким, каким его описывают. И влияние их растет каждый день прямо на глазах. Роль журналиста приобретает новые оттенки».

Еще одной проблемой современной журналистики Ходосовский назвал «широкую, как никогда, возможность провокационного манипулирования информацией ради достижения политических целей».

«Используя свои технические и финансовые преимущества, отдельные государства все чаще противоборствуют с менее сильными соперниками, — отметил журналист. — С этим столкнулась и Беларусь. Точнее, те белорусы, которых можно назвать жертвами агрессивной

пропаганды и лжи. Я говорю о событиях в Украине и о том, как они преподносятся российскими СМИ, которые вещают и в Беларуси».

При этом Ходосовский подчеркнул, что белорусские официальные СМИ пока все еще сохраняют нейтралитет при освещении украинских событий. «Но объем информации белорусских СМИ, в том числе и государственных, очень мал по сравнению с объемом российской пропаганды, которая сегодня господствует почти на каждой кнопке в телевизоре».

Ходосовский также отметил, что права белорусских граждан на доступ к информации не должны «приноситься в жертву интересам другого государства, даже если наша страна зависит от него экономически». И он с сожалением отметил, что белорусские независимые СМИ «пока не способны эффективно противостоять» подобным вызовам.

В свою очередь представитель Шведского союза журналистов Оса Ульсан рассказала, что в ее стране наблюдается кризис доверия к журналистике. Люди думают, отметила она, что журналистика им не нужна, так как вся информация есть в интернете. «Но они не задумываются, как информация попадает в интернет. Мы пытаемся заново объяснить людям, что такое журналистика».

Кроме того, подчеркнула Оса Ульсан, нельзя забывать и про экономический фактор. В Швеции считают, что если СМИ не приносит доход, то зачем в него инвестировать.

Со схожими проблемами сталкиваются и норвежские журналисты. «В Норвегии также есть подобные вызовы, — продолжил разговор представитель норвежского союза журналистов Торальф Сандокер. — Но мы вопросы доверия к журналистике открыто представили в кампании, которую организовали в этом году».

По словам Торальфа Сандокера, кампания проводится в интернете и рассчитана, в первую очередь, на молодежь. «Это разные обучающие материалы, — рассказал он. — Мы также сделали хэштег, который по-русски звучит приблизительно как "откуда ты это узнал". Основная цель кампании — научить молодых людей более критически относиться к информации, оценивать, откуда ее получили, чтобы привыкли понимать разницу между журналистикой редакторской и гражданской».

Сандокер подчеркивает, что пока еще рано оценивать общий результат кампании, но есть очень большой интерес к проекту со стороны образовательных учреждений, которые хотят, чтобы школьники получали больше информации и учились критически ее оценивать.

Глава Европейской федерации журналистов Рената Шредер признает, что в Европе ситуация со СМИ «не такая уж хорошая». Особенно это касается новых членов ЕС из Восточной Европы, где, по ее мнению, есть много проблем с независимостью СМИ, политическим влиянием на издания и недостаточной оплатой работы журналистов. «Мы стараемся защищать профессиональные и социальные права журналистов, — отметила Шредер. — Журналисты и редакторы должны работать независимо, искать истину и быть точными. Они должны быть мостом между разными группами общества. Но также должны нести ответственность за все, что они пишут».

Кроме того, отметила она, зачастую возникают ситуации, когда право на свободу слова вступает в конфликт с другими правами граждан (например, с правом на тайну частной жизни). «Здесь нелегко сделать выбор. Чаще мы отдаем приоритет свободе слова, но мы должны помнить, что необходимо соблюдать баланс», — подчеркнула Шредер.

В то же время наиболее сложными для журналистики она все же считает экономические вопросы. Сейчас в большинстве стран издания переживают непростые времена, так как переход от печатных к электронным версиям для многих оказался совсем нелегким. «Некоторые издатели жертвуют журналистскими принципами ради сохранения прибыли», — отметила она.

Все участники круглого стола согласились с тем, что журналистика во всем мире переживает кризис, в том числе и из-за экономических трудностей. «Переход с печатного выпуска в онлайн-формат не всегда приносит экономическую выгоду. И самым распространенным решением становится сокращение штата издания, что совсем не способствует повышению качества журналистики», — говорит Шредер.

В то же время развитие новых технологий и новые форматы СМИ приводят к тому, что свою

лишает журналиста возможности доступа на различные мероприятия для прессы и получения информации.

Еще одной серьезной проблемой для белорусских фрилансеров становится требование обязательной аккредитации журналиста иностранного СМИ в МИД Беларуси. Однако далеко не все зарубежные медиа могут этого добиться. Например, спутниковый телеканал «Белсат» неоднократно подавал заявку, но каждый раз получал отказ.

И если ранее за сотрудничество с иностранными СМИ без аккредитации власти ограничивались максимум прокурорским предупреждением, то в нынешнем году журналистов начали наказывать рублем.

Первым в апреле был оштрафован гродненский журналист Алесь Денисов. Затем за сотрудничество с телеканалом «Белсат» (Варшава) штрафом в размере 4,5 млн рублей наказали Алеся Залевского. В сентябре было дело против сотрудницы негосударственной интернет-газеты «Бобруйский курьер» Марины Молчановой, материал которой был размещен на сайте все того же телеканала «Белсат», в итоге штраф — 4,8 млн рублей.

актуальность для журналиста теряет необходимость полного рабочего дня в редакции. И журналисты постепенно приходят к тому, что быть фрилансерами гораздо удобней.

Например, около 15 % (приблизительно 1800 человек) Шведского союза журналистов составляют фрилансеры, в Норвежском союзе журналистов их 10 % (около 800 человек из 7 тысяч). В Германии половина журналистов, состоящих в профессиональных союзах, считают себя фрилансерами. В Великобритании фрилансерами считается четверть журналистов. И это число постоянно растет.

Не мешайте работать

К сожалению, хотя бы приблизительно подсчитать количество журналистов-фрилансеров в Беларуси не представляется возможным. И кроме проблем, с которыми сталкиваются их западные коллеги (поиск работы, достойная оплата труда и соблюдение авторских прав), белорусские журналисты-фрилансеры имеют дело с проблемами, вызванными особенностями применения белорусских законов в сфере СМИ.

Так, белорусское законодательство не запрещает работу журналиста вне штата какой-либо редакции. Однако свой статус журналист должен подтвердить соответствующим документом, а выдавать его имеют право только зарегистрированные СМИ. Ранее журналистское удостоверение выдавала БАЖ, но Министерство юстиции лишило организацию этой возможности. Кроме того, интернет-ресурсы не считаются в Беларуси СМИ, поэтому работающие там сотрудники по здешним законам журналистами и не считаются, что влечет все те же проблемы подтверждения своего статуса. А отсутствие статуса, по сути,

Еще более значительным штрафом в 6 млн рублей наказали могилевского журналиста Александра Буракова, которого суд также признал виновным в незаконном изготовлении продукции СМИ. Так было квалифицировано размещение статьи Буракова на сайте радио «Немецкая волна».

Также дважды за прошедшие полгода на 3,5 млн и 5,2 млн рублей оштрафовали журналиста Андрея Мелешко. Еще три дела были закрыты в связи с истечением срока давности.

Здесь стоит обратить внимание, что суды признавали журналистов виновными даже не в сотрудничестве с иностранными медиа, а в незаконном изготовлении и распространении продукции СМИ. Хотя совершенно очевидно, что написание статьи или подготовка видеосюжета никак не равны «изготовлению и распространению продукции СМИ».

В связи с усилением давления на фрилансеров Белорусская ассоциация журналистов выступила с заявлением, потребовав, чтобы представители госорганов прекратили преследование журналистов, а судебные решения, вынесенные в их отношении, были опротестованы уполномоченными лицами. Текст этого заявления направили генеральному прокурору, главе МВД, председателю Верховного суда и главе комиссии по правам человека, национальным отношениям и СМИ Палаты представителей Национального собрания.

Ответы, полученные БАЖ спустя какое-то время, в основном сводились к одному: если

журналисты не согласны с решениями суда, они имеют право их обжаловать. Никаких нарушений прав журналистов чиновники и депутаты не усмотрели.

Как справедливо отметил член правления БАЖ и официальный представитель телеканала «Белсат» Михась Янчук, в настоящее время эти штрафы выглядят как взимаемая государством с журналистов пошлина на возможность белорусов пользоваться своими конституционными правами получать и распространять информацию.

Стоит отметить, что уже не раз независимые журналисты и международные эксперты, в том числе представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Дуня Миятович, заявляли о том, что белорусское законодательство в сфере СМИ нуждается в реформировании и системных изменениях.

Белорусская ассоциация журналистов давно разработала пакет законодательных предложений, направленных на расширение гарантий свободы средств массовой информации. Однако общий смысл всех ответов из госорганов, в том числе из Палаты представителей, на предложения журналистского сообщества сводится к тому, что белорусское законодательство в сфере СМИ достаточно прогрессивное и ни в каких реформах не нуждается, а в стране созданы равные условия для всех изданий, и серьезных проблем в медиасфере не существует.

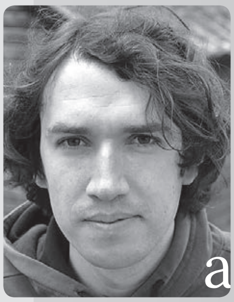
И здесь они, мягко говоря, лукавят, не желая замечать ни бюрократических преград, усложняющих регистрацию изданий, ни отданного на откуп чиновникам, а на практике — запретительного порядка аккредитации журналистов, ни прямых репрессий против них (ряд негосударственных газет, например, исключили из подписных каталогов и лишили возможности продаваться в киосках), ни сложностей с получением информации в различных госорганах. Еще один важный момент — это безопасность журналистов, которые освещают различные уличные акции и которых нередко задерживают сотрудники правоохранительных органов под предлогом проверки документов, хотя редакционные удостоверения и бейджи у журналистов всегда с собой. И стоит ли говорить о том, что независимые СМИ даже и не мечтают о таком уровне финансовой поддержки, которая оказывается государственным СМИ из бюджета. Собственно, независимым журналистам от государства нужны совсем не деньги. Единственная просьба к государству и чиновникам — не мешайте нормально работать.

И совершенно очевидно, что значительные изменения в медиасфере просто необходимы: упрощение процедуры регистрации СМИ, отмена обязательного требования об аккредитации, обеспечение доступа журналистов к информации и значительное сокращение сроков, в которые чиновники обязаны ответить на запрос СМИ, и пр.

Однако не менее очевидно и то, что белорусские власти в подобных реформах совершенно не заинтересованы и не планируют их осуществлять.

Фото: Сергей Балай

Вялікая інфармацыйная вайна

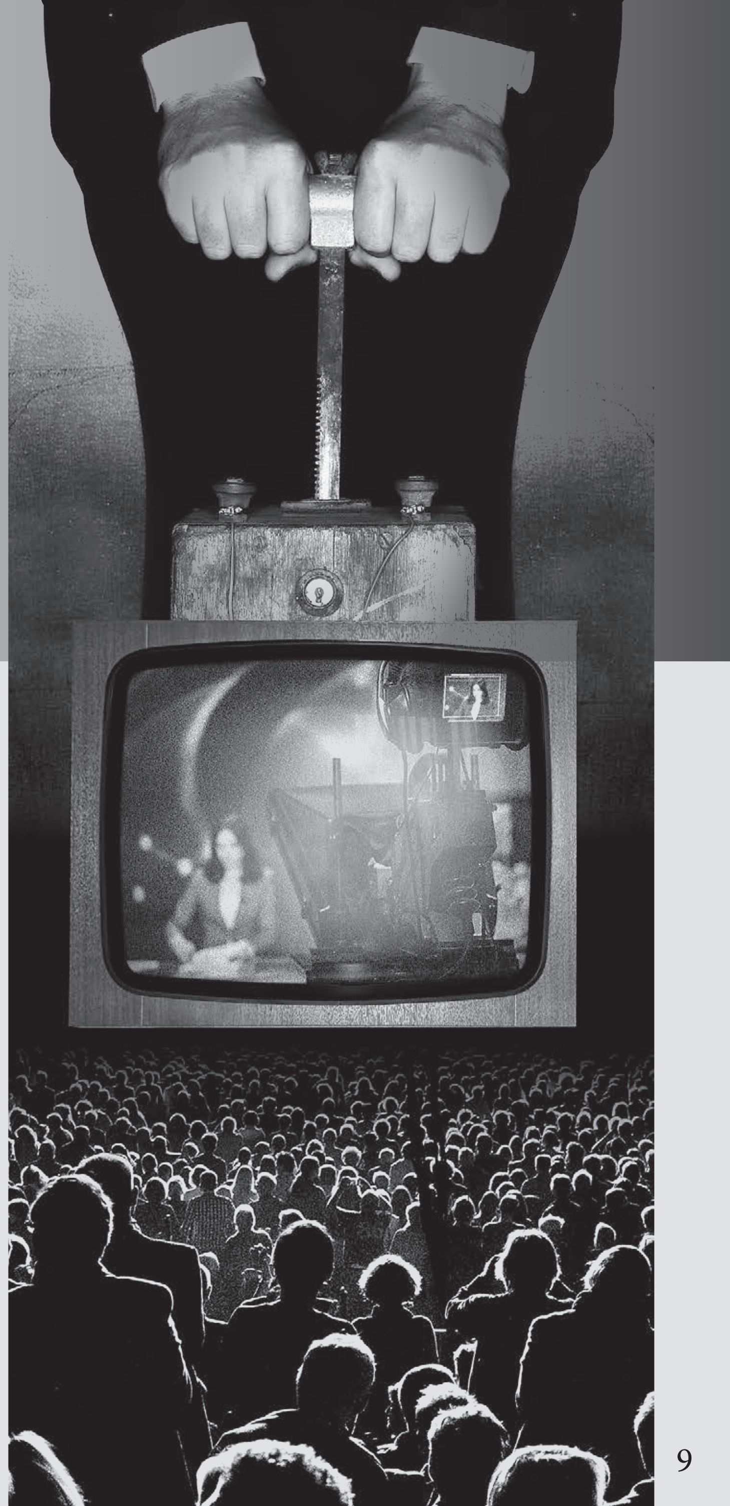
Сямён ПЕЧАНКО

Былі моманты — і нават месяцы, — калі многія з нас шукалі прыхаваную ад нас інфармацыю пра падзеі ў Беларусі на расійскіх тэлеканалах.

Былі моманты — і нават не выключана, што будуць, — калі беларускае тэлебачанне атрымлівала азначэнне «Гебельс-TV», а шэраг мясцовых газет непрыстойна было браць у рукі прыстойнаму чалавеку. Але мы ведалі, дзе прыстойнае ёсць.

Мы прызвычаіліся думаць, што расійская журналістыка больш «прасунутая» — і ў прафесійным, і ў тэхнічным, і нават у маральным плане.

Усё змянілася за апошні год.

Год-два таму сумнеўны статус медыязабойцаў сярод расійскіх журналістаў мелі адзінкі. Сёння ў дарэнак і лявонцьевых ператварыліся ці не цэлыя рэдакцыі праўладных СМІ. А слова «кілер» у звязку з прафесіяй журналіста ўсё больш набліжаецца да свайго сапраўднага значэння.

Натуральна, перамены гэтыя выспявалі не адзін год. Падзеі ва Украіне толькі паскорылі працэс. Расійскі медыйны ландшафт з пачатку года змяніўся непазнавальна, прайшоўшы шлях ад пагрозаў ператварыць ЗША ў радыеактыўны попел да прыкрыцця каскай з надпісам «Прэса» ў часе стральбы па пазіцыях украінскіх вайскоўцаў.

У вачах сусветнай журналісцкай супольнасці такая метамарфоза прэтэндуе на званне расчаравання года.

У верасні шэраг журналісцкіх асацыяцый Еўропы, у тым ліку і ГА «БАЖ», адмовіліся ад удзелу ў канферэнцыі Еўрапейскай федэрацыі журналістаў (ЕФЖ), запланаванай у Маскве.

«На вачах СМІ ператварыліся ў зброю, якая раз’ядае грамадскую свядомасць. Дэзынфармацыя, прапаганда, інфармацыйныя правакацыі — шлях да нянавісці і варожасці. У сённяшняй сітуацыі патрэбны глыбокі аналіз

усяго, што адбывалася, аналіз ролі СМІ ў гэтых працэсах. І ёсць вялікая верагоднасць, што на канферэнцыі ў Маскве такая размова не атрымаецца, што само правядзенне канферэнцыі будзе выкарыстана ў прапагандысцкіх мэтах. Таму сёння, як ніколі, украінскім журналістам патрэбна падтрымка. І мы сваёй пастановай дэманструем і падтрымку, і салідарнасць з нашымі калегамі», — патлумачыла прычыны адмовы кіраўніцтва ГА «БАЖ».

Калі СМІ забіваюць

Інфармацыйная вайна таксама забівае.

У літаральным сэнсе.

Натхнёны вайскова-патрыятычнымі заняткамі і навінамі з «Наваросіі» 18-гадовы Яўген Пушкароў з расійскага Кранштата ўцёк з дому, каб ваяваць супраць «фашыстаў». Ён загінуў у Луганскай вобласці ад кулі снайпера. Маці хлопца пасля ягонай смерці змяніла погляд на канфлікт ва Украіне. І нават заклікала праз прэсу іншых бацькоў берагчы сваіх дзяцей ад гэтай незразумелай вайны.

18-гадовы юнак з Кранштата — далёка не адзіны, хто паехаў ваяваць з «фашызмам» з ідэйных меркаванняў, сфармаваных намаганнямі СМІ.

Сярод шматлікіх ахвяр ёсць і тыя, каго на вайну пагнала прага зарабіць і немагчымасць зрабіць гэта на радзіме.

20-гадовы Антон Туманаў, жыхар Козьмадзям'янска Рэспублікі Марый Эл, вярнуўся з Украіны ў закрытай труне. Ягоную гісторыю апублікавала «Новая газета». У разгар канфлікту на Данбасе малады чалавек падпісаў кантракт з войскам.

«Мам, нашы войскі туды пасылаць не будуць. Усё, я вырашыў, я пайду. Мне грошы патрэбныя. Я ж гэта не на вайну еду — я на працу еду. Іншай працы няма», — тлумачыў ён маці сваё рашэнне.

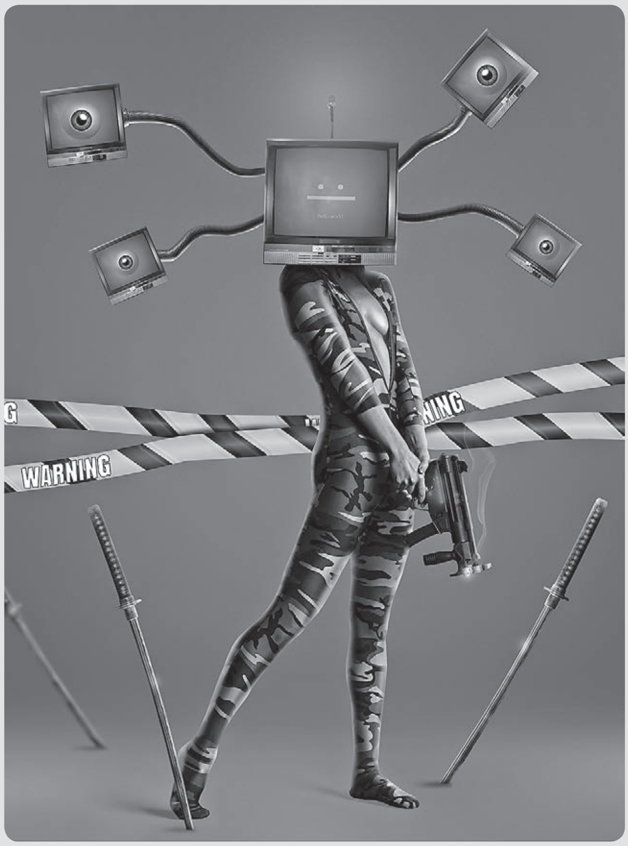
Антона, як і сотні, а магчыма, і тысячы іншых расейцаў, у пэўнай ступені можна лічыць ахвярай інфармацыйнай вайны. Вайны, што за кароткі тэрмін зляпіла з украінцаў вобраз ворага, якога можна і трэба знішчыць. І не толькі за ідэю.

Падпальшчыкі вайны таксама гінуць

Пракрамлёўскі тэлеканал LifeNews ды некаторыя іншыя расійскія СМІ вядомыя тым, што іх супрацоўнікі дзіўным чынам з'яўляюцца ў патрэбным месцы і ў патрэбны час. Так, здымачная група Russia Today прыехала да месца выбуху на Палтаўшчыне ўсяго праз 10 хвілін.

Гэта нават стала нагодай для анекдота пра падзеі ва Украіне: заходнія журналісты з'яўляюцца на месцы падзеі, калі тая ўжо здарылася, а з'яўленне расійскіх журналістаў сведчыць пра тое, што падзея здарыцца праз лічаныя хвіліны.

Жарт змрочны. Многія ўкраінцы ў блогах і сацсетках пішуць, што пры з'яўленні расійскіх здымачных груп трэба як найхутчэй уцякаць, каб не трапіць у вечаровы выпуск навін у якасці чарговай «ахвяры хунты».

Фотакарэспандэнт Андрэй Сценін стаў закладнікам новага рэнамэ расійскіх журналістаў. Украінскія ўлады абвінавацілі яго ў саўдзеле ў катаванні і забойстве параненага вайскоўца. Да кампаніі супраць Сценіна далучыліся некаторыя ўкраінскія журналісты, абураныя дзеяннямі расійскай прэсы. Пазней фотакарэспандэнта знайшлі забітым.

Навіны як акт псіхалагічнага згвалтавання

Разбуральная сіла штодзённага напампоўвання замяшанай на хлусні і нянавісці прапагандай робіць ахвярамі мільёны грамадзян Расіі. А таксама беларусаў, што глядзяць на падзеі ва Украіне вачыма расійскіх прапагандыстаў.

Вядомы расійскі псіхолаг Людміла Петраноўская перасцерагае: штодзённае перажыванне праз негатыўныя навіны нясе сур'ёзную шкоду здароўю — псіхалагічнаму і фізічнаму.

Петраноўская лічыць, што расійскія праграмы навін не даюць пачуцця ўцягнутасці ў падзеі і не выклікаюць спачування. «Тое, што выклікаюць цяпер расійскія перадачы, навіны, — гэта не зусім тое. Бо гэта не інфармаванне, а эмацыйная напампоўка — галасы, якімі гэта ўсё падаецца, падбор інфармацыі, кадраў. З пункту гледжання псіхалогіі гэта больш правільна было б назваць не навінамі, а актамі псіхалагічнага згвалтавання. У табе разгойдваюць страх і нянавісць. У выніку ты адчуваеш зусім не суперажыванне, а трывогу і бяссілле», — адзначае яна.

Найбольш уразлівай групай грамадства ў дадзенай сітуацыі з’яўляюцца людзі сталага веку, мяркуе псіхолаг.

Чаму людзі дазваляюць сябе падманваць

Пра феномен сумнеўнага поспеху сучаснай расійскай прапаганды псіхолаг Людміла Петраноўская расказала латвійскаму парталу Delfi: «Людзям складана паверыць, што ім наўмысна і нахабна хлусяць проста ў вочы, нават не хаваючыся і не саромеючыся выкрыцця. Ёсць асноўны закон зносін — кааператыўнасць, мы зыходзім у камунікацыі з таго, што суразмоўца камунікатыўна добрасумленны. Так, мы не наіўныя дзеці — і разумеем, што людзі часта прыдумляюць, але ў хлусні таксама ёсць свае правілы: яе трэба імкнуцца зрабіць падобнай да праўды, яе, як мінімум, трэба саромецца, калі яе зняпраўдзяць. Да поўнай адмены кааператыўнасці людзі не гатовыя. Ніхто не чакае, што яму будуць з эмацыйным напалам гнаць хлусню, выдумляючы яе з ходу. Асабліва калі гаворка ідзе аб афіцыйных фарматах: дамовах з пячаткамі і подпісамі, выказваннях афіцыйных асоб, вяшчанні дзяржаўных СМІ».

Вядомы расійскі журналіст Аляксандр Няўзораў лічыць, што найбольш прымітыўнае, аднаклетачнае замбаванне ўспрымаецца расійскай публікай найлепш.

20 гадоў нянавісці і хлусні

На фоне расійскай прапаганды беларуская дзяржаўная прэса выглядае сёння ледзь не эталонам узважанасці. Але няхай гэтае ўражанне нікога не ўводзіць у зман.

У наступным годзе споўніцца 20 гадоў прапагандысцкаму фільму Юрыя Азаронка «Нянавісць. Дзеці хлусні». У ім аўтар параўнаў беларускіх калабарантаў часоў Другой сусветнай вайны з апазіцыйнымі дэпутатамі БНФ, а бел-чырвона-белы сцяг назваў сімволікай здраднікаў. Скандальны фільм паказалі наконадні рэферэндуму, на якім сярод іншага вырашаўся лёс нацыянальнай сімволікі.

Выхад «Дзяцей хлусні» даў старт новай эпосе ў дачыненнях прэсы і ўлады.

Фактычна ўлада манапалізавала дзяржаўныя СМІ і пачала выкарыстоўваць іх у якасці прапагандысцкай зброі. Апаненты ўлады і незалежнае грамадства страцілі не толькі доступ да тэлебачання і радыё (акрамя рэдкіх выпадкаў у часе выбарчых кампаній), але і магчымасць уплываць на іх.

Можна дзівіцца з ангажаванасці Уладзіміра Салаўёва і гасцей яго праграмы. Але пры гэтым варта памятаць пра «Тайныя спружыны палітыкі» Аляксандра Зімоўскага. Праграма «Правы чалавека: погляд у свет» Яўгена Новікава па ступені цемрашальства не саступае опусам расійскага прапагандыста Дзмітрыя Кісялёва.

Іншымі словамі, усё тое, што мы бачым на экранах расійскіх тэлеканалаў, для нас, беларусаў, не новае. Мы жывём з гэтым другі дзясятак гадоў.

Хто ў каго вучыўся?

Дэбют Азаронка сведчыць, што Беларусь значна раней пачала выкарыстоўваць СМІ ў якасці інструмента прапаганды.

Выгадаваныя на прыкладзе Азаронка кадры папаўняюць шэрагі і расійскіх рэдакцый. Як, напрыклад, былы супрацоўнік Белтэлерадыёкампаніі Юрый Круглік, які каторы месяц расказвае страшылкі пра «кіеўскую хунту» ў праграме «Сейчас» расійскага «5 канала».

Ці вось такая паралель. У 1995 годзе Аляксандр Лукашэнка сваім загадам вярнуў на першыя палосы дзяржаўных газет выявы савецкіх узнагародаў. Здарылася гэта пасля гісторыі з белымі палосамі, замест якіх мусіла быць антыкарупцыйная справаздача дэпутата Сяргея Антончыка. Рэдакцыям былых савецкіх выданняў далі празрысты сігнал: вяртаецца ваша ранейшая функцыя — не толькі інфармаваць, але і прапагандаваць.

У 2000 годзе, пасля прыходу да ўлады ў Расіі Уладзіміра Пуціна, тэлеканал РТР змяніў застаўку праграмы «Вести». Калі раней перад пачаткам праграмы ў кадры з’яўляліся коні, што беглі вольна, то ў абноўленай версіі гледачы бачылі запрэжаную тройку. Падобны варыянт існаваў да 1994 года, і яго вяртанне магло сведчыць пра погляды новага гаспадара Крамля на функцыі і задачы прэсы.

Ёсць і такое меркаванне: Расія ўсе гэтыя дваццаць гадоў выкарыстоўвала Беларусь у якасці своеасаблівага палігона для правядзення паліттэхналагічных эксперыментаў над грамадствам, у тым ліку і ў сферы журналістыкі.

Прамяні святла ў цёмным царстве

У Расіі засталіся цэлыя рэдакцыі і асобныя журналісты, што не паддаліся агульнай істэрыі. Можна сабе ўявіць, наколькі цяжка захоўваць вернасць прынцыпам прафесіі ва ўмовах, калі простую наяўнасць альтэрнатыўнага погляду на падзеі могуць расцаніць як нацыянальную здраду.

Адным з сімвалаў сумленнай расійскай журналістыкі з’яўляецца Аркадзь Бабчанка, які прайшоў дзве чачэнскія кампаніі.

Ён не толькі робіць зараз рэпартажы з Данбаса, але і рэгулярна дае ўласныя ацэнкі падзеям ва Украіне і Расіі. Такая нязвыклая для ваеннага карэспандэнта роля тлумачыцца тым, што за сваю прынцыповую пазіцыю Бабчанка і сам стаў «ворагам народа». На сваёй старонцы ў Фэйсбуку ён раскрыў таямніцы стварэння прапагандысцкіх фільмаў пра «сяброў хунты». Да Бабчанкі прыехалі былыя калегі, каб запісаць з ім гутарку для чарговай праграмы. Яны загадзя ведалі, што ў тым фільме іх былому паплечніку была адведзеная роля аднаго з «антыгерояў».

Альтэрнатыву праўладнай прэсе ў Расіі сёння складаюць «Новая газета», тэлеканал «Дождь», радыё «Эхо Москвы», сайты snob.ru, newsru.com, colta.ru і шэраг іншых. Гэта тыя асяродкі, што даюць надзею на лепшую будучыню расійскай журналістыкі. Без распятых хлопчыкаў і ядзернага пылу.

Как зомбирует российское ТВ

Интернет-газета «Бумага»

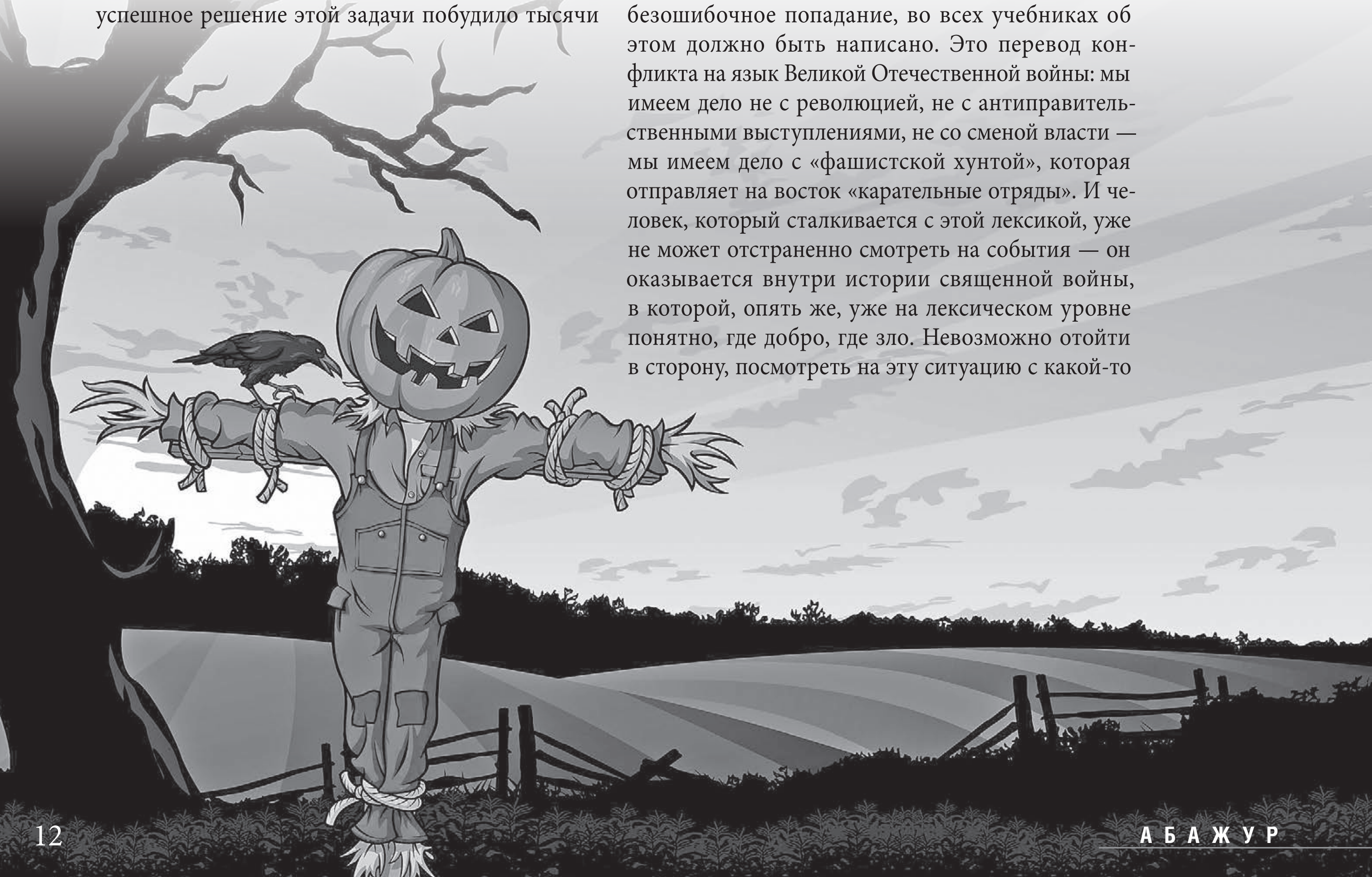
Известный российский журналист Юрий Сапрыкин рассказывает, как в российских медиа конструируется образ врага.

Российские медиа последние полгода находятся в состоянии войны. Уже полгода они живут и действуют по закону военного времени. Я подчеркиваю, именно российские медиа (а не российское государство) являются самой погруженной в конфликт стороной. Причем сейчас уже непонятно, с кем эта война ведется, за что и кто является противником. Это Украина, или это абстрактный Запад, или кто?

У медиа военного времени специфическая миссия — это поднятие боевого духа, создание образа врага и демонизация противника. Российские медиа последние полгода занимаются именно этим. Несмотря на то что Россия официально не участвует в военном конфликте, задача по поднятию боевого духа и созданию образа врага решается невероятно успешно; и, как мне кажется, именно успешное решение этой задачи побудило тысячи жителей России отправиться добровольцами на Донбасс, а жителей Донбасса — взяться за оружие.

Если расшифровать смысл сообщений, которые транслируются по центральным телеканалам и государственным радиостанциям, то он будет очевидно противоречить официальной версии событий. Формально Россия не воюет, но из контекста этих сообщений следует, что Россия определенно воюет; воюет на территории, которая воспринимается как своя, и защищает своих соотечественников, своих если не по гражданству, то по крови и языку.

Как конструировался этот образ врага? Во-первых, было применено гениальное изобретение — если относиться к этому отвлеченно, как к абстрактному примеру государственного пиара и государственной пропаганды, то это совершенно безошибочное попадание, во всех учебниках об этом должно быть написано. Это перевод конфликта на язык Великой Отечественной войны: мы имеем дело не с революцией, не с антиправительственными выступлениями, не со сменой власти — мы имеем дело с «фашистской хунтой», которая отправляет на восток «карательные отряды». И человек, который сталкивается с этой лексикой, уже не может отстраненно смотреть на события — он оказывается внутри истории священной войны, в которой, опять же, уже на лексическом уровне понятно, где добро, где зло. Невозможно отойти в сторону, посмотреть на эту ситуацию с какой-то

дистанции, ты оказался внутри учебника истории, где наши сражаются с фашистами. И все возражения по поводу этой картины мира выглядят уже каким-то жалким вяканьем предателей родины, фашистских пособников и нацистских подстилок. Не знаю, кто это придумал, но разыграно это было совершенно блестяще.

Вторая вещь — это дегуманизация противника. Чтобы начать воевать, в данном случае с Украиной, тебе нужно сначала уговорить себя, что это вообще не люди, что это «укры», «укропы», «бандеровцы», «каратели». Что украинской нации не существует, украинского государства не существует, это все вымысел каких-то иудо-масонов, врагов России, которые 200 лет назад все это придумали, чтобы оттяпать у нас эту территорию. Я говорю про нас не потому, что мы кругом неправы, а они кругом правы, а потому, что российские медиа нам немножко ближе и мы живем в их поле воздействия. Безусловно, дегуманизация противника происходила и на украинской стороне, может быть, там даже еще более активно и свирепо рассказывали про «колорадов, которые подлежат дезинфекции», и «ватников, которые хорошо горят». Это тоже абсолютнейшее преступление против человечности на языковом уровне. Это лексика, которая дает людям санкцию на убийство, потому что ты воюешь не со своими согражданами, а с какими-то насекомыми, это уже не люди.

В этой ментальной операции ничего нового нет: нечто подобное происходило и во время Великой Отечественной. Были статьи Ильи Эренбурга, который чрезвычайно талантливо проделывал ту же операцию, убеждая своих читателей, что немцы не люди: «Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать». Наверное, за последние полгода ни в России, ни в Украине это не было проговорено с такой прямотой, но все эти шутки про то, что «укропов» побило градом, а «колорадов» надо дезинфицировать, недалеко от этой риторики ушли.

Следующий прием конструирования этого образа — враг представляется как что-то слабое, смехотворное и одновременно как что-то ужасное, коварное и сверхсильное. Кто такие «укры»? Какие-то нелепые люди, которые скачут, поют нецензурные песни про Путина, при этом ничего не умеют, экономика рушится, страну они просрали, бегут на Запад, где их сделают рабами, и дальше своей кастрюли с борщом они ничего не видят. И вообще, украинцы — это какая-то антропологическая нелепица. Эта операция, если говорить про образ врага, была проделана не только по отношению к Украине. Вот есть Соединенные Штаты Америки. Что это такое? Это Псаки, такая нелепая баба, которая ходит на пресс-конференции в одном сапоге, отвечает невпопад, путает страны, государства, даты и термины, — в общем, какая-то дурында, которую можно только высмеивать. А президент у них вообще негр. Это не страна, а какая-то полная хрень, ею управляют смехотворные идиоты. Есть известный текст Гришковца, по которому можно изучать все медийные штампы: вот раньше были Рейган, Тэтчер, Де Голль — а сейчас кто? Обама — да он слабак! Меркель вообще кривая-косая. И все они дрожат от страха! Именно то, что у Гришковца в этом тексте оказывается впрямую проговорено, в последние полгода так или иначе рассказывали нам со всех сторон российские медиа.

Еще один важный метод СМИ в этой войне — интерпретация. Понятно, что, если ты хочешь кого-то в чем-то убедить, ты должен не просто сообщать факты, а лучше вообще их не сообщать, а сразу комментировать. Из-за этого на телеканалах и радиостанциях такой бум политологов и экспертов, у которых обязательно на любое событие, происходящее в этом конфликте, есть ответ: это преступление украинской власти, Украина катится под откос, опять же, фашисты, каратели и так далее. Причем эта картина мира создается очень крупными мазками, где лучше не вдаваться в детали, потому что детали этой общей схеме сразу противоречат.

Еще одна особенность этой войны — многие события за последние полгода были сконструированы и описаны медиа задолго до того, как произошли в реальности. Геноцид и убийство русскоязычного населения стали медийным фактом до того, как действительно начали кого-то убивать. Фактически та горячая фаза конфликта, которая началась в середине апреля, уже легла в подготовленную медийными средствами колею: нам два месяца рассказывали, что в Украине убивают русских, и тут их действительно начали убивать. История про распятого мальчика на Первом канале каким-то мистическим образом превратилась в детские игрушки, которые валяются на поле рядом с останками тел и обломками самолета, сбитого непонятно кем.

Я совершенно не пытаюсь обвинять во всем только российскую сторону, но, если посмотреть на то, как работают медиа у нас и у них, есть существенные различия. Мы, зрители центральных каналов, уже полгода живем в Украине, живем тем, что происходит в Украине, а Украина не живет тем, что происходит в России. Украина тоже живет в Украине. При этом в российской интерпретации этих событий почти никогда нет второго мнения, есть эксперты, политологи, журналисты и официальные лица, которые выступают единым хором. В Украине же есть вторая точка зрения. Даже при том подъеме патриотизма, если не национализма, там в новостях всегда звучит мнение второй стороны — российской, донецкой, какой угодно. И это мнение не будет тут же перетолковано десятью официальными политологами. При этом сам тон украинских медиа, несмотря на то, что это воюющая страна,

гораздо спокойнее, чем у российских, там нет такой истерики.

Какое воздействие это оказывает на нас? Людям в последние полгода стало тяжелее друг с другом общаться. Как только возникает в разговоре тема Крыма или сбитого самолета, люди иногда моментально выходят на такой уровень непонимания и агрессии, что лучше и вовсе ни о чем не говорить. Есть такое понятие — информационный пузырь: мы подбираем в социальных сетях источники, которые нам приятно читать и слышать, и игнорируем неприятные и враждебные, и даже поисковики подбирают ссылки по нашим запросам, подстраиваясь под наши предпочтения. В результате мы оказываемся внутри удобной для нас картины мира, а в последние полгода — так тем более. Надо понимать, что в этих информационных пузырях существуем не только мы, но и Владимир Путин, и Сергей Шойгу, и Борис Немцов, и все люди, которые принимают решения или высказывают свои мнения по этому поводу.

Путину точно так же подбирают источники информации, которые ему приятно было бы слышать, и от того, что центральные каналы пытаются под эту персональную картину всячески подстроиться, она становится все прочнее и прочнее.

Возникает такой пелевинский вопрос: а кто и с кем через эти медиа говорит? На него есть очень простой либерально-демократический ответ. Сидят в Кремле люди, которые пишут темники и рассылают их по редакциям. И там, в редакциях, люди механически воспроизводят то, что им в администрации написали. Но то, с каким драйвом ведут себя в последние полгода прогосударственные медиа, невозможно создать никаким приказом из Кремля. Я думаю, что в большинстве случаев это делается абсолютно искренне. Сидит в эфире ведущий и говорит: «Это подонки, это нелюди, это фашисты». Это не Кремль так заставляет его говорить, это абсолютно искренний драйв, искренняя агрессия, это уже сидит глубоко внутри. Война наделяет таких журналистов сознанием собственной правоты, ощущением некоей миссии, в которую они искренне верят. Как бы ни развивался конфликт дальше, эти люди у микрофона будут воевать гораздо дольше, чем люди с автоматами в руках.

Сейчас очень легко проводить аналогии с предыдущей холодной войной: сначала была Олимпиада, потом самолет сбили, потом санкции. Все вроде укладывается в знакомую историю, в конце которой должны оказаться перестройка и разрушение Берлинской стены. Но есть и другая, менее приятная, аналогия: 1939–1940 годы, советская армия идет воевать на территорию, которая еще 23 года назад была частью Российской империи (как и Украина 23 года назад была частью Советского Союза); по радио рассказывают, что это мировой империализм спровоцировал финнов на войну против СССР, мы занимаем какую-то часть Финляндии, образуется Карело-Финская ССР (она же Донецкая народная республика), которая защищает правильных финнов от неправильных. И вроде бы эта война — такой недолгий и локальный эпизод, но вместе с тем понятно, что это часть подготовки к чему-то большему. Вокруг распевают бравые песни: «Если завтра война, если завтра в поход», «Броня крепка, и танки наши быстры». И это ожидание будущей большой войны сопряжено с какой-то радостью, она наполняет все происходящее смыслом, мобилизует народ. Что меня успокаивает и отчасти разрушает эту историческую аналогию, так это то, что сейчас с нами никто воевать не собирается, мы ведем эту войну сами с собой, ведем ее в медийном поле. Запад находится не в идеальном состоянии, но плана «Барбаросса» у него нет.

И, по-моему, самое точное описание причин всего происходящего было дано еще в середине марта в «Новой газете», в статье Евгении Пищиковой. Это талантливейший журналист, причем совершенно не политический обозреватель, ее интересуют какие-то бытовые дела, пятиэтажная Россия — о чем женщины в очереди друг с другом разговаривают. И тут она публикует статью под названием «Хотят ли русские войны? Теперь ответ: Да!», где выводит неизбежность войны... из тиражей кроссвордов, которые издают в России. Сборники кроссвордов расходятся тиражом 56 миллионов в год. Это значит, что есть люди, которые покупают их в количестве 56 миллионов в год, убивая свое время и спасаясь от скуки. Кто эти люди? Это, наверное, мужики, скорее всего, охранники, милиция, чиновники, иногда военные. Их очень много — и в их жизни нет особой цели и успеха, и им настолько скучно, что они вынуждены убивать время на кроссворды. А тут раз — война. Это же все меняет. Сразу появляется смысл, сразу понятно, зачем жить — затем, чтобы противостоять агрессивным пентагоновским ястребам, или как это сейчас называется. Даже если эта война происходит только на экране телевизора.

И я хотел бы закончить как раз цитатой из статьи Пищиковой: «Старый киоскер говорил: “У меня было время, когда я хотел войны. Когда в юности сидел (60-е годы, деревня, хулиганство). Так было скучно, так безнадежно, что страшно хотел войны. Думал даже: пусть бы американцы напали. Любое изменение — только чтобы то, что есть, порушилось. Представляешь, сколько сейчас народу сидит! Вот ты боишься, а они небось хотят войны-то… Откуда ты знаешь, чье желание на весах перетянет? Чья молитва дойдет?”».

Его имя давно на слуху у читающей публики. Но кто бы мог подумать, что блогер Будимир станет едва ли не самым известным белорусским военным журналистом?

Дмитрий Галко: «Никогда не мечтал быть журналистом»

фото Gordonua.com

Как из блогеров становятся журналистами? Какие моральные опасности подстерегают журналиста на войне? Как преодолеть «военный синдром»? Обо всем этом «Абажур» беседует с блогером, журналистом газеты «Новы час» Дмитрием Галко.

В этом году Галко дважды побывал в Украине — второй раз он сознательно поехал в зону АТО. В Беларуси Дмитрий стал первооткрывателем «журналистики по социальному заказу» — когда командировки корреспондента частично оплачивают заинтересованные в его репортажах читатели.

Сергей Пульша, для «Абажура»

Журналистом стать не мечтал

Репортеру всегда легче говорить об увиденном и услышанном. Но мы предложили иной формат.

— Дмитрий, кто ты по образованию?

— По образованию... Я недоученный философ и недоученный писатель. Я учился на факультете философии в Европейском гуманитарном университете в Минске. ЕГУ как раз в тот момент закрыли. Тогда я пытался доучиться в Москве — в Институте журналистики и литературного творчества. Там у нас были, конечно, журналистские предметы, но все-таки я учился на отделении литературного творчества. Журналистика не была у нас «профилем».

Жить и учиться в Москве дорого — пришлось вернуться в Минск.

Вообще-то, кем я никогда не хотел быть, с детства — крестьянином даже быть хотел, еще кем-то, — но журналистом я не хотел быть никогда. Писателем — может быть. Я все время что-то писал, пытаясь подражать тем книгам, которые читал. Даже пробовал писать роман. Про журналистику я не думал вообще никогда.

По большому счету, «на публику» я начал писать с появлением интернета, когда каждый смог высказывать все, что ему вздумается. Наверное, года с 1998–1999-го я начал писать сначала комментарии на форумах, потом вести блоги. Я писал для московского литературно-философского сайта, в 2002 или в 2003 году я сделал интервью

с Олегом Скрипкой для «Нашай Нівы». Вот, собственно, и весь мой опыт в журналистике.

И именно как блогера меня в 2009 году заметило радио «Свабода».

Причем заметили, скорее, как российского блогера: я начал вести блог в России, аудитория у него была российская. Тем не менее внимание «Свабоды» привлек один текст. Назывался он «Онтологические партизаны под Смоленском»: я рассуждал о том, чем Беларусь отличается от России, почему то, что русские считают «братством», на самом деле иллюзия — русские плохо знают белорусов, белорусы мало чем похожи на русских... и так далее. Этот текст широко разошелся в интернете, вызвал много дискуссий, и «Свабода» пригласила меня сначала на «День блогера». Проект оказался успешным.

Я в то время искал работу и, совершенно ни на что не надеясь, спросил: может, им нужен на сайт постоянный блогер? А они вдруг сказали: «Давай попробуем». И с 2009 года я работал на радио «Свабода» как блогер и как корреспондент.

— Ты же в то время писал по-русски?

— Да, и «Свабода» заметила именно русскоязычный текст.

— Не было «проблем перевода»? Тебе же пришлось с русского языка перейти на белорусский?

— С этим проблем не было. Потому что я сначала с белорусского языка перешел на русский. До 2005 года все комментарии, записи на форумах (блогов как таковых еще не было) я писал по-белорусски. А потом уехал в Москву — перешел на русский.

Проблема возникла, когда я потом начал работать в «Народной воле». Конечно, брали меня туда как редактора сайта, тем не менее и писать пришлось. И возникла проблема перехода с «тарашкевицы» на «наркомовку». Вот это была проблема, потому что я начал писать именно в грамматике «тарашкевицы», а в «Народной воле» с ней боролись, наверное, больше, чем с русским языком.

Вообще, «хвост» того, что я «блогер», тянется долго. Наверное, еще и потому, что я на «Свабодзе» делал интернет-обзор, связанный с дискуссиями и скандалами в блогах. Так я блогером и числился…

Разочарование в журналистике

— И как тебе работается тем, кем ты не мечтал?

— В некоторой степени в журналистике я разочаровался в 2011 году. Тогда я даже ушел из этой профессии где-то на полгода. Снова стал блогером.

— А почему разочаровался в журналистике?

— Я считал, что невозможно оставаться журналистом в таких условиях: сначала сумасшедшие репрессии после выборов в декабре 2010 года, потом теракт в минском метро, «дело Коновалова — Ковалева»… Тогда я считал, что надо просто бить в колокола, кричать: «Освободите политзаключенных!», «Долой диктатуру!» — а это все-таки не совсем дело журналиста. Я понимал, что журналистика и пропаганда — разные вещи. Кроме того, есть разница между журналистикой и гражданским активизмом. Да и аудитории радио «Свабода» не надо доказывать, что диктатура — это диктатура, что репрессии — это плохо, и так далее. А вот другими, отвлеченными темами я уже заниматься не мог.

Я-то пришел в журналистику в относительно спокойное время: либерализация 2008–2010 годов, когда можно было ко всему относиться нормально. Я мог в спокойном тоне писать о чем угодно, обстановка была не напряженная. А в 2011-м это как-то не получалось.

— А почему ты тогда вдруг вернулся в журналистику?

— Ситуация меняется. Летом-осенью 2011 года «пачкой» отпустили политзаключенных, мне показалось, какой-то процесс пошел. Накаленная ситуация стала охлаждаться… И я понял, что положение будет меняться всегда. Да и работать надо было, в конце концов. А эта работа, несмотря ни на что, мне нравится. Она мне по душе.

Украинская эпопея

— Что тебя подвигло на «украинскую эпопею»?

— Во-первых, Майдан. Не только я, но и вся демократическая общественность следила за этими событиями. Очевидно, что это было важно для всей этой аудитории. А во-вторых, меня совершенно не устраивало, как эти события поначалу освещались. Первое время даже неприятно было: смотришь наши сайты, а белорусской информации там нет вообще — одни перепечатки. Первое время так было. К Украине меня толкнули и профессиональный интерес, и желание «совместить приятное с полезным»: много говорили о духе Майдана, но понять, что это такое, можно, только побывав там.

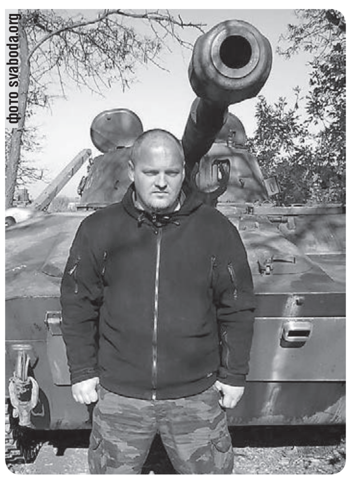

фото svaboda.org

Честно говоря, Майдан, я считаю, как-то неудачно для меня прошел. Я туда несколько раз ездил, но попадал в период затишья. «Горячих» материалов оттуда не получилось. Как только я уезжал — там опять какая-то буча, какие-то события, я приезжаю — опять тишина…

Первая поездка на восток Украины весной была вызвана именно нехваткой информации. Что такое восток Украины, не представлял никто, и я в том числе. Несмотря на то что в Украине я бывал достаточно регулярно, потому что жена у меня из Житомира. И когда начались сепаратистские поползновения, я стал искать какую-то аналитику: почему, из-за чего, откуда там сепаратизм… И выяснилось, что об этом почти нет информации.

Хотя в тот момент там сепаратистов — как вооруженных людей — еще не было. Еще не было даже аннексии Крыма, она еще не произошла.

— О первой поездке мы с тобой разговаривали достаточно подробно («Абажур» № 2 (105) за 2014 г.). Но потом ты написал в Фейсбуке, что у тебя остался некий «незавершенный гештальт» и что ты отправишься в Украину снова. Второй раз ты туда поехал сознательно «на войну»?

— Только в конце моей первой поездки на востоке Украины стала разворачиваться антитеррористическая операция. Я застал чуть-чуть ее начало — события в Славянске и вокруг него. Но туда я попасть не мог — «люди Гиркина» уже задерживали нас в Славянске, и, разумеется, мы были взяты «на карандаш». После задержания мы, конечно, достаточно нелицеприятно высказывались насчет этих «ополченцев», и путь туда нам был заказан.

Мне же хотелось понять, как выглядит антитеррористическая операция.

— Тебе не хватило в первую поездку острых ощущений?

— Вот как раз в первую поездку острых ощущений хватило. Это и допросы СБУ, потому что меня в хостеле поселили с человеком, который оказался каким-то боевиком, это и задержание в Славянске, и довольно рискованные проезды сквозь блок-посты, и начало военной операции в аэропорту Донецка… Но войны мы не видели.

Со Второй мировой мы не видели войны — ни журналисты, ни местные жители. В итоге получалось, что вокруг свистели пули, а мы ходили, как ни в чем не бывало. И только когда вокруг начинали падать люди, убитые — только тогда менялось отношение к происходящему. А с другой стороны, в некоторых городах, которые, как считалось, контролируются сепаратистами, весь «контроль» заключался во флаге на каком-нибудь административном здании. Люди же жили, как жили. Так было, например, в том же Дебальцево, который потом стал чуть ли не форпостом вооруженного противостояния.

Мне хотелось все-таки увидеть, как живет Донбасс в условиях войны. О войне, об антитеррористической операции я знал фактически из интернета. Моим стремлением узнать и разобраться была вызвана вторая поездка.

Ну и организована она была по принципу первой. То есть на пожертвования людей, которые так же, как и я, хотели получить информацию «из первых рук». Но вторая поездка вышла дешевле, чем первая. Не только потому, что я пробыл в Украине полтора месяца, а не три, как первый раз. Еще и потому, что ездил я с волонтерами и с украинскими военными — мы вместе спали, ели из одного котла… Не надо было тратиться на хостелы, проживание…

Этот броневик принадлежал сыну Януковича. Теперь он на передовой у украинских военнослужащих

фото svaboda.org

Трудности перевода

— Ты много разговаривал с людьми, брал у них интервью, просто общался… Как война повлияла на местное население? Стало ли сложнее общаться с людьми после начала войны?

— С одной стороны, да, стало труднее. Раньше люди — в первую очередь — разговаривали между собой: как сторонники Украины, так и сторонники ДНР. Потом они стали опасаться: неизвестно, какая будет власть в городе завтра. Сторонники Украины говорили: «А вдруг придут сепаратисты…» А с другой стороны: «А вдруг СБУ арестует за сепаратизм». Но это еще можно было преодолеть.

Самое плохое, что потом внезапно включили телевизор, — стали транслировать российские телеканалы. Утром ты видишь сюжет в российских новостях, днем разговариваешь с людьми, с, казалось бы, очевидцами — а они чуть ли не слово в слово пересказывают тебе этот сюжет. И ты понимаешь, что получаешь не уникальную информацию, не опыт конкретного человека, а «трансляцию телевизора».

Особенно плохо это отражалось на зарубежных журналистах, у которых местные переводчики. Они были просто вынуждены записывать трансляцию российских новостей через местных «очевидцев».

В эту, вторую, поездку было и немного легче, потому что люди уже определились, с кем они и где они: под сепаратистами или с Украиной. Я общался с солдатами, с волонтерами, и они говорили открыто, в том числе не скрывая своих проблем и недовольства. Интересная история была с одной разведротой, командовать которой поставили офицера-бандита… То есть проблемные вопросы,

недовольство действиями командования АТО, политической властью там обсуждаются, и это высказывается достаточно резко и открыто.

Естественно, что, если ты будешь разговаривать с замполитом части, — ты услышишь что-то подобное речам белорусских идеологов, с поправкой на местную специфику. С другой стороны, мне попался такой же «добровольный идеолог» ДНР — на одной из заправок, где остановился автобус из Донецка. «На украинской стороне» люди из этого автобуса в большинстве молчали и не признавались, что они из Донецка, дескать, «мы просто проездом». А этот «замполит ДНР» разговаривал охотно, только в основном пропагандистскими штампами.

Скрытая угроза

— Одним из результатов этой поездки стали записи в твоем Фейсбуке со стороны, скажем так, «симпатизантов сепаратистов» с угрозами типа «найдем и разберемся». Тебя это не напрягает?

— Конечно, это не очень приятно, но я понимаю, что это не очень серьезно. Например, такой журналист, как Аркадий Бабченко, — его портреты были развешаны по всей так называемой ДНР, но его все равно не нашли, хотя его там даже в плен брали, как выяснилось. Моего лица там развешено не было, я понимал, что мне не очень опасно. И тем не менее я в ДНР сунуться не решился.

Мне надо было из Мариуполя попасть в Дебальцево — по прямой там недалеко, часа три-четыре ехать. Но ехать надо было через Донецк. Я решил, что безопаснее сделать крюк и объехать ДНР, хотя это заняло чуть ли не сутки.

— Еще одна угроза для журналиста — это не только сама война и «постфронтовой синдром». Ты трое суток провел фактически «на передовой» — в поселке Пески близ Донецкого аэропорта. Все это время — под обстрелом...

— Да, там за трое суток только один раз было затишье между обстрелами, когда удалось сходить погулять по поселку. Второй раз предложили навестить посты под обстрелом. Все остальное время пришлось проводить в подвале.

Именно этот период: сидение в подвале, передвижение «на полусогнутых», постоянный обстрел, ожидание «Града» или осколков, — наиболее сильно повлиял на психику. Мне, человеку, которому сны практически никогда не снятся, недели две постоянно снились обстрелы и ранения. Я не представляю, как потом чувствуют себя люди, которые там провели по месяцу и больше.

Конечно, со временем это выветривается. Наша сверхмирная Беларусь этому способствует. Тем не менее присутствует какая-то ненормальная, я бы сказал, тяга — вернуться назад. И постоянно какое-то чувство не то вины, не то неправильности. Ведь уже сдружился за это время с теми, с кем был под обстрелом, и неправильным кажется, что я тут, а они все еще там, я в безопасности, а они под огнем… Даже после первой поездки, хотя она была в два раза продолжительней, так не тянуло назад, как сейчас.

С другой стороны, нет такого «отказа чувства самосохранения». Я знаю, что в некоторые места я бы не сунулся, как в этот раз объехал стороной ДНР. Одно дело, когда шальной осколок прилетит, другое — сидеть в плену. Сидеть в плену я не готов, и не знаю, кто может быть к этому готов.

С третьей стороны, сейчас трудно и то, что ты постоянно следишь за происходящим там. Иногда и хотелось бы отвлечься на неделю, например, не следить за событиями в Украине. Но это втягивает с головой. Для тебя не абстрактная новость, что, например, обстреляли Пески. Для нормального человека что такое Пески — точка на карте соседней страны. А для тебя там Саня, Серега, надо попытаться связаться, узнать, как они там, что случилось…

Мне в этом смысле повезло. Про всех, с кем я подружился, за исключением только одного человека, я знаю — они либо живы, либо легко ранены. А что было бы, если бы кого-то убили? Насколько тяжелее бы все это было?

Не знаю, как среди иностранцев, но в Украине мне известны журналисты, которые в такой ситуации бросали работу и уходили на фронт. Там таких немало.

Возвращение в реальность

— После такого экстрима тебе не скучно в нашей, как ты выразился, «сверхмирной Беларуси»?

— Ну, тут слово, конечно, неправильное: «скучно — весело»… В том смысле, что нет такого градуса тем, проблем нет, такого уровня событий, — это ощущается. Тут тихо, да. Но это и гораздо труднее. Я, честно говоря, завидую людям, которые в такой жизни находят темы, сюжеты для работы. Мне, наверное, для этого квалификации не хватает.

В Украине в этом смысле работать легче, потому что там все проблемы налицо, на поверхности. А здесь, наверное, не скучно, а именно эмоций не хватает, эмоционально темы не берут…

Впрочем, я знаю, чем бы я хотел заняться и буду заниматься в ближайшем будущем. Сейчас мне интересна тема самого феномена «русского мира», который привел к войне на Донбассе. Хочу исследовать эти самые очаги «русского мира», в первую очередь, в прибалтийских странах. Тем более, говорят, что сейчас в Латгалии ходят агитаторы за «русский мир». Этот «мир» вообще в последнее время обострился…

Так что, можно сказать, тема та же. Только без войны, обстрелов и «Градов».

Спрыяе лёс, мінае стрэс, калі сябруеш з «Intex-press»!

Аляксей БЕЛЫ

Першыя дваццаць гадоў у жыцці чалавека — тэрмін невялікі. Дзяцінства, школа, мажліва, войска ці тры курсы навучальнае ўстановы… Калі ж гэта тычыцца незалежнага выдання ў нашай краіне, асабліва з улікам таго, што першы нумар выйшаў у 1994 годзе, — гэта ўжо гісторыя.

Рэгіянальнай баранавіцкай газеце «Intex-press» — дваццаць гадоў. Дваццаць гадоў пошуку, удасканалення, больш за тысячу крокаў штотыднёвіка да чытача. Першы нумар выдання пабачыў свет 30 снежня 1994 года. Якой была газета ў тыя часы? Па сутнасці, яе першыя нумары сталі звычайным тэлевізійным дадаткам пад патранажам мясцовай тэлекампаніі «Інтэкс», які выходзіў фарматам А-4 на васьмі старонках і накладам 4000 асобнікаў. Ад іншых «тэлетыдняў» ён адрозніваўся, бадай, толькі тым, што там якраз і была праграма мясцовага тэлебачання.

Ад інфармацыйна-рэкламнай да грамадска-палітычнай

У 1996-м наклад газеты ўжо 10 тысяч, удвая павялічыўся яе аб’ём, на старонках з’явіліся аналітычныя артыкулы, вядзецца калонка рэдактара. У наступным годзе чорна-белае выданне набывае колер і становіцца яшчэ больш прыцягальным. З сакавіка 1996 года газетай стала кіруе Уладзімір Янукевіч. Трэба аддаць належнае — дзякуючы менавіта яму, яго штодзённым клопатам і турботам, працы па фармаванні калектыву, «Intex-press» становіцца ўсё больш прываблівай для чытача.

Выданне прыцягвае ўвагу да праблем, якія існуюць у рэгіёне і дзяржаве ў цэлым, дазваляе выказацца тым, у каго няма магчымасці зрабіць гэта ў іншых сродках масавай інфармацыі, асабліва ў дзяржаўных. І гэта відаць па накладзе, які дасягае дваццаці тысяч асобнікаў. Гэта ўжо сталае грамадска-палітычнае выданне, якое ўздымае праблемы «беларускага эканамічнага цуду», карупцыі на ўсіх узроўнях улады, засяроджвае ўвагу на сацыяльных хібах. Газету наведваюць палітыкі Аляксандр Мілінкевіч, Станіслаў Шушкевіч, Вінцук Вячорка, Уладзімір Някляеў, Анатоль Лябедзька. На старонках «IP» з’яўляюцца артыкулы, у якіх вядомыя людзі выказваюцца наконт стану эканомікі і палітыкі ў нашай краіне. Іх думкі далёка не заўсёды супадаюць з тым, пра што пяюць падуладныя сродкі масавай інфармацыі.

Калкі ў колы — не замінка

Усё гэта не застаецца незаўважным і для «куратараў» — Міністэрства інфармацыі, іншых дзяржаўных структур. Як вынік — газета атрымлівае афіцыйныя папярэджанні, выданне выкідаюць з падпіскі і шапікаў «Брэстаблсаюздруку». Шматлікія звароты ў гэтыя арганізацыі станоўчых вынікаў не даюць — рэдакцыя ў лепшым выпадку атрымлівае адпіскі кшталту: «Уключэнне вашай газеты ў каталог не прадугледжана», ці «Заключаць дамову на рэалізацыю вашай газеты не плануем».

Больш за тое, усё больш складана становіцца атрымліваць інфармацыю ад уладных арганізацый і ўстаноў. Чыноўнікі ў парушэнне Закона аб СМІ адсылаюць журналістаў да сваіх «першакрыніц» — праўладных выданняў, прапануюць рабіць пісьмовыя запыты. Пры гэтым супрацоўнікі рэдакцыі вымушаны марнаваць час, а самае галоўнае — губляецца аператыўнасць.

Аднак каманда не спыняе творчай працы і змагаецца з гэтымі наступствамі. У праваабарончых пытаннях шмат дапамагаюць юрысты Беларускай асацыяцыі журналістаў, Фонд масавых камунікацый. А супрацоўнікі, каб не адстаць ад патрабаванняў часу, удасканальваюць сваё майстэрства на трэнінгах, семінарах, у школе журналістыкі, стажыруюцца ў калег ва Украіне, Польшчы, Літве, праходзяць навучанне ў інстытуце павышэння кваліфікацыі журналістаў у шведскім Кальмары…

Усё гэта прыносіць плён. У газеты ёсць свой стыль, нашых аўтараў лёгка пазнаць, нават калі іх артыкулы з'яўляюцца ў іншых выданнях. Адрозніваецца газета, якая ўжо некалькі гадоў як стала поўнакаляровай, і сучаснасцю дызайну. Як вынік — шматлікія ўзнагароды і ўшанаванні як самога выдання, гэтак і яго супрацоўнікаў, прычым і на міжнародным узроўні.

Штогод праводзіцца сярод супрацоўнікаў рэдакцыі ўнутраны конкурс і ўручаюцца прэміі і прызы — за майстэрства, адданасць прафесіі, удалы дэбют. За трынаццаць гадоў працы ў выданні аўтар гэтых радкоў пераканаўся, што людзі ў нас сапраўды растуць, што ёсць усе падставы іх заахвочваць. Пра тое, што «Intex-press» з'яўляецца кузняй добрых журналісцкіх кадраў, сведчыць і той факт, што многія нашы «выпускнікі» паспяхова працуюць у іншых выданнях, у тым ліку і рэспубліканскіх.

Медыяхолдынг — гэта крута…

Брэнд «Інтэкс-прэс» на сённяшні дзень — не толькі газета з аднайменнай назвай. У 2001 годзе на базе рэдакцыі стварылі медыяхолдынг — таварыства з абмежаванай адказнасцю «Выдавецкі дом "Інтэкс- прэс"». І ўжо праз год у Брэсцкай вобласці і на Міншчыне пабачылі свет нашы рэгіянальныя выданні — газеты «Ганцавіцкі час», «Ляхавіцкі час», «Нясвіжскі час». У Пінску пачаў выходзіць «Мясцовы час», газета «Спадарожнік» як дадатак пачала ўкладацца ва ўсе рэгіянальныя выданні, а «Планета М» набыла самастойнасць і стала адлюстроўваць праблемы моладзі рэгіёна.

Вядома, не ўсе нашы праекты аднолькава паспяховыя. Пяць гадоў працы на медыярынку ў Пінску паказалі, што мясцовыя ўлады прыкладуць усе намаганні, каб не пусціць нас не толькі ў «Саюздрук» ці з падпіскай на пошту — ні ў водную краму! А калі рэалізоўваць грамадскае выданне «з-пад палы», нічога добрага не атрымаецца і грошай на тое, каб выпускаць газету і плаціць зарплату персаналу, не будзе.

Свае праблемы былі і ў «Нясвіжскім часе». Гэты штотыднёвік прыходзіў у кватэры несвіжан на працягу дванаццаці гадоў. Там мы трымаліся «да апошняга». Але калі некаторыя гандлёвыя аб'екты пералічваюць грошы за рэалізаваную газету раз у шэсць месяцаў, выжыць цяжка. І хочаш таго ці не, а вымушаны прымаць рашэнне аб прыпыненні выхаду выдання альбо змяненні яго перыядычнасці.

Падставы для аптымізму ёсць

І ўсё ж у калектыву выдавецкага дома ў цэлым і газеты «Intex-press» у прыватнасці ў гэтыя юбілейныя дні ёсць шмат падстаў для аптымізму і святочнага настрою. Аўдыторыя штотыднёвіка на сённяшні дзень — каля 60 тысяч чытачоў, у нас свая сістэма распаўсюду, якая дазваляе дайсці да кожнага, хто жадае чытаць «Intex-press». У выдавецкім доме ствараецца добрая інтэрнэт-версія газеты, і колькасць наведнікаў нашага сайта пастаянна павялічваецца. Мы рады, што адпушчаная ў «вольнае плаванне» газета «Ганцавіцкі час» таксама паспяхова развіваецца і нясе патрэбную і карысную інфармацыю чытачам свайго рэгіёна, што пры выдавецкім доме функцыянуе бясплатнае рэкламнае выданне «Капейка» накладам больш за 30 000 асобнікаў. І ўсё гэта — нашы агульныя здабыткі.

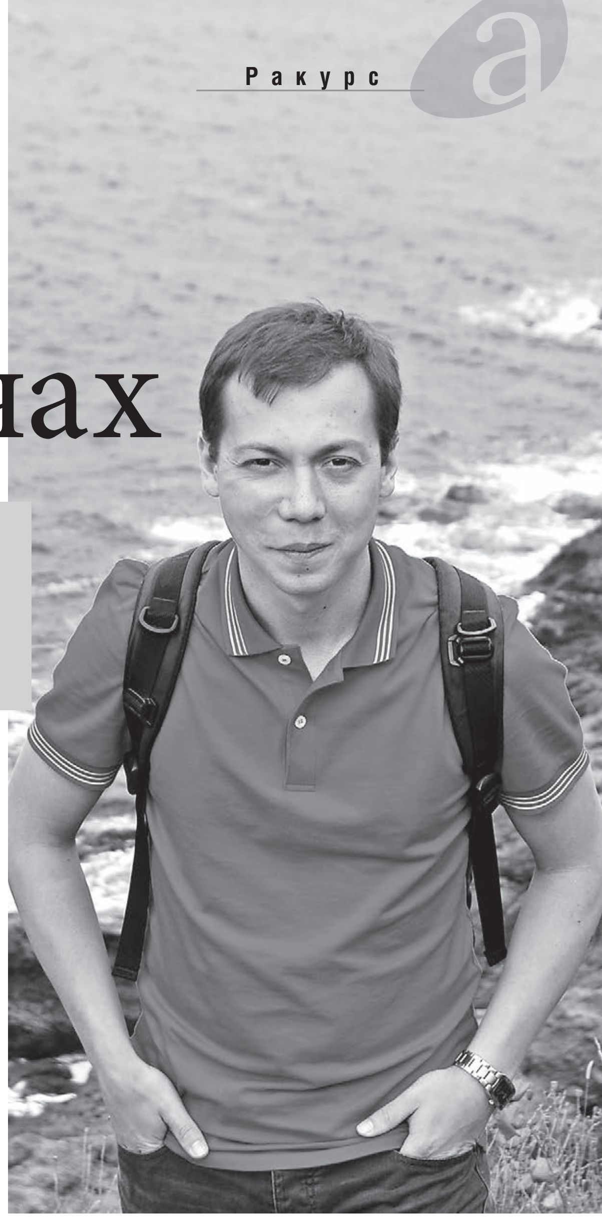
У звязку з нашым юбілеем хацелася б назваць прозвішчы многіх, хто стаяў ля вытокаў газеты, меў дачыненне да яе станаўлення, хто зараз плённа працуе дзеля яе развіцця. Але гэты спіс быў бы вельмі вялікі. Таму ўсе шчырыя і цёплыя словы мы скажам адно аднаму ў гэтыя радасныя і ўрачыстыя для кожнага з нас дні.

…Калі газеце было 15

Однажды в Барановичах

Субъективный взгляд на историю газеты «Intex-press» человека, проработавшего там пять лет.

Руслан Горбачев

Для моего поколения — тех, кому около 30, — в истории Барановичей последних десятилетий есть два феномена: клуб «New Sound Land» и газета «Intex-press».

Андерграундный клуб в середине нулевых, возможно, был лучшим в стране. В нем выступали группы, представлявшие страны от Австралии до США. Их гастрольный маршрут мог выглядеть как «Берлин — Варшава — Барановичи — Москва», и минчане были в клубе нередкими гостями.

Газета «Intex-press», также выстроенная по западным принципам, выходила тиражом в 20 тысяч экземпляров и стала главным изданием в регионе, сохраняя, к удивлению всех — и читателей, и чиновников — независимую позицию в условиях тотального давления репрессивной государственной машины.

Возникновение и развитие обоих в промышленном центре, выросшем на железнодорожном узле, никаких, на мой субъективный взгляд, логических предпосылок не имело. «New Sound Land» в итоге протянул около пяти лет. Газета «Intex-press» стараниями ее руководителей и сотрудников здравствует и поныне, в декабре ей исполняется 20 лет. Пять из них я помогал делать газетную историю.

Почему в газету приходил КГБ

Сделав упор на качественную журналистику, к своему 10-летию еженедельник «Intex-press» обрел все черты городского издания западного образца. А вместе с этим и роль главной газеты в регионе.

Еще даже не мечтая в ней работать, я читал «Intex-press» на рабочем месте на заводе тайком от начальства. К переходу в издание меня подтолкнули, как это ни громко звучит, руководители страны. Однажды начальник цеха объявил, что всех рабочих переведут на контракты. Я, опасаясь попасть в кабалу, решил бежать. В «Intex-press» пришел как раз за месяц до 10-летия газеты.

В стране только прошел референдум, позволивший Александру Лукашенко избираться неограниченное количество раз, поэтому знакомые, понимавшие, что ничего хорошего это свободе слова не несет, искренне интересовались: «С ума сошел?»

В каких условиях живет внешне успешная газета, стало понятно достаточно быстро. Думаю, ее читатели сильно удивились бы, узнав, с каким трудом добывается информация для каждого номера.

На пресс-конференциях, организуемых горисполкомом, с тобой не здоровались и всегда отправляли на самое неудобное место. «Охранник» от идеологического отдела Татьяна Жытко забывала приглашать на важные мероприятия, не пускала, запрещала, хамила.

Представители предприятий, учреждений, организаций готовы были дать рядовой комментарий или информацию только с разрешения идеологического отдела. Татьяна Жытко, естественно,

всегда делала круглые глаза и говорила, что никакого разрешения не требуется.

В райисполкоме (не путать с горисполкомом) до поры до времени выдавали сухие данные. Но однажды за пять минут до начала заседания руководства района начальник идеологического отдела попросил меня выйти в коридор. Пряча глаза, сообщил в коридоре, что глава райисполкома дал распоряжение меня на заседания больше не пускать. Причина была не в острой публикации или закравшейся в текст ошибке, а в том, что местной вертикалью мы воспринимались как идеологические враги. Законы в отношении нас не работали.

В районке, уступавшей «Intex-press» по всем статьям, метивший на кресло главного редактора пропагандист регулярно печатал опусы, нападая на формальных конкурентов. Чего только не слышали о независимой газете неокрепшие и ослабевшие умом! Навсегда запомнилось, как я делал материал о забытом ветеране войны, рассказывавшем о последнем бое. Ветеран был сентиментален и рыдал, оплакивая своих товарищей. Я подавал ему носовой платок и подбадривал. Через два дня он позвонил и потребовал текст о нем в газету не ставить. «Добрые люди» нашептали, что журналист представлял «оппозиционную» газету.

Чем дальше, тем больше агрессивная обстановка вынуждала думать о том, как написать так, чтобы не навредить своему изданию. Затем оказалось, что мы работаем не только в условиях определенной самоцензуры, но и настоящей цензуры.

Когда заместитель главного редактора Анжела Белуш написала пронзительный текст «Не смотрите белорусское телевидение», в газету позвонили и сказали, что типография номер с этим материалом не напечатает. В вышедшей газете читатели увидели анонс крамольного текста на первой странице, но внутри его не обнаружили.

И все это происходило несмотря на то, что газета «Intex-press» никогда не была «боевым листком». Мы, журналисты, ни с кем не боролись и никому не противостояли. Мы просто старались отражать на страницах газеты то, что происходит. В середине нулевых в содержании «Intex-press» политики было ровно столько, сколько ее на самом деле, как нам казалось, было в стране, — 5–10 %.

На страницах газеты с удовольствием появлялись бизнесмены, руководители учреждений и организаций, даже чиновники горисполкома (экономисты почему-то не боялись мнения идеологов). Один генерал признался: «Ваша газета изучается в Совете безопасности. Поэтому в интервью я не должен выглядеть идиотом».

Председатель горисполкома обиделся, когда в номер был поставлен архивный снимок, на котором он был запечатлен в рубашке с коротким рукавом, — хотя он уже неделю как надевает с

Горожане хорошо знают Владимира Говшу — он много лет распространяет нашу газету

длинным! Однажды с просьбой опубликовать текст к юбилею приходили сотрудники КГБ.

И было понятно, почему они несли материал не в районку, а в независимое издание. Почему «Intex-press» лежала у всех моих знакомых дома, почему газету постоянно видели в руках у пассажиров городских автобусов. «Час праўдзівых навін» — это не просто слоган на шапке.

Когда директор одного предприятия, опасавшийся незаслуженной критики, явился в редакцию в сопровождении друга из Госконтроля, то Алексей Ильич Белый дружелюбно ему объяснил, что журналист опишет все так, как есть на самом деле, что ни давление, ни задабривание на текст никак не повлияют. И гости согласились, потому что знали, что это за издание. Это, прежде всего, газета фактов, а если там есть мнение одной стороны, то будет и другой.

Вот если чиновники говорят, что закрытие фабрики пойдет городу на пользу, то ведь нужно дать слово и увольняемым рабочим, правда? Но, видимо, правдивое отражение действительности — уже достаточное основание для идеологической вертикали вести против тебя войну. Как «Intex-press» удавалось если не сохранить позиции, то, по крайней мере, не сдаться в плен, для многих до сих пор остается загадкой.

Школа выживания

Впервые этот вопрос я, кажется, услышал в 2006 году от посещавших Барановичи поляков, составлявших отчет о жизни в Беларуси. Подозреваю, что более опытные сотрудники редакции услышали его намного раньше. Смысл вопроса был в следующем: как вас еще не прихлопнули? Ответ, по-видимому, заключается в личности издателя и главного редактора «Intex-press» Владимира Янукевича.

Всего один пример. В критический 2005 год газету, как и десятки других, выбросили накануне президентских выборов из системы

распространения «Белпочты» и «Белсоюзпечати». Для многих изданий это означало смерть. «Intex-press» спасла выстроенная руководством собственная система распространения. Один из ее символов, Владимир Говша, стоя на холоде у входа в универмаг в одном из микрорайонов города, умудрялся продавать сотни газет за неделю.

В ситуациях, когда казалось, что уже все — изданию не выжить, Владимир Янукевич всегда находил выход, прокладывая обходной путь или умея договориться с теми, с кем договориться, казалось бы, невозможно. Многие независимые издания канули в лету, не сумев в агрессивной среде превратиться в бизнес-проекты. Владимиру Янукевичу это удалось, что обеспечило газете здоровый иммунитет. Что запомнилось: за пять лет моей работы в «Intex-press» мы сменили три офиса. Каждый раз двигались от худшего к лучшему.

Вообще же, если кто и знает разгадку тайны выживания «Intex-press», так только Владимир Янукевич. Опять-таки субъективное мнение: последних, наверное, лет десять перед ним стоит искушение превратить газету в издание, не допускающее какого-либо критического взгляда. Примеры в регионах перед глазами. Но, как говорил английский писатель Малкольм Маггеридж, только мертвая рыба плывет по течению.

Главный редактор газеты Владимир Янукевич

Навсегда запомнилось, как при сильнейшем психологическом давлении в начале 2006-го, после визита в Барановичи единого кандидата от демократических сил, Владимир Янукевич поставил на всю первую полосу придуманный им же заголовок «Милинкевич стал ПЕРВЫМ...» с фотографией главного соперника действующего президента. И это было правдой: Александр Милинкевич первым из кандидатов в президенты-2006 пообщался с жителями 180-тысячного города. Вертикальщики, получив свежий номер, как говорится, падали со стульев.

Где живет душа журналистики

Пока Владимир Янукевич принимал стратегические решения, заместитель главного редактора Анжела Белуш отвечала за содержание газеты, курируя журналистов. Когда в 2010 году журналисты из промышленного центра взяли все три призовых места в художественно-публицистической номинации конкурса БАЖ «Вольнае слова», председатель жюри Юрась Карманов сказал: «Душа журналистики в этом году живет в Барановичах». Думаю, не один я про себя пошутил: и мы знаем, как ее зовут.

Главный принцип успешной работы барановичского журналиста: не знаешь, что делать, — иди за советом к Анжеле Белуш. Вот тебе идея, схема работы, принес текст — вот замечания, принес исправленный — вот еще замечания, все исправил — вот окончательные изменения, иди верстай. Сделаешь, как она сказала, — через полгода цветы и шампанское на «Вольном слове».

Понятно, что журналист тоже молодец, но уверен, никто из коллег на вышенаписанное не обидится: сам несколько лет трудился по этой схеме. И после такой школы начать работать в Минске было очень легко.

Проработав 10 лет в журналистике, я не знаю, какой редактор одновременно лепил бы столько высокопрофессиональных журналистов из нежурналистов. Из тех, кто не имеет опыта и даже окончательно осмысленного желания. Вот чтобы у тебя под рукой было полтора нормальных журналиста, а ты выдавал «зубастый» (определение Владимира Говши) номер на 20 страниц. Из тех, с кем я работал пять лет назад, в редакции остался всего один журналист, но ни один текст новичков сегодня не выглядит откровенно слабым.

Года три назад на вопрос 34mag.net, знает ли он в Беларуси другие качественные издания, кроме «Белгазеты», главред этого издания Игорь Высоцкий сказал: «Хвалят барановичский «Интекс», но я не читал». Как говорится, и на том спасибо.

Каждый вторник

В отделе журналистов звонит телефон. Все на местах, но никто трубку не поднимает. Телефон звонит две минуты — журналисты смотрят на мониторы и стучат по клавиатуре. Дзынь — тишина, дзынь — тишина. На третьей минуте нервы сдают у кого-нибудь из технического отдела (Тани, Ларисы или Жанны), и неизвестный, наконец, слышит чей-то приятный голос.

Такое в «Intex-press» может происходить только один раз в неделю. Каждый вторник, в день сдачи еженедельника. С утра и до позднего вечера, а то и ночи, подтягиваются «хвосты». Нет материала на первую полосу, нет комментария чиновника, нет фотографии — удивительно, но в итоге каждый раз все откуда-то появляется.

«У меня сегодня вторник!» — единственное объяснение сотрудников «Intex-press» на все случаи жизни в период с конца понедельника до начала среды. И значит, лучше им не мешать. Потому что назавтра читатель откроет номер и подумает, что это естественно — иметь возможность читать качественное городское издание в европейской стране.

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Не надо

За практически минувший 2014-й я шесть раз побывала в легком шоке. За сим последовали, соответственно, шесть стойких разочарований.

Из них предстоит выбрать одно и озвучить главного номинанта на звание самого обидного разочарования года.

1. Культурный шок

Дело было в январе.

Мне посоветовали выкинуть из гостиной старую мебель и взамен купить пару *«аккуратных, стилизованных под Италию, шкафчиков и консолей, чтобы было красиво и был воздух»*. И поначалу это совсем не имело отношения к теме.

К слову, я бы очень хотела «воздух» и «шкафчики», но возник вопрос, куда девать гору всякого добра, которое придется вытряхнуть из старой секции. В «шкафчики» не войдут даже книги, не говоря об остальном содержимом действительно убогой, но вместительной советской «стенки». Одних только толстенных рукописных тетрадей формата А-4 с расшифрованными диктофонными текстами — целая стопка (это интервью, которые я писала в течение почти 10 лет). Мысли, оценки, факты — вдруг пригодится?

Вот именно в тот момент, когда я, тоскуя о красивой мебели, вслух упомянула о книжках и снятых текстах, меня и постигло первое потрясение.

— *Знаешь, ты прав,* — начала я было соглашаться. — *«Стенку» надо таки выбросить. А вопрос размещения библиотеки, конечно, можно решить…*

— *Подождите, а вы все это уже прочитали? Гм… эти книжки?*

— *Ну да,* — замялась я, пытаясь вспомнить, нет ли в этом шкафу чего-то непрочитанного.

— *Больше ведь перечитывать не будете?*

— *Э-эээ…* — я заскользила взглядом по корешкам, натыкаясь вперемешку то на свои «тетради», то на Достоевского, а потом на Липая, Чейза, Мележа, Чехова, двухтомники Булгакова, Теккерея и Короткевича, потом на Томковича, Гриба, Некляева, Чапека, Носова и «Аранжировку цветов» (никакого, действительно, порядка!) — *…А что?*

— *А то, что вряд ли кому этот пылесборник понадобится! Я бы — точно не читал. Надо выбросить все! И… купить еще новый диван!*

Советы по дизайну мне давал журналист А., вполне себе зрелый, но и вполне молодой, — ныне делающий карьеру в белорусских СМИ. Зашел он ко мне совсем по другому делу — на два слова. Увидел «стенку» — сказал целых три.

Обидевшись — больше всего за Достоевского, — я быстро закрыла за ним дверь, а вот рот от удивления захлопнула не сразу. Разочарована была — не то слово… Выбросить Достоевского!

фото svaboda.org

2. Потрясение вокруг событий в Украине

Всех чересчур озабоченных событиями в Украине надо бы попросить пропустить эту болезненную главу. Остальным расскажу, почему возникла такая номинация.

Сижу у телевизора (это уже где-то ближе к середине февраля) и смотрю по РБК, что там, в Киеве, происходит. Слушаю с экрана всякие (умные и не очень) разговоры россиян «за» и «против» — по теме. Временами переключаюсь на «Интер» и «Евроньюс», параллельно кося взглядом в компьютер, где **hromadske.tv** (украинский портал) ведет онлайн-трансляцию с Майдана и в отдельном окне тоже всяких умных (но уже украинских) людей опрашивает. Каждый ресурс подает происходящее, как ему и положено,

«Ля-ля»!

по статусу принадлежности. И на каждом время от времени появляются люди, с которыми не поспоришь. Только «Интер», в глубокой задумчивости от происходящего, на тот момент не определился, кого из украинцев за умных людей выдавать, — потому от разговоров по теме телеканал отказался и крутил без остановки кислотные сериалы.

Звонит телефон — это коллега (не тот, что с Достоевским, но тоже вполне, как я думала, зрелый: по крайней мере, до нашествия Facebook он (в отличие от того, первого) наверняка успел прочесть какое-то количество традиционных для каждой квартиры книг. Говорит сначала по делу, потом — «за Майдан» (тут он прямо орет): «Революция! Во — дела-а-аа!.. Какие же все-таки там герои! И… вы знаете — будет война!»

В общем, он был в восторге: «У-у-ууух!»

Совершенно не разделяя этого «ух!» (и не предвидя еще грядущей войны), я как-то вяло отреагировала, поскольку просто так (на голом энтузиазме) такого «майдана» с коктейлями Молотова и стрельбой не бывает. Любой оппозиционер подтвердит: всегда за этим кто-то стоит. Скорее, на автомате, чем с желанием дискутировать, я скептически отозвалась о происходящем:

— Людей жалко. Неизвестно еще, кому эта революция нужна — за полгода до выборов (лидеров-то в Украине явных нет). Во время революции можно усадить в главное кресло любого «героя», и это пугает.

Я говорила, а параллельно какой-то мужик на РБК объяснял видение ситуации, я за ним и повторила в телефон: *«Российскому руководству важно, чтобы обличающие и отрицающие ее украинские общественные брожения не распирали общего устройства. Чтобы внутри не создавалось нестерпимого давления, способного перекорежить все уже кое-как налаженное. А уж сакрализация антирусского процесса…»*

— Что-то они загнули!

— Это они про то, что поначалу России невыгодно было обострять ситуацию. Нет у нее на Майдане своего Чапая. И стреляли, — говорю, — *похоже, не «беркуты», зачем это Януковичу?* (Тогда он еще не удрал.) *Ищи,* — говорю, — *кому выгодно, а выгодно… м-да…*

— Да «беркуты» же! И российские спецы — сволочи! Наши репортеры на Майдане работают, они рассказывали!

— А логики, вроде, нет… Тут схлестнулись два мира — Восток и Запад. В глобальном смысле. Это противостояние не Украина — Россия, а Россия и западный мир, так ведь?

фото svaboda.org

Что-то я еще в телефон говорила: про то, что украинцы устали смотреть на то, как 20 лет их страну разворовывали и разваливали. Но кто это делал — Россия? У меня есть дальняя одесская родня, которая в год по пять раз каталась к нам в гости на машине. Разумеется, не на купленном за свои деньги бензине. Родственники тырили бензин, потому что это можно было делать, потому что там тырили все, кто имел доступ. А кому нечего было стырить, очень горевали — в Луганске, к примеру, в 2001 году некоторые семьи уже даже не стеснялись, что их дочери зарабатывают древнейшим образом на шоссе, расположенном на въезде в город. Больше негде! Накопят девчонки на билет до Москвы или Питера (да чтоб там — на первое время) — и поминай, как звали. Об этом говорили в том же 2001-м на Международном форуме в Крыму, где собрались журналисты из Европы и всех украинских областей. И я была от еженедельника «Свободные новости». Разговоры с того форума — в снятых текстах, которые по сей день хранятся в моем убогом шкафу. Но я бы и без тетрадей запомнила.

А то, что мы сегодня видим: тысячи убитых украинских граждан на фоне все той же, до сих пор не тронутой никем разрухи и коррупции, — не стоит никакого Майдана.

Я говорила это, никого не осуждая и не защищая — просто расставляя акценты. Разве не это работа журналиста? Понять, почему то или иное стало возможным? Сытых и довольных украинцев, как и белорусов или зулусов, на «Майдан» не приведешь. Им автомат на шею не повесишь, даже если Россия притащит на цепи боевого слона. Будут стоять в сторонке и репу чесать, потому что есть что терять. А кому терять нечего, тот идет в рядовые труженики Майдана или на войну.

России, как и Западу, нет никакого дела до сытости украинских граждан. Были обещания американцев не расширять блок на территории бывшего соцлагеря. И что мы видим? Россия, которую мы не любим и которую боимся, — серьезная страна. С ядерным оружием. Хотим мы этого или нет, любим мы ее или нет, — обязаны считаться. И не с русским народом как таковым, вне зависимости от его состояния: разрушенной его глубинки, загадочной души, пьянства, дорог и дураков. Пока мы вынуждены считаться с российским лидером по фамилии Путин. Пусть у него души нет, зато есть Кнопка — и иные аргументы, которые, к сожалению, ПОКА очень трудно опровергнуть. И мы тоже допустили эту зависимость.

Закончив монолог, я прислушалась к телефонной трубке — и услышала недовольное сопение.

— *Але?* — аукнула я в телефон. — *Любому ясно, что Путин и его коллеги в разных странах ведут свою линию. Идет некрасивая игра — с обеих сторон, фишки передвигаются, а цели не совсем понятны. Поскольку информации объективной не существует, остается — здравый смысл.*

— *Да??? Не знаете — так и молчите!!!*

— *Зачем же молчать, когда есть что сказать?*

Потом уже, в марте, белорусы вместе с Украиной негодовали по поводу цен на российский газ для Украины. И в то же время все восторгались выкатившейся на свободу Юлией Тимошенко, совсем позабыв, кто и почему подписал непосильный для Украины договор о предъявленной цене, — разве не за это была осуждена женщина с косой — «несправедливо», как мы все помним? Тогда в чем дело? Россия скидок не дает? Ну так странно было бы России, которая хотела видеть в Украине свою имперскую окраину (или на худой конец партнера), радоваться, что страну вот-вот умыкнут из-под носа и, возможно, заселят базами НАТО. Вот Путин и давит. Это плохо. Но это ведь и понятно? И Турчинову должно было быть понятно, что надо тут осторожно, не давать повод. Он должен был придумывать выход. Обязан был выворачиваться в интересах своей страны, консультироваться и прочее.

Зачем так срочно и так «вовремя» понадобилось экспериментировать с русским языком? За два дня раскололи и так треснувшую страну.

Очень похоже, что подобные меры в многонациональной Украине, часть которой совсем недавно была Россией, являются провокацией. Тем же словом называется попытка грубо заткнуть рот востоку, когда он еще никуда не просился, а просто хотел побольше бюджета и самостоятельности. Просто побольше. Пусть его и подбила на это Россия. Или республика Саха. Или вообще Туркмения. Что случилось-то? Сядьте вместе и подумайте, как сделать регион побогаче. Не надо сразу в бутылку, когда за кустом злой Полкан только и ждет потасовки.

Я вот не пойму одного: отчего не попробовать было приспособить законы Донбасса к местным реалиям. Пусть бы выбрали своего — во главу. Вон, в Америке — выбирают своего. Там в одном штате одни законы, в другом другие, и что? Страна не разваливается от того, что в Техасе нельзя ходить босиком, предварительно не получив разрешение за 5 долларов, а в Западной Вирджинии можно. Зато в Вирджинии в соответствии с Конституцией штата (!) запрещается иметь красный или черный флаг. В Иллинойсе вас арестуют за бродяжничество, если в кармане нет хотя бы одного доллара. А на Аляске никто и цента не носит без надобности — это я в Википедии вычитала. В США еще много всяких чудачеств: охотиться на медведя можно, будить его спящего нельзя. Все это кажется нелепым, но имеет свое какое-то первоначальное объяснение. Зачем-то им это было надо? Почему-то в том же Иллинойсе до сих пор есть закон, запрещающий говорить… по-английски. А в других штатах могут оштрафовать за незнание этого языка. А в Канаде два государственных языка, потому что сначала это место колонизировали французы, а потом все французские колонии захватила Англия. Захватила и захватила. А Канада осталась. И народ остался — говорит, кто как может.

А в Швейцарии вообще народ себя называет разнообразно: германо-швейцарцы, франко-швейцарцы, итало-швейцарцы и ретороманцы. Конституционально признаны государственными (национальными) четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Официальных языков только три: немецкий, французский и итальянский, — а ретороманский из-за малочисленного его использования не применяется в официальных документах на государственном уровне. И ретороманцам за это не обидно. Потому

Фото: Сергей Гриц

что каждый кантон в соответствии со своим законом имеет право на использование своего языка. Разнообразие местных языков непрерывно дополняется многочисленными иностранными эмигрантами, в том числе и украинцами.

Эти примеры, похоже, не годятся для революционно настроенного мышления. И все равно язык народа никак нельзя политизировать, как мы это повсеместно делаем. Ведь это вопрос культуры, истории и доброй воли. Иначе сразу будет драка. В Украине к тому моменту драка и получилась: оружия было слишком много. Донецкие-то уже решили, что на волне революции построят свой украинский «кантон». И в такой ситуации против человеческой массы, если она всерьез за что-то взялась, запреты не действуют, а даже наоборот — возбуждают еще сильнее. Это ведь было уже после «крымнаш», но еще до настоящей гражданской войны.

В политике, говорят, есть такой закон, что надо седлать народную волну и, управляя ее движением, двигаться в сторону какой-нибудь важнейшей цели. Хотят люди новой власти — дайте им, хоть частично. И народ был бы доволен, и легко было бы им манипулировать, простодушным народом-то! Почему украинские политики не просчитали реакцию собственного населения, почему так легко отдали козыри Путину, непонятно. Никак нельзя было давать козыри. Даже если русские, живущие в Крыму, действительно хотели уйти из Украины. Надо было их удержать. Убедить. Попросить, объяснить. Как угодно. Но не подталкивать туда, куда они и так не против были уйти. Договариваться нужно было со своим населением и в Донбассе. Потому что политика — это именно договор (см. словарь) — ИНСТРУМЕНТ УВЯЗКИ ИНТЕРЕСОВ. Украинские танки должны были стоять на базах до самой последней крайности. А иначе — это повод для России (забрать земли, подстрекать сопротивление) и для Запада (ослабить Россию санкциями). Только самим украинцам не вышло из этого никакого проку: для них это сразу война (а не «у-ух-героизм»), это смерть и, как следствие, ненависть — точка невозврата.

…Разочарование во всей этой истории сильней всего из-за того, что многие у нас, похоже, чего-то упорно не хотят замечать. И, как следствие, усвоить урок.

3. Дико «свободная» пресса

После крымского референдума, но до волнений на востоке, мне позвонила девушка и предложила подписать воззвание «против войны России с Украиной». Я не на шутку испугалась: войну проворонила! Переспросила, выяснила, что войны пока нет, а это на всякий случай — воззвание, — чтоб России, присовокупившей Крым, жизнь малиной не казалась. И чтобы белорусская организация, под чьей эгидой подписи собирают, могла лишний раз в прессе засветиться. И чтобы Россия видела: эта организация «против!» И чтоб Европа видела: она «за!». Пока я это соображала, девушка сообщила, что автограф под документом ставить лишь бы кому не предлагают: подписывают его «знаковые люди Беларуси». До меня она звонила Некляеву. И, по ее словам, политик подписал этот важный документ.

Тут уж я совсем удивилась: я ж не «знаковая», политикой не занимаюсь и подписывать ничего не могу (не та профессия). Я все же извинилась и поинтересовалась содержанием документа. Девушка слегка смутилась, пообещала прислать текст на почту. Но не прислала.

Когда война в Украине все же началась, воззвания у нас и в России повалились как из ушата. Поддерживали тех и других, нервозность в обществе росла: в белорусских семьях, в Facebook шли если не ожесточенные, то все же «бои». Начиналось с легкой перебранки на кухнях и в сетях — между нашими уже

«колорадами» и «патриотами». Потом пошли в ход иные прозвища: «колорады» превратились в «ватников», которые сменились в итоге на «мерзоту». Патриоты шли в сетях под рубрикой «наци-бульбос.ач» и еще как-то непечатно. Вымазывая друг друга нечистотами, белорусские жители соцсетей — большей частью журналисты, — страшно ссорились и обрывали дружеские связи. Российские, пропутинские, каналы презирались априори. Свободолюбивые украинские СМИ чуть ли не обожествлялись.

Однако задолго до того как у нас разгорелись эти нешуточные страсти вокруг «российской лживой прессы», до того как в сетях запестрели желто-голубые флаги, сами украинские коллеги пришли в ужас от результатов своей профессиональной деятельности:

«*Вряд ли уместной будет формулировка "независимые СМИ" по отношению к любому из отдельно взятых украинских масс-медиа*», — заявили украинские журналисты в ходе «круглого стола», где присутствовали репортеры практически всех значимых украинских СМИ.

«Круглый стол» назывался «**Испытание Майданом. Разделяй и властвуй**».

Ведущий аналитических программ на телеканале UBR Искандер Хисамов уже тогда заявил: «*Большинство журналистов, как в печатных изданиях Украины, так и на телеканалах, сами себя* ***назначили в пропагандисты****. Прибегают молодые люди с горящими глазами и говорят, что они будут говорить правду. Они считают себя выразителями неких чаяний, забывая, что они журналисты, и должны* ***посмотреть на ситуацию и справа, и слева****. Кроме того, не то, чтобы отвратительным, но очень печальным я считаю тот факт, что с обеих сторон* ***сформирован образ врага***».

Если учесть, что в гражданском противостоянии, как правило, не бывает абсолютно правых, показательна цитата из выступления руководителя украинского холдинга «Мультимедиа-инвест групп» Игоря Гужвы: «*Мы видим, что* ***противостояния идут не только на улицах, но и внутри журналистского сообщества****. Люди делятся по своим политическим убеждениям, что* ***существенно сказывается на работе украинских СМИ****. Для нашего издания вопрос позиционирования является критическим с точки зрения доверия читателей. Ведь если мы займем позицию одной из сторон, то потеряем доверие половины нашей аудитории. А так как мы знаем, что главный* ***капитал любого средства массовой информации — это доверие к нему, то, соответственно, этот вопрос является вопросом нашего выживания как медийного проекта***».

Вот еще цитата с того «круглого стола»: «*Происходит национальный раскол во всех слоях и сферах: в обществе, в политике, в экономике.* ***Именно отечественные СМИ играют далеко не последнюю роль в активизации раскола*** *государства, поскольку с помощью информационного влияния на массы делят украинский народ на два противоборствующих лагеря…*»

Об этом же говорили и на следующем украинском «круглом столе» на тему «**Журналистика в условиях политического кризиса и гражданского противостояния**» (принимали участие представители СМИ из Украины, России и стран ЕС). Оттуда достаточно одной цитаты: «…***клейма расставлены, и можно кидаться гранатами в живых людей, поскольку это уже не наши люди. В это большой вклад сделала наша журналистика, часто из самых романтических соображений***».

И чтобы уж совсем проиллюстрировать, к чему приводят шоры на глазах, вот предупреждение украинского Антикоррупционного информационно-аналитического портала **job-sbu.org**: «*Прежде чем слепо верить всему, что подают с голубых экранов телевизора, стоит узнать, кому принадлежит тот или иной телеканал, дабы понимать, с каким контекстом вам пытаются вложить информацию. Печально, но факт.* ***Получить полезную в объективном смысле общественно-политическую информацию от наших насквозь политизированных и конъюнктурных СМИ не представляется возможным***».

Потребители информации — рядовые украинцы уже в декабре 2013-го, не дожидаясь внутрицеховых журналистских разборок, перестали доверять своим источникам, транслирующим новости в интересах нескольких олигархов. Те самые мои родственники, которые катались из Одессы в Минск на халявном бензине, показывали табличку, где написано о шести бизнесменах, формирующих общественное мнение в Украине. Родственники и все их знакомые одесситы поначалу смотрели телевизор, сверяясь по этой табличке, а потом запомнили, что к чему, и до сих пор виртуозно делают поправки на политический крен владельца СМИ… Кому-то покажется, что это все нас не касается и не нашего ума это дело. А у меня разочарование вызывает уже тот факт, что мы опять не видим параллелей.

4. Скрытая национальная идея

В начале этого года наш президент вдруг заговорил о национальной идее. Но так и не ознакомил народ с путеводной звездой. Вот тут бы активным умам, которые не умолкают в Facebook, постят котиков и статейки про нацплатформу, начать фонтанировать идеями, подавая пример главе государства да увлекая народ. Вот бы и партиям показаться во всей красе. Ведь никаких финансовых затрат не надо — только включай мозги!

Однако за минувший год ничего похожего не произошло. Даже интеллигенция откликнулась не сразу.

Что мы в итоге имеем: «Лукашенко ухватился за тему национальной идеи, как за единственную спасительную нить в условиях давления России, исключительно, чтобы отстоять свою власть», — справедливо заметил

в интервью camarade.biz режиссер Юрий Хащеватский. А председатель Рады белорусской интеллигенции Владимир Колос заявил в СМИ, что национальная идея и так у нас есть, и она в том и состоит, что у нас — «достойная европейская страна со своим языком, своей историей и культурой».

Такой вот у обеих сторон креативный ход: президент говорит об идее, не озвучивая ее. Интеллигенция не согласна, но опять же, непонятно с чем.

Почему так все туманно?

Есть две версии у меня, причем одна не противоречит другой. Первая из них: все эти поползновения властей к Идее совершенно не нужны народонаселению, поскольку не затрагивают подлинных его интересов. Народ Беларуси целью властей (удержаться в суверенных креслах) не озабочен, поскольку живет врассыпную — каждый со своей частной идейкой. Некоторые даже с некрасивой и корыстной.

Вторая: властям не интересны частные идейки, потому что они не помогают удержать суверенные кресла.

И все же — какой могла быть наша Идея?

Вот опять, к примеру, США: у них есть «американская мечта» — и неплохо работает. В Японии — идея коллектива как семьи с руководителем-«отцом», этакий группизм — тоже работает. И там, и там учтен национальный характер: разношерстный американский и камерно-организованный монохромный японский. Что у нас?

Может, стоит всех объединить чем-то действительно общим? Может, памятью о том, что БССР была самой благополучной в смысле уровня жизни республикой — после Прибалтики? Может, стоит придумать что-то нехитрое, например: мой дом — моя страна? И на этой волне не только город, но и деревню как-то причесать. Может, сделать приоритетом провинцию? С налогами можно повозиться и решить, что будет выгодней? Может, дать людям на время волю? Может, каждый действительно захочет сделать свой дом, свой сад, свой магазинчик, кафешку, свой райцентр приятным, небедным и красивым местом. Каждый может насажать цветов, собрать пластиковые бутылки, которыми густо усеяны берега рек и озер Синеокой, скосить бурьян. Каждый может придумать себе бизнес-план — простенький, для своей семьи, если увидит выгоду и не станет бояться слова «предприниматель». Может, кто-то тогда не станет пить? И мы создадим действительно крепкий средний класс, который станет опорой-стабилизатором?

Говоря о том, что в белорусскую идею должны верить все — «от академика до крестьянина» (а президент так и сказал), — пора уже уточнить: во что, собственно, верить?

Не хочу никого пугать, но в интервью нашего лидера с Ксенией Собчак для телеканала «Дождь» кое-что прояснилось. Глава государства заметил, что жизнь в России должна быть как у нас:

— *…Чтобы милиция на каждом углу не стояла, чтобы люди были самоорганизованные. Вот родила Ксюша дочурку маленькую — в колясочку и пошла гулять. Чтобы к ней никто не прикоснулся, не притронулся. Наши люди привыкли к спокойствию, чтобы друг другу никто не мешал.*

— *Чем вам это не национальная идея?* — спросила «наивная» Собчак.

— *Так ее же надо сформулировать,* — ответил президент. — *Мы ее не сформулировали, а на практике к ней подошли.*

Вот, оказывается, в чем дело — идея есть, и уже освоили! Только, если формулировать, мы увидим не идиллию, а полицейское государство. Ксюша, может, не знает, что милиции у нас завались: на каждый угол и по два сотрудника можно разместить. Только они не за колясочками привыкли следить. Народ наш про это знает, потому и спокойный такой. Даже если что-то сильно не нравится, государству не мешает. Себе дороже.

Жаль, что с Идеей опять какая-то ерунда получилась. Разочарование — на все 100.

5. Спасти Беларусь

Тут все будет коротко и ясно. Я недавно разговаривала на эту тему с директором Белорусского документационного центра Раисой Михайловской. Пересеклись мы в одной правозащитной организации. Туда как раз пришли люди — видимо, сотрудники или волонтеры, сразу не поймешь. Я прошу прощения, что опять дергаю Украину, но одна дама увлеченно рассказывала, как она ездила в Киев и там кого-то морально или как-то иначе поддержала, и теперь Украина практически спасена от Путина, и ей срочно надо еще спасать (от Путина же) Беларусь. Я смотрела в эти горящие, как у Че Гевары, глаза и думала: «Она это серьезно?» Мне даже показалось, женщина чрезвычайно рада, что в Украине такой вот «борщ» заварился, что теперь ей есть чем заняться: можно туда героически ездить, там чего-то кому-то героически говорить, от каких-то спецов удирать и прочее в таком же духе.

Я обернулась к Михайловской, поскольку она стояла рядом, и спросила:

— *Рая, как такое может быть: в нашей стране через год очередные выборы, а у нас все еще за решеткой кандидат в президенты с прошлой кампании! Почему, если теоретически в стране остались еще оппозиционные политики и есть такие пламенные бойцы, как та особа, никому из них нет*

дела до проблем Беларуси? Все «спасают» Украину! В Беларуси они постоянно что-то делят и всегда не соглашаются друг с другом. Почему в нашей стране венцом политического ухарства считается проскандировать на футбольном матче «Путин х…ло»? Потому что это весело, ни к чему не обязывает и легко спрятаться в толпе? Я понимаю, что власти энергично пропалывают поле общественных движений, не позволяя не то что плоды выдать, но даже и взойти чему бы то ни было, из доброго, вечного и действительно разумного. Но нельзя же заниматься профанацией?

— *Я думаю,* — ответила Раиса, поглядывая на ретивую дамочку, — *что такая ситуация возникла у нас не столько из солидарности с братским украинским народом (хотя не умаляю этого), сколько из-за того, что многолетняя «борьба» за Беларусь не приносит конкретному борцу никаких ощутимых результатов. Не видны они, не потрогаешь руками, не увидишь глазами. За борьбу с режимом в Беларуси можно и по голове получить... А тут — на тебе — Украина. Вот и получается, что «повоевать» в интернете, показать свою смелость здесь совсем не опасно, а собственная значимость как растет! Они будут ездить в Киев, чтобы порисоваться-пофоткаться и быстренько выложить фотоотчет в Facebook. Я не о тех, кто реально помогал украинцам. Но большинство все-таки «забыли», что в Беларуси ТОЧНО такие же проблемы. И потом, здесь же никто не удивится, что ты делаешь что-то полезное, потому что это рутина, а там ты герой, только потому, что «приехал БЕЛОРУС».*

— А что, к примеру, рутинного сейчас у нас делается или что нужно делать?

— Да много чего! Не только кандидат в президенты, но и другие политзаключенные в тюрьмах с прошлых выборов сидят. Вот какая беда. Наш БДЦ написал и отправил жалобу в Комитет по правам человека ООН от имени Николая Статкевича. Мы хотели об этом проинформировать, поскольку общественное мнение имеет значение — и для самого Статкевича, и для его родных, и для нас, правозащитников, и для тех, кто держит политика за решеткой столько лет. Новостные ленты всех белорусских сайтов были забиты только одной темой: Украина. На Статкевича не обратили внимания. Я не понимала, что происходит. Почему народ так быстро крутанулся на 180 градусов и отвернулся от проблем своей страны? Я чуть ли не с извинениями написала в Facebook: «Это не про Украину, но ОЧЕНЬ ВАЖНО! Мы подали жалобу в КПЧ "Статкевич против Беларуси"».

— То есть нужна была поддержка?

— Какая поддержка? Практически не было комментариев. Они все «были» в Украине.

Выслушав Раису, я не могла не согласиться: это странно. В общем, разочарована тем, что никто, кроме дамы-«чегевары», не хочет спасать Беларусь.

Фото: Сергей Гриц

История без номинации (вне конкурса). Ответ Рымашевского на сложный вопрос

Это как бы эпилог — хочется ведь сделать вывод.

Зима перед выборами 2010-го. Осталась пара-тройка недель до голосования. Кандидаты в президенты собрались обсуждать смешную тему: пойдут они единым фронтом на выборы или нет. Сидят за столом Лебедько, Некляев, кто-то еще и Рымашевский. Я подумала: вдруг уже пришли озвучить принятое, наконец, какое-то решение. А они… вроде как собрались что-то озвучить да опять и заспорили. Прямо перед журналистами пробовали договориться о консенсусе, которого вечно нет. (Будто раньше времени не было.) Завели канитель: какой курс выбрать, чтоб всех устроил (то есть — кому отдать портфель главного). Тогда, мол, пойдут единым фронтом на «Плошчу». Лебедько в чем-то, как всегда, непреклонен, Некляев старается быть убедительным, а Рымашевский посмотрел на поэта-политика и выдал цитату века: «Мы не можем консолидироваться с тем, у кого в предвыборной программе хоть намек на какие-то отношения с Россией!» Мы, говорит, за то, чтобы сразу, немедленно по приходе к власти, прекратить абсолютно все взаимоотношения с Россией! То есть, будто ее нет.

Сейчас я с грустью понимаю, что именно такая риторика привела к войне в Украине. ИМЕННО ТАКИЕ безответственные заявления — безграмотные, с точки зрения политика и дипломата (ведь Рымашевский метил в президенты). А президент должен думать: что, где и зачем говорит. Президент обязан просчитывать ходы наперед и говорить не всегда то, что в голову придет. Взвешивать надо и лавировать — в интересах своей страны, ну и себя, любимого.

После мероприятия подошла я к автору смелой идеи межевания от всего русского.

Я не намекала даже на то, как Рымашевский, стань он президентом, отбивался бы от Путина: реакцию же самой России не трудно представить. Вполне возможно, имелся какой-то смелый и действенный план.

Итак, я подошла и спрашиваю: «Спадар Рымашевский, у вас есть план? Вероятно, вы уже продумали систему энергоснабжения, импортозамещения и новых рынков сбыта? Интересно было бы услышать. Если плана нет, то вы хоть знаете, какое количество белорусских рабочих вмиг окажутся на улице? Вы мониторили: люди согласны терпеть — в этот конкретный исторический момент? Настроения по этому вопросу в процентном отношении известны? Общественное мнение — как будете формировать? Может, нам поможет “Восточное партнерство”?»

Я вопросы задала не из садистских соображений. Просто подумала: а вот интересно, какие-то, наверное, придуманы рецепты на случай: «России как бы с нами нет»? Может, такой вариант: «откупимся», или «отобьемся», или пошлем ее в самом коротком направлении — «бабочек ловить».

Я, конечно, утрирую — про «отобьемся». Но ведь каждый согласится: уйти от России нам не так уж просто. Поэтому риторика подобная, если она публичная, должна опираться на некие сценарии.

Уже на тот момент было ясно, что политического будущего у Рымашевского никакого, но я все-таки подошла.

В общем, на все вышеприведенные (сложные, на мой взгляд) вопросы Рымашевский ответил на удивление легко:

— А вы!!!

— *???* — изобразив крайнюю заинтересованность, я ждала продолжения.

Но Рымашевский молчал. Рядом с ним стояли, судя по всему, «паплечнікі», сверлили меня подозрительными взглядами.

Наконец кандидат в президенты ожил:

— А вы — почему такие вопросы задаете? Вы из какой газеты?

Дядьки, составляющие, видать, ядро единомышленников, тоже пришли в себя и заголосили: *«Она — из российской!»* То есть: «Пошла вон». Это был, напомню, 2010 год. Никакой еще Украины.

Вопрос зависимости страны от России у нас по сей день совершенно не обсуждается, так как для обсуждения и выдачи каких-то умных мыслей по теме мало проскандировать: «Путин — х…ло», — или обозвать кого-то «ватником». Я ведь спросила Рымашевского просто так, из любопытства и немного из вредности. Спросила потому, что наверняка знала: у него ответа нет.

Такие вот дела.

Желание все разрушить только ради разрушения приводит к страшным последствиям. Надо все-таки перечитывать Достоевского. Он хоть и русский имперский писатель, но отчасти и наш — потомок пинской шляхты, то есть, если кому это важно, — практически белорус.

Выбирая из представленных номинаций победителя в конкурсе на звание «Разочарование года», я поставила на номер 4, потому что в условиях внешних угроз совершенно необходимо сплотить нацию. Написав это, я решила сверить свои выводы с соседкой Ритой, которая как раз в этот момент зашла ко мне поболтать. Она выслушала доводы, согласилась с выбором номинации и строго добавила: «Пора четко указать цель всему белорусскому народу. И не надо только “ля-ля”!»

Формула экономической стабильности Беларуси

Антон БОЛТОЧКО

Белорусской экономике практически каждый год предрекают крах или серьезный кризис. Однако руководству страны удается из года в год обходить острые углы развития событий, испытывая при этом терпение населения на прочность.

Даже ситуация 2011 года, когда трехкратная девальвация национальной валюты и гиперинфляция, казалось бы, надломили терпимость белорусского народа, была переиграна — и уже через год в сознании граждан от кризиса не осталось и следа. А к окончанию 2014 года и вовсе все наслаждаются возросшими доходами и умеренной девальвацией рубля, что в долларовом эквиваленте делает белорусов намного богаче, чем раньше.

Радужный оттенок ситуации в Беларуси придает грозный фон внешних событий.

Во-первых, политическая нестабильность в Украине, смешанная с военными действиями на юго-востоке этой страны. Беларусь, которая рядом, кажется тихой гаванью в неспокойном регионе. Руководство страны пока весьма умело балансирует во внешней политике. Лукашенко, выступив миротворцем в конфликте между Россией и Украиной, фактически создал временный позитивный имидж для страны, которая раньше считалась последним оплотом диктатуры в Европе.

Во-вторых, экономическое состояние стран СНГ и ЕС — не самое лучшее. Россия, Казахстан, Украина серьезно девальвировали свою валюту за последний год, в то время как белорусский рубль относительно стабилен. За 11 месяцев 2014 года он укрепился по отношению к корзине валют (доллар США, евро и российский рубль) на 3 %. Плавная девальвация белорусского рубля к доллару США (примерно 1 % в месяц) компенсируется слабостью евро на мировом рынке и пертурбациями с российской национальной валютой на внутреннем рынке соседней страны.

В то же время в ЕС страны борются с высокой безработицей, падением доходов населения, снижением экономической активности, а в Беларуси, наоборот, — недостаток кадров, рост доходов и большие планы по реализации крупных инвестиционных проектов (например, белорусско-китайский индустриальный парк). Такой контраст уже побудил некоторых высокопоставленных чиновников нашей страны советовать иностранным главам государств использовать «белорусскую» социально-экономическую модель.

Другими словами, если смотреть на происходящее поверхностно, то можно говорить о наличии пресловутой «относительной стабильности» в Беларуси. И именно так, поверхностно, воспринимает ситуацию большинство граждан страны. Поэтому некоторые социологические опросы показывают разнонаправленную динамику в восприятии белорусами состояния экономики с ее реальным положением. Просто от людских глаз скрыт целый пласт подводных камней, о которые в любой момент может споткнуться экономика Беларуси.

Об «уникальной» экономической модели

Беларусь ломает логику многих теоретиков-транзитологов и экспертов уважаемых международных организаций (ЕБРР, МВФ, Всемирный банк, ЕАБР и т. д.), которые говорят о пользе быстрых и глубоких рыночных реформ для экономического роста и благосостояния общества. До сих пор в международных докладах можно встретить примеры стран, проводивших рыночные преобразования по такому принципу и достигших позитивных результатов. Самый яркий и часто встречающийся — пример соседней Польши. Благодаря быстрым экономическим преобразованиям, которые были проведены польским реформатором Лешеком Бальцеровичем в начале 90-х, Польша в последующие годы смогла выйти в топ передовых стран бывшего социалистического лагеря по экономическому росту. Рыночные институты, которые были

созданы во время реформирования, до сих пор позволяют западному соседу Беларуси сохранять относительную устойчивость во время экономических потрясений на фоне недавнего мирового экономического кризиса.

Беларусь не пошла по пути Польши, а, наоборот, до сих пор отрицает полезность «шоковой терапии» для экономики страны. И старается доказать обратное: медленные преобразования, растянутые по времени на 25 лет, с сосредоточением экономической власти в руках государства, также позволяют достичь высоких темпов экономического роста страны на протяжении длительного периода.

В этой истории самое интересное то, что Беларуси это удалось. Несмотря на видимые оплошности в макроэкономической политике (высокая доля госрасходов, инфляция, отрицательное сальдо счета текущих операций и т. п.), основные показатели социально-экономического развития страны за последние годы увеличились. Например, ВВП, по официальному курсу белорусского рубля, в последние десять лет (2004–2013) рос в среднем на 6,56 %. Даже в 2009 году, когда вся Европа, страдая от кризиса, находилась в «красной зоне», Беларусь умудрилась прирасти на 0,2 % ВВП. Еще больше впечатляет тот факт, что с 2004 по 2013 год ВВП Беларуси в долларовом выражении вырос с $ 23,1 млрд до $ 71,7 млрд, т. е. в 3,1 раза.

Умиляет тот факт, что в своем Послании Федеральному Собранию от 16 мая 2003 года президент России Владимир Путин ставил перед своим правительством задачу удвоить ВВП за десять лет, но на деле Россия за этот период довольствуется среднегодовым приростом валового показателя на уровне 4,12 %. В это же время Беларусь утраивает свой ВВП без особых структурных преобразований.

Конечно же, можно долго спорить о методологии расчета ВВП и прочем, но и в социальном плане за последние 10 лет белорусы ощутили положительный эффект: заработная плата в долларовом эквиваленте достигла своего максимума в 2013 году, доля затрат на услуги ЖКХ в общих расходах домохозяйств остается на относительно низком уровне и т. д. Все эти факторы очень близки «к телу» обычного гражданина, поэтому ему даже не важно, сколько там составляет ВВП и сколько в нем шлаков — приписок, недочетов. Ему главное, чтобы зарплата и пенсия были на уровне, а цены в квитанции не «съедали» полученные доходы. Такое в последние годы обеспечивается.

Так в чем же секрет белорусского экономического «чуда»? И можно ли это назвать «чудом»? Официальные представители власти и ученые Национальной академии наук Беларуси считают, что существует «уникальная» белорусская социально-экономическая модель, способная генерировать быстрые темпы роста и быть устойчивой к потрясениям в мировой экономике. Достигается этот результат, по их мнению, за счет жесткого директивного управления экономикой, которое позволяет сгладить недостатки стихийного рынка.

Вот только под иллюзорной уникальностью скрывается обычная социалистическая модель управления экономикой государства, немного модернизированная со времен Советского Союза. Чаще всего такая модель имеет свою конечную точку развития, которая выражается в серьезных экономических потрясениях для страны, ее применяющей. История показывает нам немало примеров именно такого развития событий: многие страны на постсоветском пространстве, государства Латинской Америки, Азии долго восстанавливались после социалистических экспериментов.

Беларусь за 20 лет такого эксперимента также должна была стать еще одним примером конечности выбранной модели, если бы не одно «но»: высшее руководство страны смогло выстроить с Россией такие взаимоотношения, которые позволяли нам получать неимоверные льготы. Практически свободный доступ белорусских товаров на многомиллиардный рынок соседнего государства, предоставление Россией льготных кредитов, подписание контрактов на поставку энергетических товаров (нефть, газ) по сниженным ценам — все это можно считать ингредиентами успешного десятилетия Беларуси.

Не широкое распространение госсобственности, не бюрократия, не отечественная наука, а Россия как основной спонсор нашей страны делает белорусскую социально-экономическую модель «уникальной». Согласно данным Международного валютного фонда, в 2012 году энергетическая поддержка от России составила 14,9 % ВВП Беларуси, а в 2013 году — 12,7 %. Теперь попытайтесь представить, что останется, если из ВВП Беларуси изъять десятую долю валового продукта. Это сразу же отразилось бы на уровне жизни населения страны — сокращением социальных программ, падением заработной платы и т. п. Поэтому, без сомнений, именно благодаря русской широкой

душе Беларусь может чувствовать себя вольготно, советуя европейским политикам перенимать опыт.

Об интеграции, деньгах и чистой совести

Беларусь обходится России в десятки миллиардов долларов США. Искусная внешняя политика по отношению к восточному соседу позволяла получать привилегии, которые были недоступны другим странам на постсоветском пространстве. Искусность заключается в том, что руководство нашей страны старалось выходить из сложных ситуаций обещаниями, которые в дальнейшем не всегда выполнялись, а в последующем и вовсе «прощались» российской стороной.

Руководство России, в свою очередь, прекрасно понимает: именно запасы ее ресурсов являются той интеграционной силой, которая притягивает такие страны, как Беларусь. События осени 2014 года подтверждают этот тезис. Когда на кону стояли ратификация белорусским парламентом договора о создании ЕАЭС и вопрос компенсации Беларуси части потерь от «большого налогового маневра» в России, восточный брат пошел на уступки и вынул из своего кармана дополнительные $ 700 млн — амбициозный проект ЕАЭС стоит дороже.

Возможность платить за амбиции станет краеугольным камнем дальнейшего развития событий с евразийской интеграцией: как только в России закончатся ресурсы, чтобы поддерживать интеграционные процессы, то и Беларусь, и Армения, и Казахстан (с определенными нюансами) потеряют интерес к инициативе Большого брата. Для Беларуси как страны с экономической моделью, требующей постоянной финансовой подпитки, фактор наличия у России ресурсов является определяющим. Не зря, понимая не самое лучшее состояние соседней страны, белорусские чиновники старались в 2014 году наладить связи с финансовыми институтами и на Западе.

Беларуси действительно необходимы средства для того, чтобы созданная в стране относительная стабильность не рассыпалась в одночасье. В 2015 году на погашение внешнего долга должно быть направлено $ 4 млрд, которые могли бы работать на благо родины, а теперь просто покинут ее. Резко возросший долг Беларуси за последние пять лет не поспособствовал такому же быстрому росту экономики. Соответственно, полученные кредитные средства использовались неэффективно, но это не отменяет того, что их надо возвращать внешнему кредитору. Для того чтобы отдать, нужно найти эти деньги.

Поэтому мы готовы интегрироваться с любым, кто согласен заплатить за этот процесс достойную цену. Вот только перебить ставку России пока никто не решается — слишком большие деньги при широком разнообразии рисков.

Кстати, такое поведение Беларуси — дружить с теми, кто с деньгами, — можно увидеть в событиях 2010 года, когда российская сторона повысила цены на закупку нефти и газа для нашей страны. А ведь на фоне общего падения внешней торговли в том году только экспорт нефтепродуктов поддерживал белорусскую экономику. После изменения цен экспорт нефтепродуктов резко упал с 15,5 млн тонн до 11,2 млн тонн, поставив под сомнение «уникальность» отечественной экономической модели. Не прошло и года, как руководство Беларуси развернуло страну в сторону Запада и провело реформирование системы под выдачу кредита stand-by от Международного валютного фонда. Вот вам и все братские отношения! Возврат российской помощи после такого реверанса со стороны Беларуси не заставил себя ждать.

Как можно заметить, все сводится к деньгам — прагматичный тезис был и будет главенствующим в экономической политике Беларуси. И чем дальше, тем более четко он вырисовывается в действиях белорусского руководства. Ничего плохого в этом нет, но использование экономической модели, которая так зависима от внешней помощи, в долгосрочной перспективе не сулит стране и ничего хорошего.

О будущем

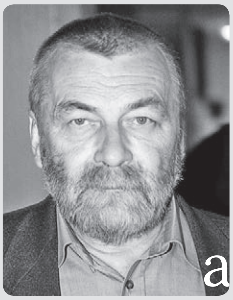
Главное, что сейчас должно обсуждаться в широких массах, — это будущее Беларуси. После очередного «судьбоносного» совещания у президента стало ясно: цельного видения будущего устройства экономической системы страны у правительства и Нацбанка нет. Это не может не тревожить. Во-первых, постепенно выкристаллизовываются новые группы влияния в правительстве, постоянно лоббирующие свои интересы, а не интересы государства в целом. В случае, когда в экономике нет генеральной линии, неразбериха является хорошим условием для укрепления коррупции и «кумовства» в любой стране. Во-вторых, исходя из уже сказанного выше, ресурсы в России постепенно заканчиваются (особенно учитывая геополитическую напряженность в регионе), и, соответственно, Беларусь в перспективе может потерять главный источник своей стабильности. Например, компенсация Беларуси за «большой налоговый маневр» от России выделяется только на 2015 год, а что будет дальше — об этом решили подумать чуть позже.

Это «чуть позже» не должно определяться очередной датой президентских выборов в Беларуси. Ведь традиционно экономику стимулируют до выборов, а после — можно и расслабиться. Так вот, в текущих условиях белорусскому руководству ни в коем разе нельзя расслабляться после выборов, иначе результат будет печальный. Возможно, этот факт уже осознан правительством, осталось только реализовать его на практике.

Беларусь, как утверждается властями, живет по плану. Государство — по просьбам и требованиям народа и по согласованию с ним — устанавливает пятилетние планы, включая в них стратегические программы, и распределяет их по годам.

Белорусский «гламур»

Константин **СКУРАТОВИЧ**

В соответствии с этим алгоритмом определяется и пятилетний срок очередного пребывания на высшем государственном посту первого и неизменного носителя этой должности. Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что страна живет для того, чтобы обеспечить очередное переназначение Александра Лукашенко на роль лидера страны.

«Есть у революции начало…»

В этой связи многие считают, что давно пора внести изменения в Конституцию, закрепив за главой государства пожизненное президентство и предусмотрев механизм передачи власти от него к кому-либо из наследников. То есть учредить нечто вроде «народной монархии». В общем, комедия, но она ничем не хуже, нежели та, которая разыгрывается всякий раз на очередных «выборах».

С этим можно вполне согласиться. Но Беларусь живет в окружении демократических государств, поэтому действующему президенту нужен определенный декорум, который, с одной стороны, обязан сохранять интригу в политической игре, а с другой стороны, совершенно определенно очерчивать возможности гипотетических политических конкурентов, которые не должны соблазняться реальными шансами на победу.

С одной стороны, власть бьет конкурентов по рукам, как это делал дьячок в церковно-приходской школе. Мог при необходимости даже высечь. Этого хватало для поддержания дисциплины и утверждало нужность наставника, поскольку шалуны среди детей никогда не переводились. Вспоминая советскую классику: Павел Корчагин, придя на дом к попу для исправления «неуда», насыпал попадье махры в пасхальное тесто.

Все говорило о том, что Корчагин обещал вырасти в революционеры, — и вырос.

В подобной ситуации пребывает белорусская оппозиция. С той лишь разницей, что Корчагина допустили в батюшкину горницу, а наших оппонентов власти давно уже не пускают никуда. Ни в государственные и полугосударственные структуры, ни в СМИ, ни к бюджетной работе над утвержденными планами. Никуда. В итоге они не выросли в революционеров, но сохранили в себе детскую непосредственность, напоминая

петушков, которые на заднем дворе готовы погнаться за каждой курочкой — не догоню, так погреюсь.

Но даже и не греются

Правда, надо сказать, что, исключая главную цель, государство и лояльная часть общества ничего принципиального тоже не добились. По этой причине трудно восстановить в памяти перечень «титульных задач», над решением которых усердствовали белорусы. Можно, например, вспомнить Директиву № 1, которая требовала беспрекословного соблюдения сознательной дисциплины на производстве. Работники приняли это к исполнению, но в итоге получилось, что, по данным ВОЗ, Беларусь вышла едва ли не на первое место в мире по потреблению алкоголя. Введение всеобщей контрактной системы помогло власти в локализации реальной безработицы, но в структуре увольняемых с предприятий преобладают увольняющиеся по собственному желанию (примерно 80 %) и 6–7 % прогульщики и прочие, которых увольняет администрация.

Можно еще вспомнить «дебюрократизацию государства», пресловутое «одно окно», обращение к которому, как и раньше, требует согласования самых простых вопросов во множестве инстанций. «Окно», известно из опыта, удовлетворительно работает только в моргах, в ритуальных службах и крематориях. Эти институты действуют среди других достаточно эффективно и потому дают самую достоверную социальную статистику, поскольку похоронить клиента можно, только выдав официальное свидетельство о смерти.

В других службах полная неразбериха. Например, в службе занятости вам скажут, что официальная безработица составляет 0,5 % экономически активного населения, это — каких-нибудь 21,8 тысячи человек, которые получают в среднем пособие в 175 тысяч рублей. И при этом на 41 безработного приходится 100 предлагаемых вакансий. Как говорится, иди и трудись.

Не хотят. Поскольку государственные законные гарантии безработному подразумевают предоставление подходящей работы. Образно говоря, если на биржу попадает буфетчик, а имеется свободное место укротителя в цирке, он имеет право отказаться от такого предложения. Подходящая работа предполагает сопоставимые условия труда и заработную плату. Если условия и зарплата существенно хуже и ниже, нежели клиент имел на предыдущей работе, то он имеет право от этого предложения отказаться.

В то же время несложный расчет показывает, что официальная численность вакансий чуть превышает 50 тысяч. Но людей, которые ищут подходящую для себя работу, или не ищут, или имеют иные (некриминальные) источники доходов, гораздо больше. И это не должно ни удивлять, ни раздражать никого, особенно власти. Например, президента, который возмущается, что, по данным его чиновников, «около 500 тысяч граждан не задействованы в экономике страны. Пусть 100 тысяч — это домохозяйки и работающие на собственном подворье. А 400 тысяч чем занимаются? За что живут?»

На этот вопрос есть точный ответ — вашими стараниями и молитвами, товарищ президент, но каждый живет, как может. Большинство из этих 400 тысяч как-то перебивается с хлеба на квас, а кто-то благоденствует, не работая.

Кому икра черная, кому — баклажанная

В данной ситуации всех «сограждан» можно разделить по «трудовому участию и доле общественного пирога» на несколько категорий. Первую, о которой часто говорит Александр Лукашенко, образует малочисленная группа, представители которой буквально кичатся богатством, которое кратно превышает их официальные доходы. Социологи считают их нуворишами, обитателями «зоны бесконтрольного потребления», которые в «пуританских» (прежде советских обществах) положили начало «эпохи гламура».

Об этой группе глава государства говорил неоднократно — ворюги, мол, коррупционеры, настигнет их наш праведный пролетарский гнев. Но когда начинается дождь, то глупо бороться с отдельными дождинками. Надо принимать дождь как объективную реальность и раскрывать зонт над головой. Учитывая белорусскую специфику, зонт надо раскрывать над Дроздами и многочисленными иными «рублевками», над «гламуром» вообще. Представляется, что это невозможно, поскольку у нас «гламурным» можно назвать любого чиновника. А президента надо считать первым по весу и авторитету.

Как отмечалось выше, гламур возникает в зонах бесконтрольного потребления, которые, как ни парадоксально, являются для главы государства не только объектом критики, но и средой обитания.

В социально-экономическом смысле сконцентрированное в первой группе «бесконтрольное потребление» делегируется вниз, где расположилась группа гламурной поддержки. Это обслуга, например, охрана, многочисленные придворные и челядь иного рода, включая, как раньше говорили, дам полусвета.

В общем, представители двух первых групп так или иначе пользуются бесплатными благами, поскольку их деятельность сложно назвать работой,

оцениваемой как общественно полезный труд. В ходе буржуазных революций в сознании трудящихся классов они отождествлялись с трутнями.

Третью группу составляют лица, которые трудятся в негосударственном секторе, самостоятельно занятые и работающие, то есть в бизнесе вообще. Именно это «третье сословие», которое является главным налогоплательщиком, и потребляет собственные, по определению, трудовые доходы.

К четвертой группе можно отнести наемных работников в государственной и полугосударственной экономике. Их отношение к производству и потреблению определяется государством. Это самая многочисленная группа, в которую входят 3,23 млн человек (72 % от численности занятых в экономике). По официальным данным они живут, в основном, на зарплату. Средняя зарплата, которая дифференцирована, сейчас составляет около 6 млн рублей. Например, средняя зарплата в сельском хозяйстве, в швейной промышленности составляет около 5 млн рублей, а в горнорудной, нефтехимической промышленности достигает 10–13 млн рублей.

Горе тунеядцу, который доживет до пенсии

Статистический учет пенсионеров, которые входят в пятую группу, можно сказать, осуществляется поштучно. Поскольку каждый из них расписывается в ведомости, получая «государственное» (президент говорит — бесплатное) содержание, общее количество пенсионеров определяется максимально точно. В настоящее время на учете в органах социального обеспечения состоит 2549,6 тыс. человек. Средний размер пенсии по труду составляет около 2,6 млн рублей, средний размер социальной пенсии — около 1,2 млн рублей. Размер последней устанавливается в долях от бюджета прожиточного минимума (БПМ). Дифференцированно. Так, социальная пенсия инвалиду первой группы устанавливается в размере 110 % БПМ, а лицам, достигшим пенсионного возраста, но «не наработавшим» нужный стаж, — 50 % БПМ.

К этой категории получателей социальной пенсии можно отнести и так называемых «тунеядцев». Те же домохозяйки, лица, не имевшие официальной занятости, и простые бездельники, и бомжи, питающиеся от отходов крупных городов. Лукашенко мог бы не потрясать воздух риторическими вопросами, поскольку даже обычному обывателю понятно, что бомжу приходится и голодно, и холодно. В настоящее время бюджет прожиточного минимума составляет 1,3 млн рублей. Поэтому пенсия «престарелых тунеядцев» не превышает 650 тыс. рублей. Мизер, на который жить невозможно. Этим «деньжищам» мог бы обрадоваться разве бомж, но эти люди так долго не живут.

Иными словами, трудно в Беларуси жить и трудящимся, и пенсионерам, и тунеядцам. Особенно «тунеядцам», которым удается доживать до старости.

Что бы ни говорили о белорусах, они всегда отличались способностью к сотрудничеству с официальными организациями. И коль есть такая возможность, всегда работают. Но даже в самых высокоорганизованных обществах есть «бездельники», которые предпочитают жить «нестяжателями», ограничивая свои доходы минимумом. В основном это явление возрастное. Как случилось некогда с хиппи, которые со временем пересмотрели свое отношение к государству и были ассимилированы его структурами.

В этом случае надо говорить не столько о социально-экономическом, сколько о культурном феномене, своеобразном андеграунде, протестующем против неконтролируемого потребления гламуром. Против лицемерия, по канонам которого нувориши хотят представить себя «благородными донами». Например, некая дама, которая служит в должности главного банкира страны, убеждает публику, что жить надо в самоограничении, экономить даже на сезонной обуви, как это делает она.

В итоге не получается ни дамы, ни банкира. На какую должность ее не определи, она остается обычной теткой, выросшей «в голоде и холоде». Перед которой вдруг открылся гламур.

Проблема, однако, есть. Как и всякая экономическая система, белорусская модель потребляет то количество ресурсов, которое может эффективно использовать. В том числе и рабочей силы. Чтобы увеличить ее потребление, надо обеспечивать реальный экономический рост. В этом случае повысится конкуренция на рынке труда, на который придут 90% всех «тунеядцев».

У нас же все переносится в сферу «идеологии» и милицейских ужесточений. То есть в манипулятивную пропаганду, которая опирается на административный произвол. С одной целью — увековечить существующий режим, отстранив общество от участия в решении его насущных проблем.

Все остальное — пустое кликушество, адресованное старухам-пенсионеркам.

Аномалия-2014

В постсоветских государствах в качестве носителя имперского сознания выступает не русский, а советский человек. Об этом необходимо помнить при анализе реакции белорусов на события в Украине.

Сергей НИКОЛЮК, эксперт НИСЭПИ

Во времена брежневского застоя вошло в моду присваивать персональные имена годам пятилеток. Народ инициативу партии и правительства воспринял как очередной повод для анекдотов. Ограничусь одним.

Диалог в вытрезвителе:

— Фамилия?

— Не помню.

— Имя?

— Не помню.

— Год рождения?

— Решающий.

А кто из читателей «Абажура» помнит, что в новогоднем обращении Лукашенко 2013 г. был назван «переломным для экономики»? А напрасно. Год с несчастливым номером таковым и оказался, т. к. двузначный рост реальной заработной платы в сентябре сменился падением.

Основываясь на столь решительном развороте важнейшего для населения макроэкономического показателя, автор этих строк высказал предположение, что к концу года электоральный рейтинг главы государства заметно снизится. Декабрьский опрос НИСЭПИ прогноз подтвердил: за четвертый квартал рейтинг потерял 7,8 пункта (сентябрь — 42,6 %, декабрь — 34,8 %).

Первый блин инициаторов присваивать годам персональные имена вышел комом. Тем не менее новогодний почин получил продолжение, и предпоследний год четвертой пятилетки в Беларуси решено было официально объявить «Годом гостеприимства». Понятно, что выбор в пользу гостеприимства был сделан в связи с проведением в Минске Чемпионата мира по хоккею в мае 2014 г.

Приведу первый абзац указа № 537 от 27 декабря 2013 г.: «В целях развития туризма, создания современной туристической инфраструктуры, учитывающей географическое положение, природные, исторические и культурные богатства Республики Беларусь, воспитания у граждан патриотической гордости и уважения к Отечеству постановляю…»

Однако в логике декабрьского падения рейтинга предстоящий год следовало бы назвать «Годом утраченных иллюзий». В пользу данного предложения решительно высказалось белорусское правительство, запланировавшее рост зарплаты в 2014 г. в пределах 3 %.

Тут требуется пояснение. За «нулевые» годы белорусов приучили к двузначному росту личного благосостояния. К хорошему, как известно, привыкают быстро. Стоит ли после этого удивляться, что двузначный рост зарплат и пенсий стал восприниматься большинством соотечественников в качестве основной характеристики стабильности. Желающих испытывать патриотическую гордость и уважение к Отечеству за однозначный рост личного благосостояния сегодня найти не так-то просто.

Поэтому не надо было обладать талантом Нострадамуса, чтобы, глядя на жалкие 3 %, предсказать дальнейшее снижение рейтинга главы государства в 2014 г., что и было автором проделано в статье «Совет министров решил обрушить рейтинг Лукашенко».

Все логично, если бы не одно «но»

Практика — критерий истины. Год подошел к концу. Доморощенный предсказатель попал пальцем в небо, и это при том, что правительство также ошиблось в своем прогнозе. Вместо жалкого роста заработной платы труженики республики получили ее падение за январь-сентябрь на 0,8 % (пусть читатель сам решит, какое прилагательное следует использовать в данном случае).

А как же рейтинг? Он отказался изменяться в соответствии с многолетней логикой и начал расти (см. табл.) Но это — по данным НИСЭПИ. По

информации, неоднократно озвученной в октябре самим рейтингоносцем, уровень его электоральной поддержки достиг 90 %[1]!

Динамика электорального рейтинга Лукашенко

09'13	12'13	03'14	06'14	07'14	09'14
42,6	34,8	39,8	39,8	38,9	45,2

Таким образом, уходящий год можно смело назвать «Годом электоральной аномалии». Причины аномалии следует искать в украинских событиях. Вот как, например, это делает «БелГазета»: «Избиратель отдает предпочтение не форме усов, толщине предвыборной программы или цвету полосочек на ленточках. Для него все познается в сравнении, в нашем случае — с Украиной. Тут зарплату платят — там задерживают, сокращают или облагают добровольно-принудительными налогами на военно-патриотические нужды. Тут худо-бедно что-то дают — там в основном отбирают, от бизнесов до конфискуемых в зоне АТО авто и микроволновок. Тут бедненько, зато чистенько — там темпы инфляции и роста цен на ЖКУ превышают уровень тутэйших страхов. Там стреляют — тут не стреляют (существенная разница!). Нормальный выбор нормального обывателя — за стабильность, против насилия и беспредела».

Вроде бы все логично, если бы не одно «но». Нерациональное поведение белорусов (рост поддержки главы государства на фоне снижения доходов) автор цитаты объяснил их… рациональностью.

Рациональность — главная характеристика современного европейского человека. Так, может, прав был Лукашенко, трижды в интервью «Евроньюс» использовавший словосочетание «мы европейцы»?

Подобного взгляда на причину Аномалии-2014 придерживаются практически все независимые белорусские аналитики. Единственное исключение — автор этих строк.

«Крым — это кодовое слово»

Для пояснения своего аномального взгляда на Аномалию-2014 следует напомнить читателям, что белорусское общество, как и общество российское, может находиться в двух состояниях: политической апатии и политического возбуждения.

В отличие от НИСЭПИ, проводящего опросы раз в квартал, российские социологические службы имеют возможность работать в еженедельном режиме. Такая оперативность позволяет отслеживать реакцию российского общества на конкретные события практически в online-режиме.

И что же мы имеем? Мы имеем нулевую реакцию на Майдан и на Олимпийские игры в Сочи. Последний факт будет интересен для тех,

[1] Отыскать источник, готовый взять на себя ответственность за столь высокий уровень электоральной поддержки Лукашенко, автору не удалось. Наиболее дотошным читателям поясню, что на волне кампании «Крым наш!» электоральный рейтинг президента России Путина, по данным прокремлевского Фонда общественного мнения, выше 72 % не поднимался.

кто наивно полагает, что из Чемпионата мира по хоккею Лукашенко мог извлечь электоральные дивиденды.

Иными словами, нормальный российский обыватель, если воспользоваться терминологией «БелГазеты», отказался делать нормальный выбор в пользу стабильности, против насилия и беспредела. Ни «огненное кольцо» на Майдане, ни расстрел «небесной сотни» не вывели его из состояния политической апатии. Но если мы сравним между собой значения социальных индексов по состоянию на начало и на конец марта, то у нас сложится впечатление, что речь идет о разных обществах.

Дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или страна движется по неверному пути? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	01’14	02’14	03’14	04’14	05’14
Дела идут в правильном направлении	43	47	60	58	60
События ведут нас в тупик	41	37	26	26	23
Индекс правильности курса*	2	10	34	32	37

***Разность между позитивными и негативными оценками**

Разумеется, никакая причина заменить (кардинально изменить) российское общество за столь короткий срок не могла. Для реальных социальных изменений требуются сроки, измеряемые поколениями. Но, как и в случае с конкретным человеком, переход миллионов из состояния апатии в состояние возбуждения может произойти практически мгновенно. Был бы подходящий повод.

И такой повод нашелся. Для его описания мне потребуется помощь российского политолога Владимира Пастухова: «Крым — это кодовое слово в русской исторической памяти. Потеря Крыма — один из самых глубоких рубцов, возникших в народном подсознании после распада советской Империи. В этой точке сходится бесчисленное количество оголенных нервов русского мира. Горечь от потери Крыма находится за пределами рационального восприятия и живет практически в каждом русском сердце. Поэтому Путин не просто послал войска в Крым. Он повернул ключ зажигания в национальном подсознании, мгновенно введя население огромной страны в состояние аффекта. Как только были произнесены сакральные слова “Крым” и “война”, в душах десятков миллионов людей включился “основной инстинкт” и раздался “рев племени”. И теперь этот “рев племени” стал объективным фактором, определяющим общественно-политическую обстановку в стране».

Рекомендую последнее предложение перечитать еще раз. Событие, обозначаемое сегодня как «Крым наш!», изменило представления россиян о реальности (строго говоря, человек всегда реагирует не на реальность, а на свои представления о ней). Для иллюстрации данного утверждения прибегну к помощи еще одной таблицы, позаимствованной на сайте Левада-Центра.

На протяжении 2013 г. индекс правильности курса отклонялся от нулевого значения на 1–2 единицы. В феврале он подрос (опрос проводился в конце месяца), а в марте подпрыгнул. В августе был зафиксирован исторический максимум — 42 единицы!

Левада-Центр ежемесячно фиксирует целый букет социальных индексов, и все они после аннексии Крыма повели себя аналогичным образом.

«Решение крымского вопроса, — отмечает эксперт Левада-Центра Мария Красильникова, — вызвало небывалый прилив социального оптимизма, основанного на стремительном росте надежд на эффективность верховной власти».

В переводе с языка профессиональных социологов на язык повседневности это означает, что рейтинг президента Путина начал стремительно расти. И в качестве причины роста выступил не страх потери стабильности, а массовая эйфория (социальный оптимизм).

Альфа и омега белорусской модели

Все описанное выше означает победу иррационального начала над рациональным. Но это в России. А в Беларуси? Если согласиться с моими оппонентами, коим нет числа, то следует признать, что одно и то же событие (единая его трактовка российскими СМИ) сгенерировало у двух братских народов противоположные чувства: у россиян — эйфорию, у белорусов — страх.

Поверить в подобное расхождение мне сложно, и ссылки на русский империализм звучат неубедительно. На бескрайних просторах СНГ сегодня в качестве носителя имперского сознания выступает не русский, а советский человек. Но откуда следует, что его концентрация среди родных осин принципиально отличается от концентрации среди осин российских?

Согласно культурологу Игорю Пелипенко, к числу базовых признаков имперского сознания в первую очередь следует отнести последовательный этатизм (от фр. État (государство) — мировоззрение и идеология, абсолютизирующие роль государства в обществе). За примерами в Беларуси далеко ходить не требуется. Открываю последнее (на момент написания статьи) выступление Лукашенко: «Всех (руководителей банков. — *С. Н.*) подстричь под одну гребенку. И тогда, если и плохо будет, мы народу сможем объяснить. Плохо? Плохо всем. Это не мелкий вопрос. Как оказывается, он в 15–17 % выливается при стоимости кредитных ресурсов наших банков. Притом не глядя ни на белорусские банки, ни на

российские, ни на зарубежные — всех подстричь под одну гребенку»[2].

Безоговорочное подчинение интересов отдельного человека интересам государства — это альфа и омега белорусской модели. Мне известно лишь одно исключение из этого правила. Полагаю, и для читателей «Абажура» оно не является тайной.

Аннексия Крыма и последующее открытое противостояние Западу компенсирует носителю имперского сознания убожество частной жизни: зависимость, бедность, беспомощность перед государственным произволом. Гражданство носителя имперского сознания при этом особой роли не играет.

Два десятилетия, прошедшие после распада советской империи, не привели к заметному снижению популяции советского человека. «Я уже много раз подчеркивал: никакие компьютеры, мобильные телефоны, пирсинги и прочее не в силах существенно изменить менталитет молодого поколения, которое следует стародавним образцам поведения, хотя внешне почти неотличимо от западных сверстников. В России даже интернет не способствует приобщению к либеральным веяниям и современному мышлению, а выступает порой средством распространения самой вздорной и реакционной идеологии, на которую молодые клюют довольно охотно». Это — Лев Гудков, директор Левада-Центра.

В Беларуси регулярно интернетом пользуется около 60 % взрослого населения, что не мешает абсолютному большинству респондентов (от 60 до 65 %) разделять взгляды российских телеканалов на украинские события (НИСЭПИ).

В России сторонников таких взглядов на 15–20 % больше. Можно ли в этой разнице в пользу «старшего брата» находить повод для оптимизма, не знаю. Это дело вкуса. Но в любом случае мы наблюдаем массовый возврат к архаическим и примитивным в своей основе представлениям. Именно на них основаны сегодняшние механизмы консолидации — через образ врага, через очень сильный рост негативизма ко всем, кто не высказывает симпатий к власти.

Культ Победы

Между прочим, еще до получения результатов мартовского опроса НИСЭПИ, который был проведен в конце месяца (важная деталь!), слом предыдущих трендов был предсказуем. Все дело в том, что нынешняя аномалия является своеобразным ремейком сентября 2008 г.

Напомню читателям, что месяцем ранее Россия провела маленькую победоносную войну

в Грузии. Все, что мы наблюдаем сегодня, имело место и шесть лет назад: рейтинг Лукашенко, социальные индексы и желание объединяться с Россией пошли вверх, а желание интегрироваться с Европой — вниз.

О возврате к архаичным представлениям я уже говорил выше. Культ Победы — один из самых древних. Своими корнями он уходит в догосударственные времена и догосударственную культуру. Поэтому для белорусов ни одно из событий XX века не может сравниться по своей значимости с Великой Отечественной войной. Отсюда постоянные рассуждения Лукашенко о «нашей Победе», которую «мы никому не отдадим».

Маленькой победоносной войне соответствовал кратковременный мобилизационный эффект. Опрос, проведенный в декабре 2008 г., зафиксировал возвращение белорусского общества в исходное состояние. Как долго продлится нынешняя аномалия — вопрос открытый. Первые признаки ее исчерпания уже фиксируют российские социологи.

[2] Отчет правительства, Национального банка о работе экономики за 2014 г. и прогнозе на 2015 г. (11 ноября 2014 г.).

Святлана
ГАЛОЎКІНА

Вечэрні
газета, дзе ёсць

Прызы атрымліваць заўсёды прыемна. Тым больш, калі яны неспадзяваныя. Сапраўды, паездка ў Мінск на падвядзенне вынікаў конкурсу «Найлепшая рэгіянальная газета-2014», фундатарам якога выступае Асацыяцыя выдаўцоў рэгіянальнай прэсы, не абяцала сюрпрызаў. Хаця з вечара было вядома, што першае месца ў намінацыі «Фотажурналістыка» прысуджана карэспандэнту нашай газеты Аляксандру Чугуеву, з якім мы і адправіліся па ўзнагароду.

Якім жа было здзіўленне, калі разам з дыпломам па фотажурналістыцы наша «вячорка» атрымала яшчэ два першыя месцы ў намінацыях «Найлепшая сацыяльная акцыя газеты» і «Культура», ды яшчэ была прызнана лепшым рэгіянальным выданнем гэтага года! Безумоўна, нашы журналісты заслужылі тую перамогу. Аднак спецыяльна для гэтага ў рэдакцыі нічога не рабілася — мы проста штодня выконвалі сваю справу і стараліся, каб наша інфармацыя была аб'ектыўнай, цікавай і разнастайнай.

…Калі 14 гадоў таму выйшаў першы нумар «ВБ», мала хто мог дакладна сфармуляваць не толькі мэты і задачы выдання, але і адказаць на пытанне, навошта ўвогуле ўсё гэта робіцца. Зразумела, было жаданне самарэалізавацца ў абранай прафесіі, хацелася атрымліваць годную зарплату і, што называецца, набыць адпаведны сацыяльны статус, зарабіць аўтарытэт. Журналіст усё ж такі асоба публічная, і менавіта гэта вабіць многіх маіх калег.

Сёння я магу сказаць, што бабруйская «вячорка» займае сярод мясцовых СМІ асаблівую нішу. Гэта, што называецца, газета «з чалавечым аблічча», якая імкнецца быць карыснай для сваіх чытачоў і дапамагае ім вырашаць самыя розныя праблемы.

Канечне, былі перыяды, калі рэдакцыя рызыкавала ператварыцца ў філію ЖКХ альбо мясцовую службу выратавання. Аднак праз усё гэта трэба было прайсці, каб зразумець, што вельмі часта без умяшання журналістаў праблемы, з якімі да нашага выдання звяртаюцца бабруйчане, вырашыць амаль немагчыма.

Так было і са Святланай Якаўлевай, гераіняй адной з публікацый, якая з прычыны абмежаваных фізічных магчымасцяў з самага дзяцінства вымушана была праводзіць цэлыя дні ў кватэры. У сям'і проста не было сродкаў, каб набыць для яе сучасную інвалідную электракаляску. Аднак дзякуючы публікацыі на старонках нашай газеты і на просьбу пра дапамогу адгукнуліся не толькі гарадскія прадпрыемствы, але і прыватныя асобы. Цяпер дзяўчына самастойна перасоўваецца па горадзе, сустракаецца з сябрамі і адкрывае для

Бобруйск
што пачытаць

сябе той дзівосны свет, пра які да нядаўняга часу мела даволі сціплае ўяўленне. Менавіта гэты артыкул прынёс газеце адно з прызавых месцаў на конкурсе рэгіянальных выданняў. Што гэта — шчаслівы выпадак ці заканамернасць? Мне цяжка адказаць. Аднак калі верыць у нейкія вышэйшыя сілы, у справядлівасць, то ніводная добрая справа не знікае бясследна, не застаецца без увагі і вяртаецца дабром. Нават без усялякіх грамат і прызоў, а цёплымі, шчырымі, удзячнымі словамі звычайных людзей.

Як сёння жывецца рэгіянальнай газеце? Тыя, хто мае дачыненне да журналісцкай дзейнасці, ведаюць, што зусім няпроста. За магчымасць заставацца самімі сабой даводзіцца ахвяраваць спакойным жыццём, камфортам і нават фінансавым дабрабытам. Пры гэтым мы не лічым сябе апазіцыяй, да якой прынята прыпісваць усе недзяржаўныя сродкі масавай інфармацыі. Больш за тое, журналістам выдання забаронена на старонках газеты выказваць свае суб'ектыўныя погляды па пытаннях, у якіх яны не з'яўляюцца экспертамі. За іх гавораць героі публікацый, а майстэрства журналіста і яго прафесіяналізм палягаюць у тым, каб знайсці такіх людзей і пазнаёміць іх з нашымі чытачамі.

Зразумела, што сёння ў «вячоркі» хапае праблем, якія тычацца не толькі ўнутранай палітыкі рэдакцыі і фінансаў. Аднак мы імкнёмся да таго, каб рабіць якасны медыйны прадукт, які б балансаваў паміж неабходнасцю зарабляць грошы і даваць людзям вычарпальную інфармацыю. Шмат гадоў таму мы выходзілі пад дэвізам: «Газета, дзе ёсць што пачытаць». Гэты рэкламны слоган даўно ўжо знік са старонак выдання, бо сёння кожны бабруйчанін ведае, што калі трэба набыць газету для душы, а не дзеля тэлепраграмы і аб'яваў, то трэба купіць «вячорку».

Думаю, што неўзабаве значная частка нашых чытачоў будзе аддаваць перавагу інтэрнэт-версіі выдання. З цяжкасцямі арганізацыі працы ў электронным фармаце сёння сутыкаюцца ўсе без выключэння сродкі масавай інфармацыі, і не толькі ў Беларусі, але і ва ўсім свеце. Кожная рэдакцыя выбірае свой уласны стыль пры падрыхтоўцы інфармацыі, і зараз наша задача — знайсці такі варыянт, які б дазволіў не толькі захаваць, але і памножыць аўдыторыю нашых прыхільнікаў. Канечне, зрабіць гэта не так проста з улікам таго, што кожны дзень трэба дбаць і пра больш «зямныя» справы накшталт таго, як зарабіць дастаткова грошай, каб аплаціць паслугі друкарні, купіць паперу, забяспечыць заробак журналістам. Тым не менш наш сайт сярод гарадскіх СМІ, якія таксама выходзяць у друкаванай версіі, мае самую вялікую колькасць наведвальнікаў.

Калі калегі з іншых выданняў даведаюцца пра тое, што многія нашы журналісты не працяраюць днямі штаны ў рэдакцыі і збіраюцца разам толькі зранку, то гэта выклікае даволі цікавую рэакцыю. Нехта ставіцца да такой працы са здзіўленнем, нехта зайздросціць. Вельмі важна, што ў «вячоркаўцаў» ёсць поўная свабода творчасці, за што мы ўдзячныя нашаму рэдактару Наталлі Сысой. І калі да мяне, напрыклад, прыходзіць натхненне, то я магу сабе дазволіць праседзець за камп'ютарам да «першых пеўняў» і не турбавацца, што з самага ранку трэба з'явіцца ў рэдакцыі. Аднак існуе даволі жорсткі дэдлайн, і крый Божа камусьці з журналістаў яго праігнараваць!

З такой дакладнай арганізацыяй працы асабіста мне даводзілася сутыкацца ў многіх расійскіх і ўкраінскіх СМІ, дзе журналістыка ўжо даўно цесна пераплялася з бізнесам і страціла свой творчы складнік. Разам з даверам чытачоў, бо інакш не бывае.

Таму на гэткім фоне нават самыя складаныя праблемы адыходзяць на другі план, і застаецца галоўнае — жаданне працаваць і атрымліваць ад гэтага задавальненне.

Фота Аляксандра Чугуева

Рэдакцыя «ВБ»

Сяргей ШАПРАН

Музеі Васіля Быкава

Да 90-годдзя Васіля Быкава, якое адзначалася ў чэрвені, выйшлі не толькі першая кніга 10-га тома Поўнага збору твораў пісьменніка ды непадцэнзурныя выданні яго знакамітых аповесцей «Мёртвым не баліць» і «Ліквідацыя» («Сотнікаў»), — у Ждановічах быў створаны Музей-дача Васіля Быкава. Мусіць, першы музей-лецішча ў Беларусі і ўжо чацвёрты музей Васіля Быкава ў свеце.

Васіль Быкаў нават і праз дзесяцігоддзе пасля сыходу застаецца адным з самых папулярных беларускіх пісьменнікаў. На карысць гэтага сведчаць не толькі апытанні чытачоў і яго новыя кніжныя выданні, якія з зайздроснай рэгулярнасцю выходзяць як на мове арыгінала, так і ў перакладах… Ждановічскі музей — гэта ўжо чацвёрты музей Васіля Быкава. Раней за яго ўзніклі Сядзіба-музей Васіля Быкава ў вёсцы Бычкі і недзяржаўны музей пісьменніка ў Гродне, а таксама Музей Васіля Быкава ва Украіне. У кожнага з гэтых музеяў свая гісторыя.

Украінскі музей існуе ў сяле Вялікая Севярынка, дзе зімой 1943–1944 гадоў ваяваў Быкаў, дзе ён быў цяжка паранены і ледзь не загінуў пад коламі фашысцкага танка, — яго імя доўгі час было ў спісе тых, хто загінуў, на мясцовым абеліску. Музей стварылі сельскія настаўнікі і школьнікі. Можна толькі пазайздросціць энтузіязму вялікасевярынкаўскіх жыхароў, якія ўжо даўно з апантанай любоўю да беларускага пісьменніка ладзяць музейную экспазіцыю і літаратурныя вечарыны, прысвечаныя Васілю Быкаву.

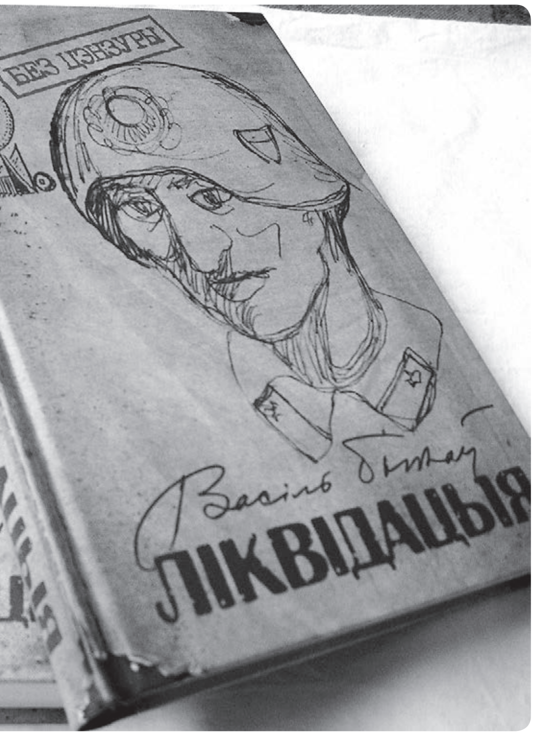
Што тычыцца бычкоўскага музея, дык ён узнік на месцы, дзе раней стаяла хата сям'і Быкавых і дзе ў 1930-я гады гадаваўся будучы класік айчыннай літаратуры. Гэтая хата была зруйнавана праз год пасля смерці Быкава — замест яе рашэннем Ушацкага раённага Савета дэпутатаў і распараджэннем Віцебскага аблвыканкама была пабудавана новая, якая мае даволі шмат адрозненняў ад арыгінала і пра якую сястра пісьменніка Валянціна Уладзіміраўна некалі сказала: «Хата мая як цэркаўка стала. Нават не пазнала яе». Экспазіцыя музея не дужа багатая, але тут ёсць рэчы, якія дасюль памятаюць Васіля Быкава, у тым ліку яго самы першы франтавы ліст да родных, чамадан, з якім будучы пісьменнік у 1957 годзе прыехаў з Далёкага Усходу, сямейны абраз ды прадметы хатняга ўжытку. У музеі няма навуковых супрацоўнікаў — раней яго наглядчыцай была жонка брата пісьменніка Антаніна Аляксандраўна, якая жыве побач, а цяпер там працуе яе сын Мікалай.

У гэтым сэнсе больш пашанцавала гарадзенскаму музею, які быў створаны найперш намаганнямі ветэрана вайны Мікалая Аляксандравіча Мельнікава. Дзякуючы спрыянню і падтрымцы жонкі пісьменніка Ірыны Міхайлаўны гэты музей літаральна напоўнены быкаўскімі рэчамі: кнігамі, фотаздымкамі, дакументамі, машынапісамі, рукапісамі, нарэшце, уласнымі рэчамі Васіля Уладзіміравіча. Але і тут існуе вялікая праблема: музей прыватны і месціцца ў цесным пакойчыку Гродзенскага гарадскога аб'яднання ветэранаў вайны, хоць імя Быкава і найбагацейшая музейная экспазіцыя вартыя асобнага вялікага памяшкання, тым больш, што з наднёманскім горадам звязаны больш за дваццаць гадоў жыцця пісьменніка.

У сваю чаргу ждановіцкі музей узнік найперш дзякуючы добраму памкненню Ірыны Міхайлаўны Быкавай і ініцыятыўнасці тагачаснага міністра культуры Паўла Латушкі, а таксама супрацоўнікаў Дзяржаўнага музея гісторыі беларускай літаратуры: музей створаны ў памяшканні сямейнага лецішча Быкавых, якое Ірына Міхайлаўна падаравала дзяржаве. Па сутнасці, гэта самы аўтэнтычны музей Быкава, бо ўсе рэчы тут ягоныя. Нават сама атмасфера — хутчэй за ўсё, не музейная, а дачная. Невялічкія экспазіцыі (копіі малюнкаў і машынапісаў пісьменніка, фотаздымкі і кнігі) даволі ўдала ўпісаны ў інтэр'ер лецішча і практычна не парушаюць агульнага ўяўлення пра адзін з адрасоў жыцця Васіля Уладзіміравіча. Праўда, і тут ёсць праблемы: знайсці музей (як, дарэчы, і музей у Бычках) даволі цяжка, бо ніякіх дарожных указальнікаў няма. Да таго ж зімой ён зачынены з банальнай прычыны халадоў, бо абагравацца звычайнай печкай.

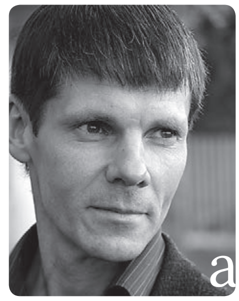
Дадамо яшчэ, што цікавыя экспазіцыі, прысвечаныя Быкаву, ёсць у Музеі Максіма Багдановіча ў Гродне, у Віцебскім абласным краязнаўчым музеі і ў Гудзевіцкім літаратурна-краязнаўчым музеі; вялікая экспазіцыйная зала была да пачатку рамонту і ў Музеі гісторыі беларускай літаратуры. Але будзем спадзявацца, што гэта толькі пачатак і, нягледзячы на шматлікія праблемы, ва ўсіх гэтых музеяў наперадзе доўгае жыццё, якое будзе паступова наладжвацца — разам з асэнсаваннем, найперш на дзяржаўным узроўні, хто быў і хто ёсць Васіль Быкаў не толькі ў беларускай літаратуры, але і ў гісторыі краіны.

Мовай ультыматуму

Да гісторыі першай публікацыі аповесці «Ліквідацыя» («Сотнікаў») Васіля Быкава

Хрэстаматыйны «Сотнікаў» быў напісаны Васілём Быкавым у 1969 г., апублікаваны са шматлікімі купюрамі ў 1970-м і толькі праз 45 гадоў упершыню выдадзены без цэнзуры і пад аўтарскай назвай — «Ліквідацыя». Як і ў выпадку з іншай аповесцю Быкава — «Мёртвым не баліць», — гэта стала магчымым дзякуючы выдавецтву «МЕДЫЯЛ» і дабрачыннаму ўдзелу мецэната Паўла Бераговіча і журналіста Глеба Лабадзенкі.

Сяргей ШАПРАН

Да гісторыі цэнзуры «Ліквідацыі» («Сотнікава»)

Калі новая аповесць Васіля Быкава «Ліквідацыя» ў перакладзе на рускую мову і пад назвай «Сотнікаў» з’явілася на старонках расійскага часопіса «Новый мир», у рэдакцыі «Полымя» яшчэ толькі разважалі, ці варта яе друкаваць. За публікацыю твора катэгарычна выказаўся Янка Брыль, які пісаў у лісце да «палымянскага» сакратара Алеся Бачылы: «Аповесць В. Быкава пад назвай “Ліквідацыя” я прачытаў у студзені, цяпер пазнаёміўся з яе аўтарскім перакладам, надрукаваным у “Новом мире”. Я быў рашуча за друкаванне яе ў “Полымі”, хаця ў мяне і былі некаторыя заўвагі чыста мастацкага, не вельмі істотнага характару… Аповесць “Сотнікаў” — глыбокі, сумленны, таленавіты твор, і я, безумоўна, за тое, каб ён як мага хутчэй з’явіўся ў “Полымі”. Ненармальна гэта і брыдка, што такія творы з’яўляюцца раней у перакладзе…»

Аднак іншай думкі прытрымліваліся больш уплывовыя пісьменнікі таго часу — Максім Танк і Пятрусь Броўка. Іх лісты ў рэдакцыю «Полымя» красамоўна сведчаць пра тое, каму менавіта Быкаў «абавязаны» тымі зменамі ў аповесці, на якія яго прымусілі пайсці.

«Яшчэ раз уважна перачытаў я аповесць В. Быкава “Сотнікаў”, якая надрукавана ў часопісе “Новый мир”. Шкада, што не маю пад рукой першага яе варыянта са сваімі заўвагамі, каб зверыць усе аўтарскія праўкі. Адно трэба сказаць, што В. Быкаў дапрацаваў многія сцэны, скараціў многія спрэчныя і, на мой погляд, лішнія розныя філасофскія разважанні, якія былі ў першым варыянце.

Зараз аповесць чытаецца з большай цікавасцю, хоць і цяпер яна, напэўна, выкліча шмат заўваг чытачоў. Я — за тое, каб яе надрукаваць у часопісе “Полымя”, параіўшы аўтару крыху праясніць агульны фон, каб не такая фатальная “обреченность” ляжала на героях гэтай аповесці, і, можа, хоць у фінальнай сцэне паказаць галоўных віноўнікаў усёй трагедыі — фашысцкіх захопнікаў. Я не буду раіць, якія сюжэтныя хады можна было б зрабіць. Аўтар — пісьменнік вопытны. Яны яму відней. Тут можна прыгадаць розныя парады і патрабаванні, якія ў свой час рабіліся аўтару “Ціхага Дона”. У кожнага пісьменніка — свой падыход да мэты і яе выражэння. Але гутарка ідзе аб тым, каб не размінуцца з праўдай.

З нарачанскім прывітаннем

Нарач, 2 сакавіка 1970 г. *Максім Танк*».

«Аповесць Васіля Быкава “Сотнікаў” чытаецца з цікавасцю. Прачытаў я яе за адзіны дзень. Якое агульнае ўражанне. Калі я адлажыў аповесць і падумаў, — якое пачуццё яна ў мяне выклікала? Бясспрэчна, нянавісць да здраднікаў-паліцаяў, ну і, канечне, да немцаў, хоць іхнюю лютасць можна

было б паказаць больш. А то доўгі час яны наогул застаюцца па-за сцэнай.

Што б мне хацелася? Бачыць аповесць надрукаванай з некаторымі папраўкамі і дадаткамі, якія аўтару зрабіць было б не вельмі цяжка.

Па-першае, прынамсі ў парадку адступлення паказаць хоць бы адну падзею гераізму партызанаў. Хай бы яна звялася, скажам, да разгрому невялічкага гарнізона дзесьці ў воласці, у невялікім мястэчку. А то ўвесь час яны ўцякаюць (гэтыя Рыбак і Сотнікаў).

Па-другое. Вельмі прыкра, калі Рыбак вядзе Сотнікава на смерць. Можа, адзінкавы такі выпадак і быў, але гэта неўласціва нашаму партызанскаму руху. Можа, варта было б пазбегнуць гэтага, а калі не, дык было б добра, каб Рыбака (нягледзячы на яго пераход у паліцаі) усё роўна павесілі. А то выходзіць, што здрадніцтва, шкурніцтва перамагае…

Жнівень, 1970 г. *Пятрусь Броўка*».

Лісты былі зачытаны падчас чарговага «палымянскага» абмеркавання, пра якое Быкаў пазней распавядаў: «“Полымя” пачало татальнае “абмеркаванне” маёй творчасці. Мылілі мне галаву з асаблівым задавальненнем. Праводзілі паралелі з падрыўной дзейнасцю антысавецкіх радыёстанцый “Свабода” і “Голас Амерыкі”, абвінавачвалі ў здрадзе ідэалам сацыялізму і гэтак далей. Рабілася гэта, натуральна, з дапамогай маіх кніг. Нехта з вельмі пільных заўважыў: у творчасці Быкава, у яго аповесцях няма ніводнага камуніста… Ні благога, ні выдатнага. А я і не мог напісаць інакш, бо ў гады вайны ніхто на гэта не звяртаў асаблівай увагі. Гэта потым пачалі шукаць нейкую партыйнасць, а падчас баёў роля камісараў, палітрукоў, ваенных саветаў абсалютна нічога не значыла. Яны былі толькі сведкамі падзей і не болей. Уздымаць на шчыт палітработу сталі пазней, асабліва ў так званы брэжнеўскі перыяд».

Праз два дні пасля «палымянскага» паседжання прэтэнзіі да аўтара «Сотнікава» былі накіраваны ў пісьмовым выглядзе ў Гродна:

«*19 жніўня 1970 г.*

Паважаны Васіль Уладзіміравіч!

Як Вы папрасілі на паседжанні рэдкалегіі нашага часопіса, — пасылаем Вам асноўныя нашы заўвагі па Вашай аповесці “Сотнікаў”.

1. Хацелася б, каб Вы, калі можна так сказаць, праяснілі агульны фон аповесці: можа б, хоць у парадку адступленняў ці праз успаміны галоўных герояў паказалі адну-дзве падзеі гераізму партызан, каб мясцовыя паліцаі не адчувалі сябе “гаспадарамі” і г. д.

2. Ці не можна некалькі зняць з герояў фатальную “обреченность”, каб яна не ляжала ў іх увесь час на плячах. Добра было б, каб Сотнікаў у Вас хоць бы ў апошні час — пасля допыту і на плошчы — быў больш мужны і цвёрды, — ён жа “касцяк” усёй аповесці. Пажадана, каб Вы некалькі праяснілі яго разважанні ў тым плане, у якім гаварылася на паседжанні рэдкалегіі. (Сотнікаў думае: варты людзі ці не, каб за іх аддавалі жыццё; яго развагі пра адукацыю Рыбака і вышэйшы кодэкс чалавечнасці, пра біблію на матчыным камодзе і г. д.)

3. Можа, дзе больш падкрэсліць, што Рыбак — катэгорыя сацыяльная. Адсюль ясней стануць вытокі яго здрады.

4. Хацелася, каб Вы абавязкова паказалі больш галоўных віноўнікаў усёй трагедыі — фашысцкіх захопнікаў, а не мясцовую паліцыю: вядома, што паліцаі былі толькі фашысцкімі паслугачамі і г. д.

5. Ці трэба, каб стараста “круціўся між двух агнёў”, калі ён ідзе служыць да немцаў па заданні партызан.

6. Не хацелася б, каб людзі “праходзілі міма” Басі — Вашай гераіні, — калі яна хаваецца ад немцаў і паліцыі…

Просім Вас уважліва паставіцца да заўваг і тыя з іх, якія, на Вашу думку, слушныя, улічыць пры дапрацоўцы аповесці.

Друкаваць яе будзем, як толькі атрымаем ад Вас папраўлены рукапіс.

Па даручэнні рэдкалегіі: *П. Кавалёў*
І. Пташнікаў».

Гэта гучала як ультыматум: друкаваць аповесць будзем, як толькі атрымаем *папраўлены* рукапіс.

Літаратурны анекдот

«Дапамогу аўтару ў дапрацоўцы было вырашана даручыць Барысу Сачанку. Сказалі, каб з тым не цягнуць, — прыгадваў у «Доўгай дарозе дадому» Васіль Быкаў. — Адразу пасля паседжання рэдкалегіі, яшчэ пакуль не прастылі свежыя ўказанні, мы з Сачанкам пайшлі да яго на кватэру. Там Барыс мне сказаў, што не п’е, таму і мне не раіць, бо рэдагаваць трэба з цвярозай галавой — справа сур’ёзная. Я ўжо меў вопыт Сачанкавай рэдактуры, калісь яго намаганнямі была амаль цалкам перапісана мая невялічкая аповесць “Здрада”. Цяпер мне Барыс па-сяброўску адкрыў сакрэт рэдактарскіх закідаў да аповесці — адсутнасць у ёй вобразаў камуністаў. Я сказаў, што наогул пазбягаю тых вобразаў, бо не валодаю патрэбным талентам. Мабыць, для іх увасаблення патрэбны талент кшталту Салтыкова-Шчадрына, а ў мяне, калі і ёсць, дык іншы. Сачанка сказаў на тое, што ён гэта выправіць у адзін момант і, пагартаўшы рукапіс, знайшоў здатнае месца. Во тут і напішам: Сотнікаў — камуніст. А што, апроч таго, і сын камуніста, тое вынікае з кантэксту».

Сапраўды, у машынапісе аповесці, у 16-м раздзеле, у прыватнасці, у сказе: «Праўда, за

пяць партызанскіх месяцаў ён нешта зрабіў для свайго абавязку грамадзяніна і байца» Васілём Уладзіміравічам дапісана алоўкам: «і камуніста». Сябар Быкава паэт Генадзь Бураўкін сведчыў падчас нашых з ім гутарак: «Калі вопытны Барыс Сачанка прапанаваў недзе ў тэксце абазначыць Сотнікава як камуніста, Васіль пасля спытаў, як я пастаўлюся да гэтага, таму што сам ён вагаўся. Я адказаў у тым сэнсе, што, можа, для выратавання твора і варта пайсці на такі кампраміс, каб потым, у пазнейшых публікацыях, зняць яго. Мне здавалася, што ў агульным кантэксце гэта будзе не так істотна. Пасля, у публікацыі ў "Полымі", я нават не правяраў, ці даў Васіль згоду на гэту Сачанкаву прапанову, ці не, паколькі мне і цяпер абсалютна не важна — настаўнік Сотнікаў ці, напрыклад, урач, бо яго постаць, яго вобраз — выдатнае мастакоўскае дасягненне ў літаратуры».

Быкаў прыгадваў, што пасля таго, як Сотнікаў «стаў» камуністам, прэтэнзій да аповесці больш не было: «Хоць мы нічога больш не змянілі, у тым выглядзе аповесць пайшла ў набор. Прэтэнзіяў да яе больш не знайшлося ні ў галоўнага — Паўла Кавалёва, ні ў Галоўліце, ні ў ЦК. Што значыць мудры спрактыкаваны рэдактар! Толькі аўтар пры гэтым адчуваў сябе дурнем, ну але гэта яго прыватная справа». А між тым прэтэнзіі насамрэч былі — толькі па цэнзурных меркаваннях тых прэтэнзій было каля ста. Дарэчы таксама будзе сказаць, што ў «расійскім» варыянце аповесці Сотнікаў — хоць гэта і падобна да літаратурнага анекдота — і дасюль застаецца не камуністам. У арыгінале па-беларуску ён зноў стаў беспартыйным толькі цяпер — пасля выхаду непадцэнзурнай рэдакцыі твора.

Пад наглядам цэнзуры

«Сотнікаў» быў надрукаваны ў 11-м нумары «Полымя». Быкаў паведамляў у гэтай сувязі расійскаму крытыку і сябру Лазару Лазараву: «Что ж, пишу, как умею, как понимаю, хотя, разумеется, надо бы много лучше. Но я рад, что и это удалось, хотя с купюрами, с *не моим* названием. В Минске идет только в № 11 "Полымя", и то после длительных проработок автора на двух редколлегиях».

Сапраўды, гэты варыянт істотна адрозніваўся ад ранняй рэдакцыі аповесці. Да прыкладу, у 2-м раздзеле аўтар (дарэчы, выпускнік Саратаўскага артвучылішча) выносіць жорсткі прысуд сістэме вайсковага навучання: «Уся яе [артылерыйскай батарэі. — *С. Ш.*] шматгадовая вывучка ў вядзенні агня з закрытых пазіцый, усе матэматычныя тонкасці яе камандзіраў пайшлі насмарку, як толькі стрэліся з ворагам», — аднак у пазнейшай рэдакцыі гэты сказ адсутнічае. Таксама быў перароблены Быкавым, відаць, з самацэнзурных меркаванняў, наступны фрагмент: «…гарматныя разлікі, гатовыя паказаць ворагу агнявую сілу сваіх гармат. І напэўна паказалі б, калі б абставіны склаліся так, як гэта прадугледжана ў шматлікіх статутах і настаўленнях, выпрацаваных на аснове навукі і практыкі папярэдніх войнаў». У пазнейшай рэдакцыі ён выглядае зусім інакш: «…гарматныя разлікі, наперадзе рухалася баявая ахова — усё як і належыць паводле баявых статутаў». Мусіць, з тых жа самых меркаванняў пісьменнік перарабіў і наступную бязлітасную карціну пачатку вайны: «…трымаўся тае формулы ўсюды, якая толькі і давала яму захоўваць выразнасць сваіх адносін у тым хаосе бязладдзя, разгубленасці, прадажнасці і трусасці, з якімі ён неспадзявана для сябе сутыкнуўся з самага пачатку вайны», — у пазнейшай рэдакцыі тут засталася абсалютна нейтральная думка: «…і ўсюды трымаўся менавіта таго перакананння, што толькі і давала яму захоўваць цвёрдасць сваіх пазіцый ва ўсіх складанасцях гэтай вайны».

Гэтыя самацэнзурныя меркаванні не аднойчы яшчэ прымушалі Быкава перапісваць уласны твор. Такім чынам, напрыклад, цалкам знікла гісторыя пра безыменнага мясцовага работніка, які замест таго, каб арганізоўваць у лесе партызанскі рух, вярнуўся да сям'і, за што і быў пакараны сваімі ж, бо, «хоць ён і не пайшоў да немцаў, але пэўна ўжо дэзерціраваў ад вайны». Тым больш што агаворка: «мо гэта было і няправільна», — дазваляла западозрыць аўтара ў «абстрактным гуманізме». Не засталося следу і ад згадкі, што вораг «неспадзявана засеў пад Масквой і дарма што трубіў, нібы вось-вось бальшавіцкая сталіца падзе», і што «Масква — не Карчоўка, абараніць яе ўжо знойдзецца сіла», бо лепш было не прыгадваць ні восень 1941-га, ні тысячы здадзеных фашыстам савецкіх карчовак, абараніць якія сілы не знайшлося. І таму ў пазнейшай рэдакцыі будзе ўжо не «жах разгрому», а «страх акружэння» — менш эмацыйная, ці, як бы сёння сказалі, дыпламатычная фармулёўка.

І, відаць, каб дадаць Сотнікаву мужнасці-цвёрдасці і зняць з яго фатальную «обреченность» (аб чым так настойліва прасіла рэдкалегія «Полымя»), Быкаў крэсліў і крэсліў свой твор. І вось ужо ў пазнейшай рэдакцыі адсутнічаюць цэлыя сказы і фрагменты, гаворка ў якіх ідзе пра Сотнікава: «Твар, рукі, калені занямелі на ветры і сцюжы — было зусім блага і ў той жа час неяк бязвольна абыякава да ўсяго і да сябе ў тым ліку»; «І ў галаве яго прамільгнула кароценькае меркаванне-ўспамін аб тым, колькі разоў ён жахаўся ад гэтае самае свае думкі-канца, які дагэтуль усё неяк мінаў яго, адсоўваўся, не праўдзіўся. Але тут ужо не спраўдзіцца ён не мог»; «…жыццё спарахніла вайна, з самага яе пачатку ўсё пайшло не так — усё наперакос» і г. д.

Аднак там, дзе аўтар усё ж не здолеў перапісаць свой твор, на «дапамогу» прыходзіў жорсткі

рэдактар. Таму і з'яўляюцца новыя скарачэнні, якія зроблены ўжо «палымянскай» рэдактурай: «Яго, параненага і хворага, найперш пакідала тое, што было найболей патрэбна»; «Хай бы ўжо везлі хутчэй ды канчалі, як там надумалі. Мяркуючы па ўсім, іхняе існаванне на гэтым свеце ўжо не мела вялікага сэнсу». І канешне, не мог Сотнікаў «нечакана для сябе, у прыліве збалелае душэўнай шчырасці» ўспомніць Бога, «чаго з ім не здаралася ніколі», таму гэты сказ рэдактурай быў зноў жа выкраслены. Таксама як, вядома, не мог ён у апошні момант прыгадаць Біблію, якая некалі ляжала на маміным камодзе, і «хлапчуком ён часам гартаў яе пажоўклыя з асаблівым, застарэла-кніжным пахам старонкі»…

Зразумела, што рэдактарскія скарачэнні датычыліся не толькі Сотнікава. Да прыкладу, вось Быкаў піша пра партызанаў: «…з восені яны сюды не патыкаліся — кружылі па іншых мясцінах, па той бок шашы, пакуль голад і карнікі не загналі іх зноў туды, адкуль месяц назад выгналі», але падчас рэдагавання ў «Полымі» слова «голад» было выкраслена. Ці вось Рыбак, заўважыўшы ў сцяне старастаvай хаты дзіркі ад куль, пытаецца, хто страляў, і староста адказвае: «А такія, як вы. Гарэлкі трэбавалі», — але і гэтае надта ўжо недвухсэнсавае параўнанне партызанаў з паліцаямі рэдактура «Полымя» не пакіне незаўважаным — замест словаў «як вы» з'явіцца шматкроп'е. А ад рэплікі ж следчага Партнова: «Гэта Саветы нічога не маглі. Хіба што караць», — у «Полымі» застанецца толькі першы сказ.

Прыгадаюць аўтару і такую «палымянскую» прэтэнзію: «Не хацелася б, каб людзі "праходзілі міма" Басі — Вашай гераіні, — калі яна хаваецца ад немцаў і паліцыі…» І таму знікнуць падчас першапублікацыі наступныя сказы з аповеда Басі: «…парсюкі там былі. Дык я каля іх. Заціснулася ноччу між свіннёй і падсвінкам і сплю. Свіння спакойная была, а падсвінак нягодны — кусаўся…»; «А ела… Ну там у карыце нешта выбірала…» І, відаць, каб людзі не «праходзілі міма» Басі, ужо ў пазнейшай рэдакцыі ў характарыстыцы дзяўчынкі перад сцэнай пакарання — «апанураная адзінокая Бася» — рэдактар выкрасліў «адзінокая»…

Дзеля справядлівасці трэба сказаць, што былі заўвагі да аповесці і зусім іншага характару, да якіх Быкаў паставіўся з разуменнем. Пра адзін такі выпадак распавядаў сам Васіль Уладзіміравіч: «Чытач-астраном з Масквы паведаміў, што малады месяц, які тою парой з'яўляецца ў небе вечарам, не можа свяціць і ноччу: да поўначы ён павінен зайсці. Гэта правільна, і я пасля гэта выправіў». У аповесці ж, у 5-м раздзеле, сапраўды чытаем: «Час, мабыць, мінуў за поўнач, маладзічок узлез у самую высь неба і ціха блісkaў там, па-ранейшаму завалочаны святлявым мроівам. Зоркі наўкола яго іскрыліся ярчэй, чым увечары, гучней рыпеў снег пад нагамі — у самую сілу ўбіраўся мароз». Адзначым, што пісьменнік атрымаў некалькі падобных лістоў ад чытачоў, прывядзем адзін з іх:

«4.2.71. п. Научный

Глубокоуважаемый Василь Быков!

В Вашей первоклассной повести "Сотников" есть грубая ошибка: "тоненький серпик месяца" светит партизанам на протяжении почти всей ночи. В действительности тоненький серпик может быть виден на небе лишь 2–3 часа после захода солнца (молодой месяц), и затем он заходит, либо за 2–3 часа перед восходом солнца (старая луна), после чего он теряется в лучах солнца. Около полуночи "в самой выси неба" может быть лишь полная, или близкая к полной, луна. Этот промах, который мне, астроному, бросился в глаза, может быть заметен многим наблюдательным людям самых разных профессий, и его следует исправить при следующем издании повести.

С искренним уважением и наилучшими пожеланиями,

Р. Е. Гершберг 334413 Крым, п. Научный».

Аднак Быкаў, мусіць, памыліўся: ні ў першым кніжным выданні «Сотнікава», ні ў публікацыях у зборах твораў ён не выправіў гэтую астранамічную недакладнасць.

Няўдалая спроба экранізацыі

У другой палове XX стагоддзя па творах Васіля Быкава было пастаўлена дзевятнаццаць мастацкіх фільмаў. Да значнай часткі з іх ён сам напісаў сцэнарыі ці зрабіў гэта ў суаўтарстве з рэжысёрамі-пастаноўшчыкамі. Аднак сярод такой колькасці фільмаў Быкаў вылучаў толькі «Узыходжанне» Ларысы Шапіцька — экранізацыю «Сотнікава». Сцэнарый для карціны быў напісаны Ларысай Шапіцька ў суаўтарстве з драматургам Юрыем Клепікавым. Між тым, Васіль Уладзіміравіч ніколі не прыгадваў той факт, што і сам напісаў кінасцэнарый па аповесці «Сотнікаў». Ён быў створаны ў адказ на просьбу кінарэжысёра Ігара Дабралюбава, будучага народнага артыста Беларусі і аўтара славутай кінакамедыі «Белыя росы». Ігар Міхайлавіч распавядаў падчас аднаго нашага з ім інтэрв'ю: «Давным-давно я прочел только что опубликованную в журнале повесть Василия Владимировича Быкова "Сотников". Потрясенный, я тут же сел в свою машину и помчался в Гродно к Василию Владимировичу. Приехал, встретились друзья-товарищи.

— Хочу снимать, — говорю.

Я так волновался, что, как сказал Вася, у него на кухне "поставил мировой рекорд" по количеству выпитого кофе. А он спокойно сказал:

Аўтарскі малюнак Васіля Быкава

— Ладно, напишу сценарий. Лично для тебя напишу.

И через некоторое время появляется оглушительный сценарий — "Сотников".

Я с ним туда — меня оттуда, я сюда — меня туда. Водили здесь по всем кабинетам, вплоть до самого верха, в Москве — по Госкино, и кто-то такой ловкий, гадкий, мерзкий лейбл приклеил: мол, это сценарий не о Великой Отечественной войне, а "о гражданской войне в период Отечественной". Вот так.

В общем, выгнали отовсюду, не дали снимать, не вышло у нас с Быковым ничего.

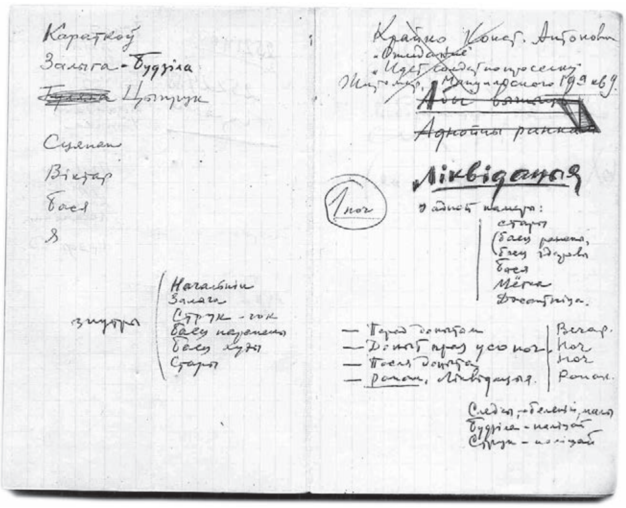
Вскоре звонит мне Вася и сообщает, что ленинградский драматург с московским режиссером будут делать картину по этой повести. Решение Госкино. Вот и все. Оторвали у меня кусок сердца и отдали в другие руки».

Заўважым, што Быкавым былі падрыхтаваны, як мінімум, дзве рэдакцыі кінасцэнарыя, аднак ніводная з іх не была прынятая. Сцэнарый не выратавала нават умяшанне сакратара ЦК КПБ па ідэалогіі Аляксандра Кузьміна. Дабралюбаў пісаў у гэтай сувязі Быкаву: «Вот уже несколько дней, как стало известно, что Госкино закрыло нашего "Сотникова". Письма-заключения они еще не прислали, так что я не знаю и не могу тебе точно сообщить ту формулировку, которую пристегнули к сценарию. Да и в этом ли дело? Какая бы ни была формулировка, а сценария в производстве нет и картины не будет.

Насколько я огорчен, один Бог знает.

Знаю, что к Ермашу ходил Александр Трифонович, но и из этого ничего не вышло. (Філіп Цімафеевіч Ярмаш — старшыня Дзяржаўнага камітэта Савета міністраў СССР па кінематаграфіі. Аляксандр Трыфанавіч Кузьмін — сакратар ЦК КПБ па ідэалогіі. — *С. Ш.*) Видно, где-то в более высоких инстанциях произошли какие-то изменения. По отношению к сценарию».

Між тым назва кінасцэнарыя, «Двое в ночи», мусіць, невыпадковая — такім чынам аўтар, магчыма, спрабаваў «вярнуць» адну з ранніх назваў аповесці. Экзэмпляр сцэнарыя захаваўся ў гродзенскай частцы архіва Васіля Быкава, у яго малодшага сына — таксама Васіля. Сцэнарый значна перапрацаваны пісьменнікам, аднак у першую чаргу звяртаюць на сябе ўвагу папраўкі, на якія Быкаў, хутчэй за ўсё, быў вымушаны пайсці, бо асобныя месцы ў сцэнарыі адзначаны алоўкам (вертыкальнай лініяй побач з тэкстам), і малаверагодна, што гэта зроблена самім аўтарам, — магчыма, рэдактарам з кінастудыі, бо наўрад ці аўтар такім чынам самацэнзураваў уласны твор. Да таго

Распрацоўка сюжэта «Ліквідацыі». Архіў В. Быкава (Гродна)

ж практычна ўсе праўкі і ўстаўкі зроблены Быкавым сінім чарнілам двух адценняў, аловак жа для гэтай мэты ім практычна не выкарыстоўваўся. Акрамя таго, сустракаюцца праўкі відавочна нелагічныя. У першую чаргу гэта датычыцца раптоўнага з'яўлення ў сцэнарыі вялікай колькасці немцаў, якія замяняюць перакрэсленых аўтарам паліцаяў (лік якіх, адпаведна, памяншаецца), што часам прыводзіць да нестыкоўкі асобных планаў сцэнарыя. Так, напрыклад, на двор да Дзёмчыхі, згодна з першай рэдакцыяй, прыходзяць тры паліцаі, аднак Быкавым выпраўлена — «несколько немцев» — і праз тры абзацы: «немцы уже вошли в сени». Паліцаі тут нават не ўзгадваюцца, аднак размову гэтыя «немцы» вядуць на рускай мове, і нават вядома імя аднаго з іх — Стась (праўда, далей у гэтым жа раздзеле аўтар не выправіў «паліцаяў» на «немцаў»). Таксама паспешліва ўпісаны ў эпізод «гер Будила», пазнейшая характарыстыка якога («…здешний палач. Это был буйволоподобный двухметрового роста детина с обезьяньей мордой и длинными руками») выкраслена, відаць, з той прычыны, каб наўпрост не згадваць «тутэйшасць» ката. Новыя персанажы-немцы з'яўляюцца і ў далейшым (напрыклад, падчас допыту Сотнікава Партновым у канцылярыю ўвойдзе шэф СД і паліцыі бяспекі), хоць іх няма ў аповесці і не было ў першай рэдакцыі сцэнарыя.

Гэтае часам нічым не апраўданае ўмяшанне ў драматургічны твор было б цяжка матываваць, калі б не прыведзенае вышэй сведчанне І. Дабралюбава пра тое, што нехта ўбачыў у сцэнарыі аповед пра грамадзянскую вайну ў часы вайны Айчыннай. Трэба думаць, праз гэта аўтар і пачаў так паспешліва «пазбаўляцца» ад паліцаяў. Прыгадаем таксама, што яшчэ падчас падрыхтоўкі аповесці да друку, у прыватнасці, пры яе абмеркаванні на паседжанні рэдкалегіі часопіса «Полымя» Іван Пташнікаў кінуў аўтару «Сотнікава» папрок, быццам у творы «занадта шмат нашых» і «мала немцаў», а Анатоль Вялюгін адзначыў, нібыта ў Быкава — змаганне з трэцяй сілай, як у грамадзянскую вайну. Але тады падобныя прэтэнзіі не мелі сур'ёзных наступстваў, хоць зноў жа нагадаем, што Павел Кавалёў і Іван Пташнікаў, абагульняючы заўвагі па аповесці, звярталіся да аўтара, каб ён абавязкова паказаў фашысцкіх захопнікаў, а не мясцовую паліцыю. І хоць Быкаў побач з гэтым пунктам пазначыў алоўкам «болей немцаў» і сапраўды нешта змяніў у аповесці, аднак масава немцы з'явіліся ўжо толькі ў сцэнарыі.

І што тычыцца яшчэ заўваг кінацэнзараў: не выключана, што менавіта яны прымусілі пісьменніка пазбавіцца і ад аднаго з эпізадычных персанажаў — паліцая па прозвішчы Тарасюк (замест яго паўсюль упісаны паліцай Стась). Справа ў тым, што ў сцэнарыі (таксама як і ў аповесці) быў ужо адзін адмоўны персанаж з украінскім прозвішчам — усё той жа Стась Гаманюк. Пасля публікацыі ў 1966 г. у «Новом мире» аповесці «Мёртвым не баліць» Быкаву працяглы час ставілі ў віну «пространные намеки с попыткой противопоставить украинцев белорусам, утверждение, будто бы все украинцы чуть ли не с раскрытыми объятиями встречали гитлеровцев». І таму, па сведчанні былога прадстаўніка Галоўліта СССР Уладзіміра Соладзіна, "у прозе Васіля Быкава асабліва адсочваліся суадносіны "станоўчых" і "адмоўных" герояў па нацыянальных прыкметах: колькі і якіх рускіх, беларусаў, украінцаў". І калі ў аповесці «Сотнікаў» галоўлітаўскія цэнзары ці не дагледзелі, ці проста пакінулі без увагі ўкраінскія прозвішчы адмоўных персанажаў, дык у кінасцэнарыі цэнзура, відаць, выявіла большую пільнасць: Тарасюк аўтарам быў выкраслены.

Тым не менш нават і гэтыя праўкі не выратавалі сцэнарый — экранізаваць «Сотнікава» Ігару Дабралюбаву не далі. Калі быкаўская аповесць, хоць і дзіўным чынам, але ўсё ж дайшла да чытача, дык кінематаграфічная цэнзура аказалася больш пільнай і жорсткай, і практычна нікому невядомы сцэнарый «Двое в ночи» застаўся фактам толькі літаратурным, але — адзіны выпадак у біяграфіі Васіля Быкава — не кінематаграфічным.

Што ж тычыцца аповесці, дык першапачатковую, безцэнзурную, яе рэдакцыю адшукалі на пачатку XXI стагоддзя і выдалі толькі цяпер, у 2014 г., да 90-гадовага юбілею Васіля Быкава. Аднак, як і ў выпадку з «Мёртвым не баліць», дасюль застаецца адкрытым пытанне: якому варыянту твора аддадуць перавагу выдаўцы і чытачы — аўтарскаму ці таму, які быў зроблены пад пільным наглядам савецкай цэнзуры?

Усе мы нібыта падрыхтаваныя да непазбежнага развітання з блізкімі і сябрамі — два жыцці не пражывеш. Але жыццё, даўжэйшае за зямное, даецца асобам, што здолелі стаць блізкімі шырокаму колу самых розных людзей, — праз справы, творы і ідэі, якім наканавана жыць ці не праз пакаленні.

Страты года

Аляксандр ***ТАМКОВІЧ***

2014 год не быў высакосным, якія звычайна звязваюць з вялікай колькасцю нябожчыкаў, але ён прынёс нам столькі горкіх страт! Я выбраў толькі некалькі фота не проста герояў сваіх артыкулаў і кніг, але Асоб, якія павінны быць і будуць адзначаныя ў гісторыі Беларусі.

Напрыканцы студзеня мы, сябры і паплечнікі, сказалі апошняе «прабач» **Генадзю Уладзіміравічу Грушавому**, чалавеку, які заўсёды ўражваў сваёй энергічнасцю і якога, на мой погляд, не адно пакаленне беларускай грамады яшчэ будзе «адкрываць» і ацэньваць. Хаця б таму, што рэальная справа, якую ён нястомна рабіў, гэтыя пакаленні ратавала ад чарнобыльскай бяды, вучыла жыць у небяспечным нашым свеце з апорай на розум і дабрыню, разбіваючы не толькі межы «местачковых» уяўленняў ды ідэалагічных забабонаў, але дзяржаўныя межы — амаль літаральна. За 20 гадоў працы створанага Грушавым фонду «Дзецям Чарнобыля» было наладжана супрацоўніцтва з 21 краінай свету, дзе актыўна дзейнічалі, скіраваныя на дапамогу беларусам, больш за 500 розных ініцыятыў, а на аздараўленне за мяжу выехала больш за 300 000 беларускіх дзяцей, лічы, насельніцтва даволі буйнога горада.

Мы былі добра знаёмыя, пра дакладнасць у справах і арганізаванасць Грушавога ведаю, канешне, не толькі я, але апошнім сваім зямным учынкам Грушавы ўразіў мяне бязмежна. Прыблізна за месяц да сваёй смерці ён патэлефанаваў у Дом смутку «Цырыманіял» і літаральна «рэгламентаваў» асабістае пахаванне. Якія кветкі варта прыносіць (белыя ружы), якія любімыя карціны павінны стаяць побач з закрытай трунай, якая музыка будзе гучаць у зале, хто са святароў адпявае нябожчыка і г. д. Гэта з яго волі ўсіх, хто прыйшоў развітацца, сустракаў ягоны ўсмешлівы партрэт. Велічэзнай колькасці ягоных сяброў, вучняў, паплечнікаў, удзячных удзельнікаў шматлікіх распрацаваных Фондам праграм Грушавы літаральна забараніў бачыць, што ягонае цела скончыла зямны шлях, — ён падбадзёрваў і заклікаў усіх жыць і працаваць далей, дэманструючы: я з вамі!

Так можа зрабіць толькі МУЖНЫ чалавек.

У садзе, што быў закладзены 26 красавіка 1991 года побач з месцам, дзе потым пабудавалі храм створанай тады парафіі ў гонар Божай Маці, Усіх Тужлівых Радасць, Грушавы пасадзіў грушу. Дрэва зараз — у каляровых стужках. Сябры і паплечнікі дадаюць і аднаўляюць папсаваныя дажджом і снегам; жонка Ірына, дзеці, паплечнікі не так даўно ўсталявалі ў садзе кованую лаўку, — каб кожны мог прысесці, падумаць, параіцца ці паспрабаваць дазнацца, што ж за чалавек вітае яго ўсмешкай з партрэта ля «каляровага» дрэва...

А здымак з ляснога адпачынку, што зроблены вядомым фотамайстрам і сябрам Генадзя Яўгенам Коктышам, ёсць і ў маім альбоме.

Дарэчы, менавіта на пахаванні Генадзя Грушавога я пачуў пра горкую хваробу яго цёзкі — **Генадзя Мікалаевіча Бураўкіна**, які праз чатыры месяцы (30 траўня) таксама адыдзе ў вечнасць... Пра анкалогію тады яшчэ ніхто не казаў (і, напэўна, не ведаў), таму надта хацелася верыць у лепшае. Але…

Добрыя ўзаемадачыненні з Генадзем Мікалаевічам Бураўкіным у мяне склаліся вельмі даўно. Нельга сказаць, што зносіны нашы былі самымі цеснымі і сяброўскімі, але пэўная адлегласць па ўзросце ніколі не перашкаджала творчаму супрацоўніцтву і павазе. Для адной з маіх кніжак Бураўкін напісаў прадмову, на прэзентацыі другой выступаў, хоць не быў сярод герояў гэтага зборніка.

Канешне, было прыемна чуць яго станоўчую ацэнку майго артыкула на «Хартыі» ў падтрымку беларускай мовы — калі табе тэлефануе адзін з лепшых паэтаў сучаснасці, кожны журналіст адчувае сябе «вышэйшым ростам».

Шмат гадоў таму для кнігі «Лёсы» я папрасіў Генадзя Мікалаевіча распавесці сваю біяграфію. Пісьмова, натуральна, бо пісаць за майстроў з прыстаўкай «супер», мякка кажучы, неэтычна. Прайшоў пэўны час, і я амаль вырашыў «педаляваць» просьбу, аднак гэтага не спатрэбілася. За некалькі гадзін да новага 2009 года Бураўкін патэлефанаваў сам і прапанаваў абавязкова сустрэцца «пасярэдзіне». Нашы дамы месяцца адносна недалёка адзін ад аднаго, таму сустрэчу ён прызначыў «агульназадавальняльную».

Так у маіх руках апынуліся рукапісны тэкст і шэраг фота. У тым ліку і з Уладзімірам Сямёнавічам Караткевічам, якое і друкуецца сёння.

Паводле традыцыі Генадзь Мікалаевіч не захацеў «цягнуць» у новы год нявыкананае абяцанне, таму да шматлікіх эпітэтаў, якія не раз гучалі ў яго адрас, я б дадаў яшчэ адзін — АБАВЯЗКОВЫ…

У першыя дні сакавіка 2014 года не стала **Рыгора Іванавіча Барадуліна**, апошняга Народнага (званне з 1992 года) паэта Беларусі.

Нягледзячы на даволі добрае асабістае знаёмства, камунікацыі паміж намі ажыццяўляліся праз агульнага сябра, вядомага журналіста Сяргея Шапрана, за што яму — чарговы дзякуй. Менавіта Сяргей дапамог падрыхтаваць біяграфічны тэкст Рыгора Іванавіча, і менавіта ён (як заўсёды) прынёс мне чарговую кнігу Барадуліна.

Цікава, што для такога падарунка не было ніякай нагоды. Так захацеў «дзядзька Рыгор», і Сяргей крыху нават здзівіўся такой (прыемнай для мяне) просьбе.

Перадаць мне кнігу Барадулін папрасіў незадоўга да смерці... Зрабіць падобнае можа толькі вельмі СВЕТЛЫ чалавек. Той, які прызвычаіўся рабіць іншым добрае.

Для гэтага артыкула-ўспаміну здымак з жонкай Васіля Быкава Ірынай Міхайлаўнай я выбраў невыпадкова. Як вядома, Быкаў і Барадулін былі лепшымі сябрамі на гэтым свеце. Няхай імі застануцца і там…

Ёсць нешта непадуладнае асэнсаванню і ў такім факце. Першым паэтычным зборнікам Барадуліна ў 1959 годзе быў «Маладзік над стэпам». 2 сакавіка 2014 года выйшаў апошні твор Паэта — «Зорка над Беларуссю». Зорка па імені Рыгор Іванавіч Барадулін, якая не шкадавала цяпла і святла для дзясяткаў творчых «маладзікоў» і нават для тых, хто цвердзіць, што расчараваўся ў справядлівасці нябёсаў...

13 студзеня 2015 года споўнілася б 75 гадоў **Міхаілу Афанасьевічу Марынічу**, і я рыхтаваў да гэтай падзеі кнігу нашых размоваў. Хаця слова «размова» ў дадзеным выпадку гучыць вельмі ўмоўна. Пасля другога інсульту Марыніч размаўляў даволі праблемна. Увесь жнівень я ездзіў да Міхаіла Афанасьевіча на лецішча, паказваў фота з чарговага альбома, якое прыязна рыхтавала яго жонка Таццяна, і той (некалькімі словамі) тлумачыў «што, дзе, калі».

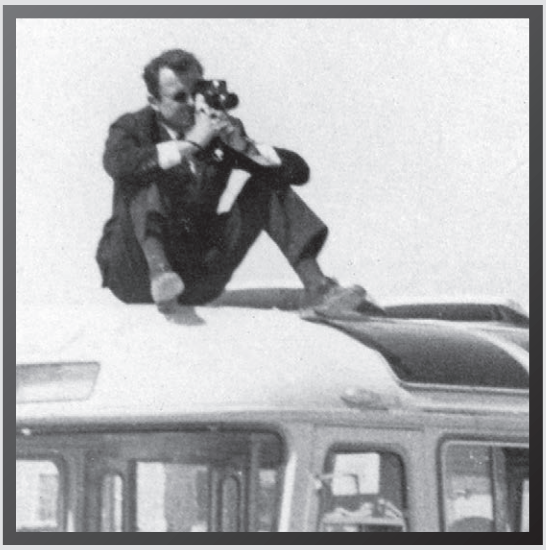
На шчасце, здымкаў было вельмі шмат — фатаграфаванне было хобі Міхаіла Афанасьевіча. Перад камандзіроўкай у Афганістан (1968 год) ён набыў фотаапарат ФЭД, а потым і відэакамеру, і ніколі з імі (нават у афіцыйных візітах) не расставаўся.

Вось на фота аднаго з ягоных сяброў зафіксавана: каб лепш сфатаграфаваць афганскага караля, які прыехаў да іх, Марыніч забраўся на дах службовага аўтобуса.

Дарэчы, пазней адзін са здымкаў Марыніча перамог у конкурсе, які ладзіла тады савецкая амбасада ў Кабуле.

Узгаданае з дапамогай здымкаў ужо склалася ў тэкст, які я, па дамоўленасці, павінен быў паказаць Міхаілу Афанасьевічу. Не паспеў. 17 кастрычніка 2014 года журналіст радыё «Свабода» Валерый Каліноўскі паведаміў сумную навіну…

Днямі я даведаўся, што незадоўга да смерці Марыніч «распрацоўваў» руку, каб можна было на кнізе пісаць аўтографы…

І яшчэ. Дзякуючы жнівеньскім сустрэчам, зараз я шмат ведаю пра жыццё Міхаіла Афанасьевіча і не магу суняць асабістае здзіўленне яго неверагоднай ПРАЦАЗДОЛЬНАСЦЮ.

Горкае кола круцілася гэтым годам! На трызне па Марынічу я апошні раз бачыў **Валерыя Дзмітрыевіча Фралова**. Як вядома, ён збіраўся балатавацца ў прэзідэнты, прасіў дапамагчы з разумным і прыгожым тэкстам улёткі. 10 лістапада высветлілася, што замест улёткі трэба рабіць некралог…

Ведаю, што журналісты любілі прэс-канферэнцыі, у якіх удзельнічаў Фралоў, бо той не часта прытрымліваўся ўласцівага палітыкам лексікону. Заўсёды гаварыў тое, што думаў, і час ад часу называў сябе «маладым палітыкам», таму што прыйшоў у палітыку ў даволі сталым узросце.

Танкіст… Генерал… Нетыповы генерал, які апраменьваў шчырасцю. Цалкам згодны з тымі, хто называе Валерыя Дзмітрыевіча

ПРЫСТОЙНЫМ чалавекам. Ён быў менавіта такім.

На ягоным школьным фота я наўмысна не пазначаю Фралова. Усё там зразумела і без подпісу.

Год Каня забраў у вечнасць адразу пяць герояў маіх кніг, аднак гэтым, на жаль, не абмежаваўся. Шкада, што побач з намі больш няма калегі, ПРАМЯНІСТАГА **Пятра Марцава**, НАДЗЕЙНАГА **Анатоля Удавічэнкі** і мноства тых, каго зараз згадвае кожны чытач…

У гадавіну забойства Веранікі музыкі спявалі пра жыццё і волю

Вечарына памяці Веранікі Чаркасавай праходзіла ў не зусім звыклым фармаце: пра журналістку гаварылі не столькі сябры, калегі і сваякі, колькі музыкі — Лявон Вольскі, Аляксандр Кулінковіч, Аляксандр Памідораў, Алесь Дзянісаў. Многія з іх былі ў свой час героямі яе матэрыялаў, бо Вераніка шмат пісала і пра музыку.

У сталічнай галерэі «Ў» прысутным прэзентавалі зняты ў гэтым годзе дакументальны фільм «Таямніца следства. P. S.» , які даследуе адну з версій забойства Чаркасавай — гэтак званы «іракскі след». Аўтар стужкі — беларускі кінадакументаліст Леанід Міндлін.

Падчас імпрэзы гучалі ўрыўкі з артыкулаў Веранікі, сабраных у кнізе «Чырвоным па белым». Зборнік лепшых артыкулаў Чаркасавай упершыню пабачыў свет у 2005 годзе, а напярэдадні 10-й гадавіны забойства журналісткі быў перавыдадзены.

Фота: www.baj.by

Дыяна Чаркасава, маці Веранікі

Nimium ne crede colori

Не надта давярай колеру (не ўсё тое золата, што блішчыць) (*лац.*).

Мы хацелі зрабіць рубрыку «Ляпы года». Але хто прызнаецца, што зрабіў тут больш за іншых? Заўважаць свае памылкі прыкра, чужыя — чамусьці смешна.

І тады вырашылі, што лепш паразважаць, як не «абляпацца». Дзякуй калегам, што падзяліліся досведам.

Настасся МАЦЯШ

Давярай, але правярай. А лепш — правярай і пераправярай. Нават калі карыстаешся крыніцай, у надзейнасці якой не сумняваешся. Пагатоў цяжка не даць веры гучным імёнам інфармацыйных агенцтваў.

І тым не менш звесткі трэба спраўджваць. Паўсюль працуюць людзі, і яны часам памыляюцца. І калі, расказваючы пра падзею, можам спаслацца на крыніцу і часткова зняць з сябе адказнасць за памылку («Паводле выдання *The New York Daily News*…», «Як цвердзіць *Le Monde*…», «Са словаў журналіста *Deutsche Welle*…»), то няправільна напісанае / прачытанае ў эфіры імя застанецца на сумленні аўтара матэрыялу. (Не скажаш жа: «Як называе гэтага чалавека *Le Figaro*…») Гэтак узнікаюць няісныя персанажы, памылка пашыраецца, праз «перапост» пераносіцца з сайта на сайт, і за колькі дзён у інтэрнэце колькасць няправільных напісанняў прозвішча палітыка, мастака ці ўдзельніка падзеяў можа перасягнуць лік правільных.

Reuters піша пра мультыплікацыйны фільм мастака *Miyao Hayazaki*. Журналіст рыхтуе навіну: Міяо Хаядзакі атрымаў ганаровую прэмію «Оскар» за заслугі ў кінематографе. І гэтак праз памылковую перастаноўку пачатковых складоў самы вядомы ў Японіі (ды і на свеце) мультыплікатар Хаяо Міядзакі (*Hayao Miyazaki*) вымушана аддае свае лаўры творцу, якога няма.

А вось дасканалае ВВС падае інфармацыю: «Дэвид Цвернер, галерист (Германия)». Але ж кіраўнік галерэі Дэйвід Зврнэр (*David Zwirner*), пра якога ідзе гаворка, — амерыканец, ягоныя мастацкія галерэі месцяцца ў Нью-Ёрку і Лондане, а не ў Нямеччыне. Кошт памылкі — процьма згадак у інтэрнэце пра «*Дэвида Цвернера*» і «*Цвирнера*», і НІВОДНАГА кірылічнага напісання, блізкага да правільнага, хоць менавіта Зврнэрам галерыст сам сябе называе ў роліках на *YouTube*. Імя чалавека — галоўны ідэнтыфікатар асобы. З ім варта быць асабліва ўважлівым і не шкадаваць хвіліны на праверку інфармацыі.

Пагатоў спраўдзіць імя ці нейкую назву варта, калі маеш справу з менш значнымі крыніцамі. Журналіст, спасылаючыся на свежыя польскія выданні, падае пасаду палітыка Робэрта Вінніцкага (*Robert Winnicki*) як прэзідэнта арганізацыі *Młodzież Wszechpolska*. Але ж няцяжка ўпэўніцца, што ён ганаровы, а не дзейны прэзідэнт «Агульнапольскай моладзі», ягоная ж асноўная палітычная праца звязаная з аб'яднаннем «Нацыянальны рух» (*Ruch Narodowy*). Гэткія памылкі псуюць агульнае ўражанне ад матэрыялу і спрыяюць пашырэнню недакладнай інфармацыі.

Вось яшчэ яскравы прыклад выкарыстання неправеранай навіны: «...стваральнікі лятучага скейтборда *Arx Pax* і *Los Gatos* запэўніваюць, што змогуць падоўжыць час працы прылады. Маладыя людзі ўжо назбіралі неабходную суму грошай на платформе *Kickstarter*...» Высвятляем праз пошук дадатковую інфармацыю пра гэтых «маладых людзей» і даведваемся, што *Arx Pax* — назва кампаніі, *Los Gatos* — горад у Каліфорніі.

Гэтак жа недапушчальна падаваць імёны па памяці. Такім чынам у матэрыялах журналістаў паўстае палітык Густаў Эцінгер (замест Гюнтэра Этынгера, *Günther Hermann Oettinger*, камісара Еўразвязу па энергетыцы) або карэспандэнт газеты «Прессбол» Сяргей Юкжык (вядома ж, насамрэч Сяргей Южык). І калі першы пра памылку ў сваім імені, зробленую ў беларускіх медыях, хутчэй за ўсё, ніколі не даведаецца, то другі наступным разам можа і адмовіць у каментары ды супрацы.

Варта больш крытычна ставіцца і да працы калегаў, калі выкарыстоўваеш іхныя матэрыялы. Адзін эксперт у праграме другога эксперта сцвярджае, што слова «пенсія» паходзіць ад англійскага «пенс» (*pence*). І гэтае этымалагічнае вынаходства не толькі не выразаецца падчас мантажу тэлепраграмы, але і спрабуе прабіцца на сайт сродку масавай інфармацыі. За паўхвіліны можна высветліць, што слова «пенсія» паходзіць ад лацінскага *pensio* (плацеж), і пазбегчы ганьбы.

Часам жа зусім ужо неапраўданым даверам карыстаюцца прэс-рэлізы разнастайных арганізацыяў, і за праўдзівую інфармацыю выдаецца звычайная памылка набору.

Вось фрагмент маіх перамоваў з журналістам — аўтарам матэрыялу:

Н. М.: «…хворага на ДТП». Што такое ДТП?

ХХ: Цяжка сказаць, хвароба, па-ўкраінску таксама ДТП.

Н. М.: Я не бачу ў інтэрнэце ніводнай спасылкі, каб згадвалася хвароба ДТП, — ні па-расейску, ні па-ўкраінску.

ХХ: Гэта — прэс-рэліз, там не можа быць памылкі.

І тым не менш беспамылковы прэс-рэліз памыліўся, назваўшы дзіцячы цэрэбральны параліч хваробаю ДТП, што нескладана было высветліць з дапамогаю інтэрнэт-пошуку або звязаўшыся з героямі сюжэта.

У матэрыяле не мусіць заставацца нявысветленых назваў мясцінаў, невядомых абрэвіятураў, не правераных імёнаў людзей. Дакладнае, праверанае падаванне моўных фактаў (імёнаў, прозвішчаў, назваў) не менш важнае за слушную агульную інфармацыю пра падзею. Акуратнасць тут станоўча працуе і на імя аўтара, і на давер да сродку масавай інфармацыі.

Прэм'ер-міністр — у Карыны

І, працягваючы тэму, пры канцы прапаноўваю нізку смешных памылак набору і няправільных словаўжыванняў са штодзённай практыкі стыль-рэдактаркі:

Сістэма п**арв**асуддзя — *Аўтар верыць, што суддзі гатовыя парваць кожнага, хто не пагодзіцца з іхным рашэннем.*

Амаль фрэйдаўская апіска ў матэрыяле пра Лукашэнку: кол**я** ягоных сяброў.

Вазочнікі не могуць свабодна перасоўвацца з-за адсутнасці па**тн**усаў... — *Ад слова «патнець». Мабыць, маюцца на ўвазе нейкія падпахавыя пракладкі.*

Гладка **аголеныя** твары — *Бессаромна!*

З **Арзейбаджана** — *Насамрэч гэта скорагаворка, не сумнявайцеся!*

Аднак пра хаду новага пратэсту ў Грэцыі яе **х**ыхары з айчынных медыяў не даведаюцца. — *Хыхар — падвід хахулі.*

І ўсё ж журналістыка не давала **пакою**. — *Пакой даводзілася здымаць за свае грошы.*

...Ён папросту **абарзіў** мяне... — *Бо калі цябе хтосьці абражае, то ты становішся борзы.*

Паводле выканаўчага дырэктара **сацыяцыі** «Аднаўляльная энергетыка»... — *Агарод — гарод, агурок — гурок, асацыяцыя — сацыяцыя... Уласнабеларускія моўныя працэсы пашыраюцца на запазычаныя лексемы.*

Пакуль улады вырашалі, калі ж распачаць выбары самых **с**высокапастаўленых прадстаўнікоў народа… — *Надта праўдзівая апіска!*

Буйная с**ф**інаферма — *Ферма для сфінак, а мо нават сфінксаў.*

Усе яны ўцягнутыя ў скандал з махлярствам вакол новазбудаваных **вільготных** кватэраў. — *Мокра ў тых ільготных кватэрах, мокра.*

Больш за сотню **пацяпрелых** — *Упрэлі на акцыі і сталі прэлыя.*

Подпіс: ПРЭМ'ЕР-МІНІСТР **УКАРІНЫ** — *А чаму б прэм'еру да Карыны не схадзіць?..*

У афіцыйным лісце да прэзідэнта Барака Оўбамы Дэйвід Пэтрэюс прызнаўся, што пасля трыццаці сямі гадоў сямейнага жыцця яму не хапіла развагі і ён завёў **раманс** з іншай жанчынаю. — *Не бачу ў рамансе з жанчынаю нічога кепскага, шуміха на пустым месцы. Мог бы і больш жорсткі жанр абраць…*

Загаловак: Герасіменя ніяк не наплаваецца. — *Домрачава ніяк не настраляецца, Мірны ніяк не нагуляецца ў тэніс…*

…Нарадзілася беларуская акцёрка Марыя Зінкевіч. На тэатральнай сцэне яна грала ў купалаўскай «Паўлінцы» і **«Варотах бяссмерця»** Кандрата Крапівы. — *«Вароты бяссмерця» — гэта класіка. У школе праходзяць, адзнакі ставяць, за чвэрць выводзяць, пасля за год, пасля атэстат выдаюць, пасля на працы чалавек робіць — вось тут школьныя веды і надаюцца!*

Касціцын-малодшы раптам выключыўся з барацьбы ды **паехаў на ізмену**, у выніку чаго «Ойлерз» зрэалізавалі свой выпад «два ў аднаго». — *І няхай Касціцын ведае, як ягоныя дзеянні глядзяцца збоку, будзе думаць, куды ездзіць.*

Падчас інаўгурацыйных **прадпрыемстваў**, што прайшлі 19 сакавіка ў Ватыкане, адбылася кароткая пратакольная размова старшыні надзвычайнай дэлегацыі Беларусі з новаабраным пантыфікам. — *Беларуская зямля славіцца калійнымі прадпрыемствамі, а ватыканская — інаЎгурацыйнымі.*

За лідарам **чарадою сцелецца ланцужок** з пяці дружынаў. — *Паэтычная спартовая карціна, вартая адмысловага верша.*

Прапусціўшы ў першым перыядзе ад нагі Рамана Ёзі, які бесперашкодна прапырхаў праз усю пляцоўку, нашыя адгуляліся на пачатку трэцяй дваццаціхвілінкі праз гол Яўгена

Кавыршына. — *Ізноў паэзія: «загінуў ад рукі», «прапусціў ад нагі»… Але найдаўжэй уяўленне трымае, вядома, пырханне хакеістаў.*

Віктар Ражанец, **намеснік раённага савета дэпутатаў**. — *Адказная праца ў намесніка цэлага савета дэпутатаў. Магчыма, існуюць таксама наместнікі ЖЭСаў, а то і намеснікі Акадэміі навук.*

Сёння ж у далёкім 16-м стагоддзі нарадзіўся іх стваральнік… — *І далёкае 16-е стагоддзе бачу як сёння…*

Праз увагу медыяў больш заўважнымі становяцца хранічныя балячкі гэтай дзяржавы: няздольнасць скарумпаваных праваахоўнікаў **забяспечыць законнасць і тэрарызм** у Каўказскім рэгіёне. — *Ну не могуць праваахоўнікі забяспечыць належна тэрарызм у Каўказскім рэгіёне! Бяда.*

Закідалі рэлігійныя ўстановы кактэ**лямі** Молата**вага**. Медыі акрэслілі гэтыя дзеянні як «помс**тва** за тэракт». — *Кактэлі Молата**вага** (не блытаць з кактэ**йлямі** Молата**ва**) напаўняюцца нечым молатым: молатым молатам, напрыклад. Бярэш молаты і робіш помст**ву**.*

Адкладзем жарты **на бок** — *А пасля перавернем на спінку.*

Амерыканская мара пад Берасцем. Белы плот, **пенадычна** падстрыжаны газон. — *Аўтар можа пісаць кнігу «101 спосаб падстрыгчы газон».*

Зазнаўшы паразу на паўночным фронце, паўстан**цыі** наступаюць на Дамаск з усходу. — *Цэлымі станцыямі наступаць не выпадае, небяспечна, таму наступ вядуць паўстанцыямі.*

У шведскім Эстэрсундзе пачынае бег беларуская **тройня** — Настасся Дубарэзава, Дар'я Домрачава, Надзея Скардзіна. — *Сястрычкі-блізняткі, дочкі маці-Беларусі.*

Як сцвярджаюць сіно**пыткі**, тэмпературны фон паміж рознымі канцамі краіны досыць значны: амаль дзевяць гра**суд**аў. — *Лёгкім рухам рукі з прагнозу надвор'я атрымліваецца хроніка ўціску, з судамі ды катаваннямі.*

…Напярэдадні яны **выгулялі ўнічыю** турнір «Ініцыял-2013». — *Калі нічыя, то хто паспрачаецца, што гэта крыху не перамога?*

Лекары створаць сятчатку са ствалавых **кратак**. — *З кратак увогуле шмат чаго можна зрабіць, абы ўмелыя рукі.*

Камераў паболее, а карцінка з кожнай з іх будзе адпраўляцца ў адзіны відэа**цэнт**. — *Ну, ці відэадолар, у каго які гаманец.*

Кіраўнік **мініабароны** Егіпта — *Міні-абарона ад максі-нападу.*

Цяпер малому неабходная **спецыялістычная** дапамога. — *Нармальнае словаўтварэнне: сацыялістычная, фармацэўтычная, спецыялістычная.*

Да доўгачаканага **кранавала** ў Бразіліі засталіся лічаныя дні! — *Кранавал — калі валяць краны. Кожны ведае, што ў Бразіліі гэта заўсёды падзея.*

…Прысудзілі сплочваць **выдаткі на** судовыя **расходы**. — *Выдаткі на расходы — гэта тое самае, што прыбыткі на даходы, толькі наадварот. Вывучайце эканоміку!*

Паліт**тых**нолаг Сяргей Гайдай: Януковіч агучыў планы Пуціна. — *Тых нолаг або гэтых нолаг — заўсёды важна вызначыцца, чыіх будзеце.*

Афіцыйны ж Кіеў настроены рашуча і абяцае **навезці** парадак у мяцежных рэгіёнах. — *Калі парадку няма, яго можна і навезці — ці з суседняга рэгіёна, ці з суседняй нават краіны. Заладоўваеш у цяжкавікі і вязеш.*

Рост смяротнасці ад алкаголю будзе **расці**, упэўнены спецыялісты, паказваючы на **рост** насельніцтва ў свеце, **рост** спажывання алкаголю. — *Калі рост расце, гэта заўсёды свята. А калі рост расце і паказвае на рост, то гэта свята з нечалавечым размахам.*

МУС: З 1 лютага лік опіумных нар**мак**аманаў скараціўся з 80 да 5 %. — *Нар**мак**аман — гэта наркаман, адказны за добры ўраджай маку.*

Галаву Белага дома суправаджае яго правая **рука**, дзяржсакратар ЗША Джон Кэры. — *Галаварукі Белы дом. А хто там у іх за іншыя часткі цела цяпер?..*

І ў працяг антрапамарфічных страшылак: **Вочы Захаду** прыглядаюцца да дзеянняў Расеі ў дачыненні Украіны.

Добрага каляднага настрою — і будзьце ўважлівыя!

За полчаса до войны

Если бы этому ляпу позволили размножиться, Беларусь бы числилась в беспрекословных «врагах» Украины.

Татьяна МЕЛЬНИЧУК

Ситуация совсем недавняя: все приключилось во время ноябрьского визита в Минск главы внешнеполитического ведомства России Сергея Лаврова.

Президент Лукашенко и министр иностранных дел России много говорили об Украине. Пресса, во всяком случае, акцентировала внимание на обсуждении именно этой, животрепещущей в мировой политике, темы.

Журналисту, «следящему» за высокими разговорами по оперативным сообщениям надежных агентств, которые к «телам» допускать не боятся, только и делов — лови цитаты! Вот я и выловила, очень меня насторожившее: «Поэтому я хотел бы, чтобы мы и вы, вместе с Владимиром Владимировичем (президентом РФ Путиным. — *Авт.*), с коллегами из Минобороны обсудили ситуацию и пришли к какому-то единому мнению, может быть, даже к единой позиции, чтобы мы могли вместе четко действовать в одном ключе».

Цитата до сих пор доступна в архивах известного информагентства, сотрудников которого я неподдельно и искренне уважаю за стойкость, выносливость и прочие качества, необходимые при освещении официальных событий, куда по бдительности разномастных охран или просто из лени (это сколько же времени надо потерять, пока пары слов дождешься!) не попадает большинство анализирующих высокие речи репортеров.

И вот этот анализирующий — в данном случае я, грешная, — вдруг вскакивает, роняя приснувшую кошку с колен, не попадая в спешке в домашние тапки.

Если за стол переговоров вместе с президентами России и Беларуси сядятся представители Министерств обороны — для чего им общая «позиция» и общий план? Ясен пень — не для вывода союзными силами с украинского Донбасса заплутавших туда «по ошибке» российских военных-«отпускников»!

Угроза быть втянутыми в близкую войну не только репортера из домашних тапок вытряхнет...

Я немедленно поделилась тревогой с коллегой — известным белорусским аналитиком. Тот, правда, спросил, где такое прочла. Коллега следил за встречей высоких лиц по отчетам БЕЛТА, а там возбудившая меня цитата была подана в «усеченном» виде: мол, Александр Григорьевич высказал пожелание обсудить ситуацию с руководством России — и дальше, про «действовать в одном ключе», коротким фрагментом прямой речи.

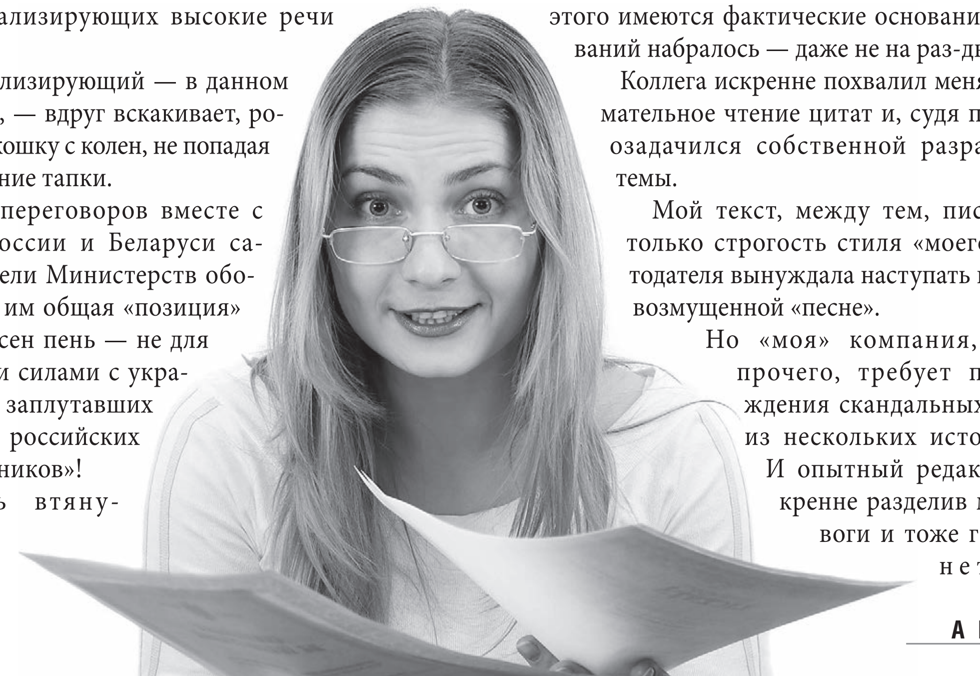
Я «сходила» на БЕЛТА, обнаружила, что ряд других информационных лент и президентский сайт (с опозданием на несколько часов) перепечатали БЕЛТАвскую информацию, но тревога от этого только укрепилась подозрением. Вдруг Александр Григорьевич проговорился, а теперь ответственные за правильное понимание его речей пытаются важную оговорку «завуалировать»? Вдруг уже карты-планы раскладывают на штабных столах, и все эти присевшие у нас «НАТО попугать» российские военные самолеты уже принимают белорусскую десантуру, инструктируя, что в «отпуске» им вовсе не кирпичи о голову придется разбивать?

С еще одним коллегой-аналитиком мы сначала обсудили вытекающий из такой опасной перспективы сценарий, а потом прикинули, какие для этого имеются фактические основания. Оснований набралось — даже не на раз-два-три...

Коллега искренне похвалил меня за внимательное чтение цитат и, судя по всему, озадачился собственной разработкой темы.

Мой текст, между тем, писался, и только строгость стиля «моего» работодателя вынуждала наступать на горло возмущенной «песне».

Но «моя» компания, кроме прочего, требует подтверждения скандальных вестей из нескольких источников. И опытный редактор, искренне разделив мои тревоги и тоже горящий нетерпе-

нием поведать о коварных замыслах «союзников» всему миру, приказал мне, тем не менее: «Ищи». Аудио, видео, еще не менее авторитетное информагентство, корреспондент которого слышал все «вживую».

Я щелкала телевизионным пультом — но в программах новостей нужной мне цитаты все не было.

Я «перерыла» новостные сайты — но или «усеченный» БЕЛТАвский вариант, или ссылка на агентство, мне тревогу подарившее.

Я пожалела даже, что не проявила настойчивости, чтобы войти в «пул» — команду репортеров, жертвующих временем и здоровьем ради нескольких реплик вершителей человеческих судеб.

Цитата в полном объеме была обнаружена мною под вечер: БЕЛТА разместило видео именно с этим фрагментом — и все практически шло там по обнаруженному мной еще утром тексту, кроме одного. Не министерства ОБОРОНЫ, а министерства внутренних дел государств-союзников предложил усадить за общий переговорный стол Александр Лукашенко.

«За полчаса до войны» МВД с его миграционными службами и «бдительностью» курсирующих мимо моих окон милицейских «троек» вернуло в мой дом относительное спокойствие.

То есть российские самолеты остались на белорусских аэродромах. И военное союзничество все-таки растет и крепнет. И какой-то «единый подход» Минска и Москвы к конфликту в Украине вполне вероятен, а некоторые говорят — неизбежен. Но — не сейчас.

«Значит, авторитетное агентство N ошиблось?» — только и написал мне старший редактор.

Еще минут через сорок BBC опубликовала текст с заголовком «Сможет ли Лукашенко сохранить нейтралитет по Украине?». Вполне нормальный текст, с отголосками всех терзавших меня тревог. Но без сенсации-«взрыва».

P. S. Коллеги-аналитики, с которыми я контактировала в этот напряженный день, тоже «отписались», не клюнув на внезапную сенсацию. Я позвонила одному из них — сообщить, что обнаружила разночтения в коварной цитате. Коллега, оказывается, тоже все тщательно проверял...

Любопытно, что, выключая компьютер в конце дня, неожиданно для себя «зацепилась» за навязчивый гороскоп на почтовом сервере. «Новости в этот день могут быть ненадежными», — предупреждал меня анонимный астролог.

Хм... Пожалуй, буду поглядывать иногда. Хотя проверять все придется — и не раз.

Мое признание в любви

Елена ЯКЖИК

...Лукашенко? Да он меня насильно привозил смотреть Дрозды! Путин? Приглашал на ужин в гостиницу «Орбита». Обама? Да мы с его женой чаи совместно пили!..

Не знаю, представляют ли люди вне нашей профессии, что такое работа в онлайн-СМИ. Кто стоит за этим бесконечным потоком информации — дайджестом, оперативными новостями, оригинальными авторскими текстами? В каком режиме работают веб-журналисты?

Это, конечно, риторические вопросы. Потребителю и не нужно знать нашей «кухни», главное — получать оперативный и качественный контент. Желательно без «косяков», как мы в редакции называем технические ляпы. Благо их, как и орфографические ошибки, которые обзываем «блохами», можно поправить в считанные минуты. И без настоящих ляпов — фактических ошибок, которые могут повлечь за собой более серьезные неприятности как для отдельного журналиста, так и для ресурса в целом.

Как лично мне удалось избежать ляпов?.. Вопрос, который, пожалуй, сначала поставил в тупик. «Каких таких ляпов?» — подумала я, пытаясь вспомнить сочный пример.

И не смогла.

Поясню. Дело в том, что работа шеф-редактора или выпускающего редактора онлайн-СМИ — это работа практически без выходных, причем в режиме нон-стоп. Это зависимость от новостей, поскольку, выпади из информационного поля на денек-другой — и ты уже не в теме, с пробелом, который обязательно нужно заполнить. Именно поэтому «выпускающие» и в выходные дни — нет-нет, да заглянут в сеть, чтобы увидеть, чем сегодня живут родина и окружающий мир. Именно поэтому, когда кто-то из них выходит из отпуска, ему дается день, чтобы наверстать упущенное и войти в колею. И, к сожалению, именно поэтому в голове у таких, как мы, так часто бывает каша. Устаревающую информацию «в защитных мерах» стараемся стирать вместе с деталями, — чтобы просто не забивать мозг.

Вообще, конечно, сначала такой режим пугает. Многие коллеги, которые впервые приходят в онлайн-журналистику, или не выдерживают темпа, или не попадают в формат. Но тот, кто втягивается, — другой жизни и не представляет.

Работа заполняет мозг настолько, что даже снится. Лукашенко? Да он меня насильно привозил смотреть Дрозды! Путин? Приглашал на ужин в гостиницу «Орбита». Обама? Да мы с его женой чаи совместно пили! Собчак? Моя подружка. Сталин? Да я его вообще убила…

Естественно, такой ритм накладывает и отпечаток. Случаются выгорание, срывы… Благо, каждый научился преодолевать их по-своему, а коллеги к сбоям относятся с пониманием.

Иногда появляются и фобии. К примеру, боязнь отлучиться от компьютера даже на несколько часов, ведь порой пойдешь в магазин за продуктами, когда в столице тишина, а возвращаешься — уже при новом мэре Минска. Или боязнь дежурства в пятницу, поскольку, по наблюдениям, именно в этот день недели, ближе к вечеру, официальный лидер неожиданно оказывается в какой-то области с рабочим визитом или проводит разносное совещание. И начинает вещать, вещать… К таким моментам, благо, относимся с юмором: понимаем, что живем в стране, где скучать журналистам не приходится.

Еще один из минусов нашей работы, подразумевающей регулярное сидение у компьютера, — лишний вес. С каждым годом труда на онлайн-фронте моя «прекрасная часть» становилась все больше и больше. И никакие пилатесы и ограничения в еде, как ни старалась, не помогали.

В 2014-м увлеклась радикальным методом — лечебным голоданием. По две недели на одной воде в несколько заходов — и, о боги! — наконец, мое отражение меня порадовало. Другой вопрос, как пережил это мой шеф… Спасибо Саше Старикевичу — истерики и слезы, которые случались со мной с завидной регулярностью, он вынес героически.

…Пожалуй, вот так мне и удается зачастую избегать ляпов — благодаря коллегам, которые меня окружают, которые старательно работают в редакционном механизме, налаженном нами же, как часы. Благодаря творческим людям, которые не только являются профессионалами своего дела, но уже и членами семьи, чуткими психологами, друзьями. И это послание — мое признание им в любви.

Аргкамітэт Нацыянальнай прэміі беларускіх праваабаронцаў назваў імёны сёлетніх лаўрэатаў 10 снежня, у Дзень правоў чалавека.

За цыкл перадач «Свабода ў турмах» уганараваная журналістка Алена Панкратава. Прэмію ў галіне журналістыкі атрымаў таксама сайт праваабарончага цэнтра «Вясна» (арганізацыя пазбаўленая рэгістрацыі Міністэрствам юстыцыі Беларусі).

Праваабаронцам года прызнаная Алена Танкачова, прымушаная ўладамі да дэпартацыі з Беларусі. Адвакатам года названая Людміла Казак, што працуе ў Фрунзенскім раёне беларускай сталіцы.

Згодна з традыцыяй, лаўрэатаў прэміі супольна вызначаюць дзевяць беларускіх праваабарончых арганізацый, сярод якіх ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», РПГА «БХК» і іншыя, — а таксама былыя атрымальнікі прэміі.

Фота:
Барыс Гарэцкі

Паводле кітайскага календара нас чакае год Сіняй (Зялёнай) Драўлянай Казы (Авечкі). Тым часам у Беларусі з'явіўся свой сімвал: птушкай 2015 года абвешчана вушастая сава (адпаведны конкурс правяла грамадская арганізацыя «Ахова птушак Бацькаўшчыны»).

Традыцыйны «конкурс» напрыканцы года арганізавала і міжнародная праваабарончая арганізацыя Freedom House, далучыўшы Беларусь да краін «з несвабодным інтэрнэтам».

Але хто мае вушы — чуе, хто мае вочы — бачыць…

Пра вушастую саву ды парнакапытных

Уселася Сава Казе на рогі,
Адпачывае — праўда не ў нагах.
А нас чакаюць новыя дарогі,
Свой «непаўторны, беларускі шлях».

Па ім ішлі мы два дзесяцігоддзі.
Ці клыпалі — з надзеяй на святло?!
Ды толькі XXI стагоддзе
Заможнага жыцця не прынясло.

Дарагавізна. Праўда не ў пашане.
І журналісты церпяць пераслед.
Ды эканоміка ў непрытомным стане,
Ды «несвабодны беларускі інтэрнэт»…

Аднак, калегі, не губляйце веры
У справядлівасць, праўду і любоў,
Бо выкіне Сава з медыйнай сферы
Наглядчыкаў драпежных ды казлоў!

Уладзімір Дзюба

